

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПРЕСЛЕДУЙ *Меня*

СЕРИЯ «ПРЕКРАСНЫЕ МОНСТРЫ»

БЬЯНКА КОУЛ

Бьянка Коул
Преследуй меня

«Автор»

2026

Коул Б.

Преследуй меня / Б. Коул — «Автор», 2026

Прекрасные монстры носят соблазнительные маски — и самый смертоносный из них вошёл в мою бостонскую галерею. Этим монстром стал Николай Иванов: опасный, притягательный, властный. Он пробуждает во мне что-то тёмное. Его одержимость пугает: в моей квартире спрятаны камеры, он появляется именно тогда, когда я в нём нуждаюсь, будто знает каждый мой шаг. Но вместо страха я всё глубже погружаюсь в его мир власти и контроля. При этом и у меня есть тайны. По мере того как из тени выходят угрозы, я понимаю: моё прошлое — не то, чем кажется. Тщательно выстроенная жизнь рушится, опасность и желание сливаются воедино. Теперь я между двух огней: мужчиной, который называет меня своей, и мрачными секретами собственной истории. Мне предстоит решить, бороться ли с тьмой внутри или принять её. В этой игре страсти и власти пути назад нет. И, возможно, я этого не хочу.

© Коул Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящается	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	53
Глава 15	58
Глава 16	62
Глава 17	65
Глава 18	70
Глава 19	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Бьянка Коул Преследуй меня

Посвящается

Всем девочкам, которые хотят папочку из русской мафии, который сожжет города, только чтобы сохранить тебя...

Глава 1

Николай

Я стою в затененном алькове галереи, наблюдая за представшим передо мной зрелищем. Белые стены сверкают под стратегическим освещением, каждый шедевр купается в лучах прожекторов, но они не привлекают моего внимания.

Только она.

София Хенли рассказывает по своей галерее, как королева при дворе. Золотистый шелк ее волос играет на свету, когда она указывает на массивное полотно, объясняя его тонкости группе поклонников. Изумрудный шелк ее платья колыхнется при каждом движении, открывая бесконечный вид на ее ноги.

Я потягиваю шампанское, позволяя пузырькам танцевать у меня на языке, пока запоминаю каждую деталь ее облика. Легкая морщинка на ее лбу, когда она обдумывает вопрос, заданный возможным клиентом, и то, как все ее лицо озаряется, когда она смеется. То, как ее пальцы водят по ножке бокала, когда она слушает, — руки художницы, элегантные, но сильные.

Это моя первая встреча с Софией Хенли, и я не могу поверить, насколько я пристрастился наблюдать за ней. Я случайно посетил ее галерею после того, как кто-то упомянул, что у нее выставлены на продажу одни из лучших произведений искусства в городе.

— Манера письма здесь, раскрывает... — Ее голос разносится по всему пространству, культурный и уверенный. Я улавливаю нотку стали под вежливостью. Интересно.

Она поворачивается, и эти потрясающие глаза скользят мимо моего угла. Я остаюсь неподвижным, позволяя тени окутать меня. Пока нет. Во-первых, мне нужно понять, что движет Софией Хенли.

Потенциальный клиент встает у нее на пути, привлекая ее внимание. Улыбка, которую она ему дарит, идеальна — профессиональная и теплая, но при этом соблюдающая дистанцию. Она научилась хорошо ориентироваться в этих водах. Но есть кое-что еще. Вспышка чего-то более темного, когда она думает, что никто не смотрит.

Я поставил свой пустой бокал на поднос проходящего официанта. Я борюсь с желанием провести кончиками пальцев по изящному изгибу ее подбородка — терпение всегда было моим главным оружием.

София указывает на другую картину, и я замечаю, как охрана галереи реагирует на ее едва уловимые сигналы. Она создала здесь настоящую крепость. Жаль, что она не понимает, что все уже было нарушено.

Толпа расступается, когда София подходит к совершенно современному произведению — геометрическим формам в оттенках малинового и обсидиана. Ее объяснение техники художника и исторического контекста безупречно. Никаких справочных материалов, никаких колебаний, потому что это не отрепетированное знание — она живет и дышит им.

— Взаимодействие света и тени создает ощущение движения, — объясняет она группе. — Обратите внимание, какие мазки кисти...

Я делаю шаг вперед, появляясь из своего угла. — Каково ваше мнение по поводу споров об аутентичности, связанных с его ранними работами?

Она поворачивается, и я ловлю на себе ее удивленный взгляд, прежде чем возвращается ее профессиональный вид. Эти зелено-золотистые глаза прямо встречаются с моими.

— Дебаты сосредоточены вокруг использования им определенных пигментов. — Она поднимает подбородок.

— Интересно. — Я придвигаюсь ближе, позволяя своему присутствию заполнить ее личное пространство. Тонкий аромат ее духов проникает в меня, когда я возвышаюсь над ее миниатюрной фигурой. — Считай, что оно продано.

— Это произведение не...

— Цена не имеет значения.

Она слегка прищуривает глаза. Ей не нравится, что ее прерывают. — Кажется, я не слышала вашего имени.

— Николай Иванов. — Я протягиваю руку, отмечая, что она отвечает на мое крепкое пожатие таким же пожатием. — У меня особый интерес к спорному искусству.

— Мистер Иванов. — Ее улыбка не касается глаз. — Почему бы нам не обсудить детали в моем кабинете?

Я иду за ней по галерее, наблюдая за легким покачиванием ее бедер. Она ведет уверенно, но в плечах чувствуется напряжение. Она знает, что за ней охотятся, даже если не понимает почему. И все же она идет прямо в кабинет, что делает ее очень храброй или глупой.

Дверь с тихим щелчком закрывается за нами.

— Итак. — Она садится за свой стол с отработанной грацией, хотя ее пальцы слегка дрожат, когда она тянется к контрактам. — Может, обсудим условия?

Я улыбаюсь, позволяя проявиться намеку на хищника. Игра начинается.

Опускаясь на стул напротив, я поддерживаю зрительный контакт. — Назови свою цену.

София вынимает документы, ее движения точны. — Эта вещь оценена в три миллиона.

— Четыре. — Я наклоняюсь вперед. — Считай это компенсацией за ускоренную обработку.

Ее глаза встречаются с моими, и румянец заливаает ее шею, но голос остается ровным. — Это весьма великодушно.

— Я могу быть очень щедрым, мисс Хенли.

Электричество потрескивает между нами, когда она ерзает на стуле, скрещивая ноги. Шорох шелка на ее кремовой коже привлекает мое внимание.

— Оформление документов займет несколько дней. — Она протягивает контракт через стол. От нее исходит аромат духов — что-то тонкое, дорогое.

Я просматриваю документ, чувствуя на себе ее пристальный взгляд. То, как она постукивает ручкой по столу. Легкий вдох, когда я поднимаю взгляд.

— Кажется, все в порядке. — Я расписываюсь неторопливыми движениями. Моя рука касается ее руки, когда я возвращаю бумаги, и она отшатывается, как обожженная. Страх и что-то более темное вспыхивают в ее манящих глазах.

— Ваша репутация опережает вас, — говорю я, наблюдая, как она с методичной точностью заполняет контракт. — Особенно ваш опыт в проверке подлинности произведений искусства.

— Я стараюсь проверять все досконально. — София поправляет ручку на своем столе, которая и без того идеально выровнена. Это движение привлекает внимание к ее тонким запястьям и нежным костям под гладкой кожей.

— Достаточно тщательно, чтобы обнаружить подделку Малевича, которая обманула экспертов Christie's в прошлом году.

Ее пальцы замирают. — Ты следишь за сплетнями из мира искусства?

— Я следую совершенству. — Я кладу локти на ее стол, вторгаясь в ее личное пространство, не вставая со стула. — Скажи мне, что выдало его?

— Холст. — Наши взгляды встречаются, и я улавливаю в них вызов. — Рисунок переплетения соответствовал периоду, нитевидность имела микро-вариации, соответствующие современному производству.

Я позволил себе выразить одобрение. — Большинство пропустило бы это.

— Большинство не присматривается достаточно внимательно. — Ее язык скользит по нижней губе. — Вы поэтому здесь, мистер Иванов? Чтобы обсудить количество потоков?

— Николай, — поправляю я ее, отмечая, как расширяются ее зрачки. — И я здесь, потому что ты меня заинтриговала.

— Профессиональное любопытство? — Ее попытка небрежно отмахнуться терпит неудачу, когда я наклоняюсь ближе.

— Давай назовем это личным интересом к профессиональным вопросам. — Кончиком пальца я касаюсь ее ежедневника на столе. — Поужинай со мной.

— Я разделяю свой бизнес и личную жизнь.

— И все же ты здесь, одна в своем офисе после рабочего дня с клиентом. — Я встаю, разглаживая пиджак. — Скажем, завтра? В восемь часов?

София тоже встает, ее каблук приближают ее к моему росту. Меня снова поражает ее аромат — жасмина и чего-то сладкого под ним.

— Я еще не согласилась.

— Ты также не отказалась. — Я тянусь к ее визитнице, выбираю одну с нарочитой медлительностью. Наши пальцы соприкасаются, когда она пытается вручить ее мне. На этот раз она не отстраняется.

— К сожалению, завтра вечером у меня закрытый показ. — Пальцы Софии барабалят по столу, выдавая ее напряжение. — Несколько важных клиентов.

— Тогда в другой раз. — Я подхожу ближе. — Я терпеливый человек.

— Мистер Иванов...

— Николай.

— Я ценю приглашение, но мое расписание перегружено. — Она сдвигается, отклоняясь всем телом. Защитный жест, который только привлекает мое внимание к ее стройной фигуре.

— Ты даже не проверила свой календарь. — Я киваю в сторону ежедневника в кожаном переплете. — Я думаю, ты можешь уделить мне один вечер.

Ее губы приоткрываются, затем плотно сжимаются. — Мне нужно проверить свое расписание.

— Конечно. — Я протягиваю руку. — Я буду на связи.

Эта небольшая пауза выдает ее настороженность, прежде чем она переходит к контакту. От ее прикосновения по моим венам пробегает молния — мягкая элегантность сочетается с моей рассчитанной силой. Ее рукопожатие обнажает сталь, скрывающуюся за ее утонченностью.

Я задерживаю рукопожатие чуть дольше, чем необходимо, позволяя своему большому пальцу коснуться костяшек ее пальцев. Тихий звук застревает у нее в горле.

Когда она пытается убрать свою руку, я на мгновение сжимаю ее крепче — достаточно долго, чтобы установить господство. Ее глаза устремляются ко мне, в их глубине вспыхивает узнавание.

Я отпускаю ее руку, и она тут же прячет ее за спину. Как будто может скрыть эффект моего прикосновения.

— Хорошего вечера, мисс Хенли.

Ее голос провожает меня до двери. — Хорошего вечера, Николай.

От того, что она произносит мое имя, кровь приливает прямо к моему члену. Я останавливаюсь на пороге, моя рука сжимается на дверном косяке. То, как она произнесла его, мягко, почти с придыханием, лишает ее всякой видимости профессиональной дистанции.

Мой член твердеет под сшитыми на заказ брюками. Я поправляю пиджак, чтобы скрыть улики, благодарный за его точный покрой. Желание развернуться, прижать ее к этому нетронутому столу и показать ей, что именно этот голос делает со мной, почти подавляет мой контроль.

Я делаю размеренный вдох, позволяя хищнику внутри меня в последний раз насладиться ее ароматом. Жасмин и ваниль — опьяняющее сочетание, от которого у меня текут слюнки.

Я прилагаю настоящее усилие заставляя себя уйти, каждый шаг размеренный и контролируемый, несмотря на растущую боль между ног. Щелчок закрывающейся за мной двери эхом разносится по опустевшей галерее. Мои руки сжимаются в кулаки, когда я представляю, как ее шелковое платье сжимается у меня в пальцах.

Скоро. Очень скоро София Хенли поймет последствия отказа Николаю Иванову.

Глава 2

София

Я в десятый раз провожу руками по юбке-карандашу, разглядывая свое отражение в витрине галереи. После закрытия пространство становится другим — более пустым, интимным. Я еще раз проверяю ассортимент вин, который выложила на стол.

Прошла неделя с тех пор, как Николай Иванов заплатил больше рыночной стоимости за одно из моих самых провокационных произведений. Не говоря уже о том, что он высокомерно пригласил меня на свидание, хотя мне и не привыкать к подобному поведению, когда дело касается моих клиентов. Многие люди, которым я продаю произведения искусства, богаты и думают, что имеют право на все, что захотят, включая меня. Однако в Николае было что-то другое. Он излучал спокойную уверенность, и он был первым мужчиной, чье предложение я захотела рассмотреть.

Николай Иванов произвел на меня впечатление, от которого я не могу избавиться, поэтому, когда он попросил о частном просмотре, я согласилась. Его глаза были как арктический мороз, и он, казалось, видел меня насквозь за моим профессиональным фасадом.

Мой телефон жужжит уведомлением службы безопасности, предупреждая меня о его прибытии. Делая глубокий вдох, я напоминаю себе, что это всего лишь бизнес. Приобретение произведений искусства. Не более того. И все же мой пульс учащается, когда я вспоминаю его крепкое рукопожатие и то, как его пальцы задержались чуть дольше положенного.

Освещение галереи отбрасывает эффектные тени на стены, подчеркивая каждое произведение, которое я тщательно отобрала и расставила по местам. Искусство всегда было моим убежищем — моим спасением, страстью и целью. Таш постоянно дразнит меня за то, что я трудолюбива, но она не понимает. Когда мои приемные родители погибли в аварии два года назад, искусство было единственным, что удерживало меня в реальности. В то время как остальной мой мир рушился, эти девственные стены и тщательно подобранные коллекции оставались неизменными. На них можно положиться. В отличие от людей, искусство не покидает тебя.

Я стратегически расположила каждую деталь по всему пространству, ожидая приезда Николая. Это то, что у меня получается лучше всего — создавать идеальную атмосферу и рассказывать истории с помощью размещения и света. Это больше, чем просто работа; это то, как я осмысливаю мир и как я сохраняю контроль, когда все остальное кажется хаотичным.

Мои руки не совсем устойчивы, когда я расставляю бокалы для вина.

Звук приближающихся шагов эхом разносится по пустой галерее. Я борюсь с желанием еще раз проверить свою помаду. Это нелепо. Я и раньше участвовала во множестве частных показов, но есть что-то в властном присутствии Николая, что выводит меня из равновесия.

Тихий стук заставляет мое сердце учащенно биться. Я расправляю плечи и иду открывать дверь, моя профессиональная улыбка уже на месте. Ручка холодит мою вспотевшую ладонь, когда я открываю дверь и оказываюсь лицом к лицу с ним.

— Мистер Иванов, — я пытаюсь говорить спокойно, но в голосе звучит сталь. — Спасибо, что пришли.

Его высокая фигура заполняет дверной проем, а идеально сшитый костюм подчеркивает широкие плечи. От его тонкого одеколона у меня пересыхает во рту.

Через дверной проем я упиваюсь его потрясающе красивыми чертами лица. Серебряные нити на его висках отражают свет галереи, подчеркивая его темные волосы. Природа создала его с той же неумолимой точностью, что и резец Микеланджело — каждый угол его лица оли-

цетворяет мужское совершенство, а хищные серые глаза одним взглядом лишают меня тщательного самообладания.

Дневная щетина отбрасывает тень на его подбородок, отчего он выглядит еще более ухоженным, а не неопрятным. Он из тех мужчин, которые кружат головы, не прилагая усилий, которые привлекают к себе внимание благодаря чистому магнетизму.

Явные признаки старения только усиливают его привлекательность, подобно тому, как изысканное вино достигает своего пика. Я бы дала ему около сорока, но в нем есть что-то неподвластное времени. Его идеально сшитый темно-серый костюм подчеркивает широкие плечи, которые сужаются к узким бедрам. Покрой безупречен, вероятно, шит на заказ, и стоит дороже, чем большинство людей зарабатывают за несколько месяцев.

Небольшой шрам через его левую бровь привлекает мое внимание — единственное несовершенство на безупречном в остальном лице. Это делает его человечным и придает характер этим аристократическим чертам. Я ловлю себя на том, что задаюсь вопросом о его истории.

Когда он проходит мимо меня в галерею, это происходит с хищной грацией, от которой у меня перехватывает дыхание. Каждый его жест точен, контролируем и обдуман. В этом человеке нет ничего случайного.

— София. — Мое имя в его голосе звучит как выдержанный коньяк, насыщенный и опасный, разливающийся у меня в животе. — Мне это доставляет удовольствие.

Я веду его по галерее, ощущая электричество его присутствия у себя за спиной. Хотя я обсуждаю происхождение картины начала двадцатого века, кажется, что он сосредоточен на чем-то другом. Его вопросы точны, но личные, они колеблются между экспертизой в области искусства и тонкими расспросами о моем прошлом.

— У тебя замечательный вкус к подлинности. — Он подходит ближе, от его тела исходит тепло. — Как у тебя развился такой... утонченный вкус?

У меня перехватывает дыхание. — Годы учебы. Программа Колумбийского университета была тщательной.

— Колумбия. — Напеваает он, протягивая руку мимо меня, чтобы провести по раме картины. Его грудь касается моего плеча. — И все же ты выбрала Бостон, чтобы утвердиться.

— У здешней арт-сцены есть уникальные возможности. — Я отступаю в сторону, мне нужно пространство, чтобы ясно мыслить. — Хотя я подозреваю, что ты меньше интересуешься галерейной культурой Бостона, чем притворяешься.

Опасная полуулыбка изгибает его губы. — Ты очень наблюдательна. Поскольку ты отклонила мое приглашение на ужин, мне пришлось проявить изобретательность.

— Так это вообще не из-за искусства? — По моей шее пробегает жар.

— Искусство изысканное. От интенсивности его взгляда у меня учащается пульс. — Но не то, что привлекает меня сюда.

Я отступаю назад, натываясь на пьедестал. Он поддерживает меня, его рука обжигает мне блузку. Никто из нас не двигается.

— Это неуместно, — шепчу я, но не отстраняюсь.

— Правда? — Его большой палец рисует маленькие круги на моей руке. — Ты договорилась о частном показе. В нерабочее время.

— Для бизнеса.

— Оставь свои иллюзии, если хочешь. — Он сокращает расстояние между нами, его присутствие подавляет мои чувства. — Хотя отрицание не подходит ни одному из нас.

Годы профессионального самообладания не могут успокоить мое бешено колотящееся сердце. Он медленно и нежно откидывает мои волосы назад, и я забываю, как дышать.

— Скажи только слово, — выдыхает он мне в кожу, — и это закончится.

Я должна. Я знаю, что должна. Но слова не приходят.

Пространство между нами исчезает с мучительной медлительностью. Сначала меня охватывает его тепло, а затем его дыхание скользит по моей коже, вызывая мурашки. Время растягивается, как нагретое стекло, пока он парит, позволяя предвкушению нарастать, пока я не начинаю дрожать.

Когда его губы захватывают мои, это происходит с силой надвигающейся бури. Один удар сердца в сопротивлении, и я тону в ощущениях, отдаюсь поцелую, который является чистым обладанием — всему, чем, я знала, он будет, всему, с чем я боролась, желая этого.

Реальность возвращается. Я вырываюсь, отшатываясь назад. — Достаточно. — Мой голос дрожит, но набирает силу. — Это рабочее место, мистер Иванов. Если вы не сможете соблюдать профессиональные границы, я попрошу охрану выводить вас.

У него вырывается мрачный смешок. От этого звука у меня по рукам бегут мурашки.

— Охрана? — Выражение его лица меняется, что-то опасное мелькает в этих стальных глазах. — Ты думаешь, твои наемные копы смогут увести меня?

Температура в комнате падает. Я опираюсь на ближайший стол, внезапно почувствовав неуверенность в своей опоре. Фасад искушенного бизнесмена дает трещину, обнажая под собой нечто хищное.

— Я не знаю, кем ты себя возомнил...

— Нет. — Он прерывает меня, снова придвигаясь ближе. — Ты не понимаешь. Это становится все более очевидным.

У меня сжимается в груди, когда он возвышается надо мной. Ушел вежливый коллекционер произведений искусства, его заменил тот, кто излучает необузданную силу. Я сильно просчиталась.

— Позволь мне четко сказать, чего я хочу, София. — Его палец проводит по линии моего подбородка, вызывая произвольную дрожь, мое предательское тело жаждет большего. — Тебя. Никакая сила в этом городе не помешает мне заявить права на то, что принадлежит мне.

— И не совершай ошибки... — Его большой палец скользит по моей чувствительной губе, напоминая о его поцелуе. — Ты стала моей в тот момент, когда я увидел тебя.

Тихая напряженность в его голосе пугает меня больше, чем любая демонстрация силы. Это не просто желание. Это нечто более всепоглощающее. И, несмотря на каждый предупреждающий звоночек, кричащий в моей голове, часть меня трепещет от опасности его прикосновений.

— Тебе следует уйти, — мне удастся прошептать.

— Я уйду. — Его рука опускается. — Пока.

Я смотрю на широкие плечи Николая, когда он шагает к выходу, мое тело оживает от его прикосновений. В воздухе все еще витает его одеколон, мужская смесь, от которой у меня подгибаются колени. Кончиками пальцев я провожу по губам там, где его поцелуй оставил на мне клеймо несколько мгновений назад.

Щелчок закрывающейся двери эхом разносится по галерее. Я прислоняюсь к стене, мои ноги дрожат. Пространство кажется более пустым без его властного присутствия, но все еще заряженным электричеством.

— Хватит, — шепчу я, пытаюсь унять дрожь в руках и поправляя дизайнерскую юбку. И все же каждое биение сердца отзывается памятным теплом — его тело, заключающее мое в клетку, его намеренное прикосновение к моей челюсти, тот волчий блеск в глазах стального цвета, когда я осмелилась упомянуть о мерах безопасности.

Я подхожу к своему столу и наливаю себе щедрый бокал вина. Бордовая жидкость плещется о стекло, когда я пытаюсь ослабить хватку. Один поцелуй. Один поцелуй, и он разрушил все профессиональные границы, которые я выстроила.

Глядя в окно, я вижу свои покрасневшие щеки и припухшие от поцелуев губы. Я едва узнаю себя — я уже не та собранная владелица галереи, которой так старалась стать. И все же, когда я пытаюсь успокоиться, его слова отдаются эхом.

Чего я хочу, так это тебя.

Я дрожала под его вниманием, и мы оба знаем, что прохладный вечерний воздух тут ни при чем. Хищная грация в его движениях, спокойная сила в его голосе — все в нем кричит об опасности. И все же я стою здесь, уже изнывая от желания снова прикоснуться к нему.

Запись с камеры наблюдения привлекает мое внимание. Его гладкая черная машина все еще стоит на холостом ходу снаружи, и я знаю, что он наблюдает. Ждет.

Никакая сила в этом городе не сможет помешать мне заявить права на то, что принадлежит мне.

Я осушаю свой бокал вина, пытаюсь не обращать внимания на то, как мое тело реагирует на воспоминание о его поцелуе. Сегодняшний вечер изменил все, пересек границы, которые нельзя переступать. И, несмотря на каждую рациональную мысль, кричащую предостережениями, маленькая часть меня уже считает минуты до того, как я увижу его снова.

Глава 3

Николай

Послеполуденное солнце отбрасывает длинные тени через окна галереи, пока я наблюдаю за ее движениями. Она не дает мне покоя — грациозный звук, который она издает, когда смеется, неосознанное покачивание бедрами при ходьбе, то, как ее медово-светлые волосы отражают свет. София Хенли. Даже ее имя ощущается шелком на моем языке.

Я видел бесчисленное множество красивых женщин, но в ней есть что-то особенное — что-то, от чего у меня горит кровь. Возможно, дело в том, как она держит себя — в этой идеальной осанке или в нарочитой точности ее жестов. Каждое движение — это симфония контролируемой элегантности, которая вызывает у меня желание разрушить ее самообладание.

Свет выхватывает ее профиль, когда она поправляет рисунок, и у меня руки чешутся проследить линию ее подбородка, чтобы проверить, такая ли нежная у нее кожа, какой кажется. Я хочу намотать эти длинные волосы на кулак и заставить ее подчиниться моей воле. Желание обладать ею, владеть каждым вздохом, каждым жестом поглощает мои мысли наяву.

Это выбивает меня из колеи. Я не теряю контроль ни над женщинами, ни над чем-либо. Я Николай Иванов. Я построил империю на безупречной дисциплине, просчитанных ходах и никогда не позволял эмоциям затуманивать мои суждения. И все же я здесь, наблюдаю за ней, как какой-то влюбленный подросток, а не как человек, которого все боятся. Что-то в ней пробивает все стены, которые я возвел, заставляя меня забыть о десятилетиях тщательно поддерживаемого контроля. Резкий стук моих дизайнерских кожаных туфель по мрамору привлекает ее внимание. Ее глаза расширяются, золотисто-зеленые радужки темнеют, когда она узнает меня. Легкий румянец заливаает ее щеки, выдавая самообладание. — Мистер Иванов? Я не ждала вас сегодня.

— Дега, которого вы упоминали сегодня утром. — Я подхожу к ней. — Три часа назад, если быть точным.

— Этюд балерины? — Она качает головой. — Я не знала, что вы так внимательно отслеживаете наши списки.

Я протягиваю руку мимо нее, чтобы поправить покосившуюся рамку на стене, моя рука касается ее плеча. — Я слежу за всем, что меня интересует, мисс Хенли.

Этот опьяняющий аромат жасмина и ванили наполняет мои чувства. Мои пальцы задерживаются на раме дольше, чем необходимо, прижимая ее к стене. Она не отстраняется.

— Дега заслуживает частного просмотра. — Я наблюдаю, как по обнаженной коже ее ключиц бегут мурашки. — Хотя я нахожу себя более очарованным другими произведениями искусства в этой комнате.

У Софии перехватывает дыхание, когда она прижимается спиной к стене. — Мистер Иванов...

— Николай. — Моя поправка, звучит как рычание. — Мы уже давно покончили с формальностями, малышка.

Ее зрачки расширяются от нежности. — Николай, это в высшей степени непрофессионально.

— Так вот почему ты не отходишь? — Я прижимаю ладонь к стене. Румянец, заливающий ее щеки, говорит мне все, чего не могут сказать ее слова.

— Я должна показать тебе Дега. — Но ее взгляд опускается на мой рот.

— Верно. — Мой палец проводит по изящной линии ее подбородка. — Ты всегда придерживаешься правил, не так ли? Поделись со мной своими самыми темными желаниями.

Она встречает мой пристальный взгляд, и в ее глазах мелькает тот намек на сталь, который я заметил раньше. — То, чего я хочу, не всегда разумно.

— Мудрость переоценивают. — Я наклоняюсь ближе, мои губы касаются ее уха. — Безопасность — это иллюзия. Но это электричество между нами реально.

Она сжимает руки, борясь с желанием прикоснуться ко мне.

Она делает полшага назад, натываясь на витрину. — Дега находится в нашей частной комнате для просмотра.

Я иду за ней, отмечая, как ее пальцы теребят рукав. Зал для просмотра уютный — примерно пятнадцать квадратных футов, с рельсовым освещением, которое отбрасывает на произведения искусства лужи тепла.

— На рисунке показаны замечательные детали мускулатуры. — Моя рука опускается на ее поясницу, пока мы рассматриваем рисунок. — Обрати внимание, как он уловил напряжение в ее икрах.

— Техническая точность заключается в том, что... — Она замолкает, когда мои пальцы касаются ее затылка.

— Продолжай свой анализ. — Я наклоняюсь ближе. — Ты что-то говорила о точности?

— Линии демонстрируют его понимание движения. — Она пытается сохранить самообладание, пока я провожу пальцем по тому месту, где ткань соприкасается с кожей, но прерывистое дыхание выдает ее. — Поза танцовщицы предполагает одновременно силу и уязвимость.

— Очень похожа на тебя, малышка. — Я слегка поворачиваю ее, располагая между картиной и своим телом. — Объясни, каким средством он пользовался.

Я отвожу ее волосы в сторону. — Уголь и мел, со следами графита для четкости.

— Очаровательно, а запрашиваемая цена?

— Три пятьдесят. — Ее голос дрожит, когда мой большой палец нажимает на точку пульса.

— Беру.

Ее взгляд встречается с моим. — Ты не хочешь вести переговоры?

— Я веду переговоры, когда это необходимо. — Я провожу пальцами по ее руке. — Эта вещь стоит каждого пенни. Хотя я признаю, что произведение искусства было не единственной моей мотивацией для этого визита.

Она дрожит от моего прикосновения, но не отстраняется. Ее язык высовывается, чтобы облизать губы — нервный признак, который я сохраняю для дальнейшего использования.

— Документы, — начинает она, затем замолкает, когда я подхожу ближе. — Я должна принести документы.

— Конечно. — Но я не отступаю. — У вашей галереи репутация аутентичной. Я надеюсь, твой процесс проверки является тщательным?

— Очень. — Она выпрямляет спину, профессиональная гордость на мгновение берет верх над нервозностью. — Мы используем новейший спектроскопический анализ, и я лично отслеживаю происхождение каждого крупного изделия.

— Впечатляет. — Я убираю прядь волос с ее лица, наблюдая, как ее глаза закрываются от прикосновения. — Я ценю внимание к деталям.

Ее дыхание меняется со спокойного на прерывистое. — Контракт в моем кабинете.

— Показывай дорогу. — Я отступаю достаточно, чтобы дать ей пройти, отмечая, как она опирается о стену, прежде чем двинуться.

Работы Дега изысканны — тонкая игра света и тени, необузданная энергия, заключенная в простых линиях. Но наблюдать, как дрожат руки Софии, когда она протягивает их к двери офиса, — вот истинный шедевр этой сделки.

Я следую за ней в ее кабинет, в котором едва помещаются письменный стол и два стула. На стенах выставлены предметы поменьше — вероятно, ее личная коллекция. Ее аромат наполняет замкнутое пространство, заставляя мою кровь пылать. Она садится за свой стол. — Я подготовлю контракт. — Ее пальцы быстро стучат по клавиатуре.

Я обхожу стол, притворяясь, что рассматриваю небольшую картину импрессионистов на ее стене. — Здесь свет не отдает должного цветам.

— Мистер Иванов. — В ее голосе слышатся резкие нотки, когда я подхожу ближе. — Я была бы признательна за соблюдение профессиональных границ.

Я делаю паузу, изучая ее профиль. В ней есть та сталь, которую я заметил раньше. — В зале для просмотра ты казалась менее озабоченной границами.

— Временная ошибка в суждениях. — Она поднимает подбородок, встречая мой взгляд с привычной властностью. — Та, которая не повторится.

Мои пальцы собственнически обхватывают ее плечо. — Ты уверена в этом?

Она резко встает, заставляя меня опустить руку. — Да. Если вы хотите продолжить покупку, мне нужно, чтобы вы расписались здесь. — Она указывает на контракт твердым пальцем. — Если нет, у меня назначены другие встречи.

— Дерзко. Интересно, как долго ты сможешь сохранять этот профессиональный вид.

Ее ладонь касается моей груди, отталкивая меня назад. — Достаточно долго, чтобы ты либо подписал контракт, либо покинул мою галерею.

Ее сопротивление приводит меня в восторг. Женщины поменьше ломаются или заключают сделки, но София встречает угрозу лицом к лицу — великолепная в своем неповиновении, с этими замечательными глазами, горящими вызовом.

Я хватаю ее за запястье, но недостаточно крепко, чтобы причинить боль. — Осторожнее, малышка. Этот огонь в тебе опьяняет, но не забывай, с кем имеешь дело.

Я прижимаю ее спиной к антикварному столу, чувствуя победу в каждом учащенном биении ее пульса под моим большим пальцем. Эти зелено-золотые глаза расплавляются, когда я занимаю пространство вокруг нее, ее осторожное дыхание прерывается.

— Ты думаешь, что контролируешь ситуацию? — Я запускаю пальцы в волосы у нее на затылке, нежно потягивая. — Посмотри, как твое тело реагирует на меня. То, как ты откликаешься на мои прикосновения, даже когда делаешь вид, что сопротивляешься им.

На одно восхитительное мгновение ее тщательно возведенные стены рушатся. Эти золотисто-зеленые глаза закрываются, ее тело предает ее, когда она сдается моим прикосновениям со звуком, от которого у меня горит кровь.

— Вот и все, — бормочу я. — Тебе нужен мужчина, достаточно сильный, чтобы справиться с твоим огнем и должным образом позаботиться о тебе.

Эта восхитительная покорность мгновенно исчезает. Она вырывается из моих объятий с удивительной силой.

— Позаботиться обо мне? — В ее голосе слышится лед. — Я заботилась о себе всю свою сознательную жизнь. Мне ни для чего не нужен мужчина, мистер Иванов, и меньше всего вы.

Она поправляет блейзер, сталь возвращается в ее спину. — Я не смешиваю бизнес с удовольствием. Эта встреча окончена. Сотрудники моей галереи доставят Дега в ваш офис к пяти, как только поступят средства. — Она указывает на дверь. — Я надеюсь, вы сможете найти выход.

Я ухожу с галереи, улыбаясь. Ее неповиновение только расплывает растущий во мне голод. Укрывшись за темным стеклом, я наблюдаю, как ее галерея удаляется, пока Виктор вырывает Mercedes в вечерний поток машин.

— Ее адрес.

Виктор без комментариев протягивает мне папку. Он умный человек. В досье есть все — планировка здания, сведения о системе безопасности и ее распорядке дня. Пятнадцать минут спустя мы паркуемся в переулке позади ее особняка.

Замок поддается моим отмычкам за считанные секунды, что доказывает любительскую безопасность, учитывая, что внутри него хранится такое ценное произведение искусства. Ее аромат остается здесь, та опьяняющая смесь жасмина и ванили, которая преследовала меня в галерее. Как и у владельца, пространство представляет собой искусно подобранный фасад — изысканные поверхности, скрывающие более темные оттенки.

Я обследую ее квартиру, как привидение, отмечая аккуратную расстановку мебели и оригинальные произведения искусства, украшающие стены. На кухонном столе стоит полупустая кофейная чашка. Все еще теплая. Она сбежала сегодня утром.

Камеры крошечные и их практически невозможно обнаружить. Я размещаю их стратегически — в гостиной, кухне и спальне, — каждая из них предлагает другой взгляд на ее личный мир. Хозяйская спальня притягивает меня. Ее шелковый халат перекинут через изножье кровати. На тумбочке книга — Достоевский в оригинале на русском. Интересно.

Я открываю ее шкаф, пробегая пальцами по ряду дизайнерских платьев. Ткань шуршит на моей коже. Ее запах здесь сильнее. Я представляю, как она стоит перед этим зеркалом, готовясь к своему дню, не подозревая о моем присутствии в ее пространстве.

Последняя камера установлена над ее туалетным столиком под идеальным углом, чтобы запечатлеть ее утреннюю рутину. Я тестирую запись и нахожу ее кристально чистой. Каждый момент ее личной жизни теперь доступен и у меня под рукой.

Я совершаю последний обход, убеждаясь, что все осталось таким, каким я его нашел — почти. Я поправляю маленькую скульптуру на прикроватном столике Софии — ровно настолько, чтобы она могла заметить и удивиться.

Замок тихо щелкает за моей спиной, когда я ухожу. В моем кармане телефон отображает несколько трансляций с камер ее пустой квартиры. Теперь я жду.

Глава 4

София

Я разглаживаю свое черное винтажное платье от Dior, разглядывая сверкающую толпу на ежегодном благотворительном гала-концерте Four Seasons. Мою кожу покалывает от осознания, я ищу высокую фигуру со стальными серыми глазами, прежде чем спохватываюсь. Черт бы его побрал. Три дня размышлений о высокомерной самонадеянности Николая Иванова — это слишком много. Мое внимание привлекает блеск красных губ, и меня переполняет облегчение. Таш стоит у мраморной колонны с шампанским в руке, всем своим видом напоминая королеву общества в красном Chanel. — А вот и мой любимый сноб в искусстве. — Ее понимающая ухмылка становится шире, когда я приближаюсь. — Ты выглядишь совершенно загнанной, дорогая. — Мне нужен алкоголь. Побольше. — Я беру бокал у проходящего официанта. — Ммм. Это как-то связано с тем, что некий русский спрашивал о тебе? Я давлюсь шампанским. — Кто «Он»? — О, пожалуйста. — Таш берет меня под руку, уводя нас в более тихий уголок. — Я знаю тебя со времен Колумбии. Ты так хмуришься, только когда кто-то достает тебя. Выкладывай. — Тут нечего говорить. мистер Иванов — просто клиент, который не понимает границ. — Великолепный, богатый клиент. — Она выгибает идеальную бровь. — Который, так случилось, наблюдает за тобой прямо сейчас. — Очень смешно. — Я допиваю шампанское. — Вероятно, он планирует свой следующий враждебный захват власти в логове какого-нибудь злодея. — Логово злодея? Боже мой. Кто-то посмотрелся слишком много шпионских фильмов. — Глаза Таш озорно блестят. — Хотя, должна сказать, опасная и таинственная атмосфера ему идет. — Ты ужасна. — Я поджимаю губы. — И меня не интересуют мужчины, которые думают, что могут... — Кстати, о твоей незаинтересованности... — Таш понижает голос. — Твой русский направляется сюда. Не оборачивайся. — Прекрати. Я не поведусь на... — София. — Его глубокий голос пробирает меня до костей. Каждый мускул в моем теле напрягается. Я придаю своему лицу привычный нейтральный вид, прежде чем повернуться. Николай возвышается над нами в черном смокинге, который стоит больше, чем моя ежемесячная арендная плата. В его посеребренных волосах отражается свет, а эти стальные глаза пригвождают меня к месту. — Мистер Иванов, — я горжусь тем, что мой голос звучит спокойно и бескорыстно. — Какой сюрприз. — Я позволяю сарказму задержаться в моем последнем слове. — Неужели? — Уголок его рта приподнимается. — Кажется, я упоминал, что мой фонд спонсирует это мероприятие. Ну конечно. Я забыла об этой детали в своем стремлении не думать о нем. — Наташа. — Он наклоняет голову в сторону моей подружки. — Рад видеть тебя снова. — Взаимно. — Улыбка Таш — чистая улыбка чеширского кота. — Я как раз рассказывала Софии, как нам повезло, что у нас есть такие преданные покровители искусства. Я бросаю на нее предупреждающий взгляд, но она невинно распахивает глаза и намеренно делает шаг назад. — Не позволяй мне прерывать вас, — мурлычет она. — Я вижу кое-кого, с кем мне просто необходимо поговорить. Предательница. — Потанцуй со мной. — Это не просьба, но я отказываюсь подчиняться. — Я не думаю, что это уместно. — Потому что я клиент? Или потому что ты боишься того, что может случиться? — Я ничего не боюсь, — парирую я. — Нет? — Он подходит ближе, и воздух между нами сгущается. — Тогда докажи это. Я вздергиваю подбородок. — Мне не нужно тебе ничего доказывать. — Один танец, София. — Он выгибает бровь. — Уверен, что твоя профессиональная этика выдержит три минуты вальса? — Проблема не в моей профессиональной этике. — Тогда что же? — Тон его голоса становится глубже. — То, как подскакивает твой пульс, когда я рядом? Или, может быть, это то, как у тебя перехватывает дыхание? Или... — Он наклоняется,

его губы почти касаются моего уха. — То, как ты не можешь перестать думать обо мне?— Ты очень уверен в себе.— Я уверен в том, чего хочу. — Он протягивает мне руку. — И прямо сейчас я хочу потанцевать с самой красивой женщиной в зале.— Лесть на меня не подействует.— Не лесть. Правда. — Его глаза встречаются с моими. — Потанцуй со мной, малышка.Русское ласковое обращение проскальзывает сквозь мою защиту. Что-то в его взгляде меняется и становится почти нежным.— Всего один танец, — бормочет он. — Потом ты можешь продолжать притворяться, что ничего не чувствуешь.Моя рука поднимается сама по себе, ложась в его. Его пальцы смыкаются вокруг моих, теплые и сильные.— Один танец, — шепчу я. — И все.Его улыбка — чистое удовлетворение, когда он ведет меня на танцпол. — Посмотрим.Он притягивает меня ближе, чем того требует соответствующая поза в вальсе. Струнный квартет начинает новую мелодию, и мы двигаемся вместе, как будто танцевали тысячу раз.— У тебя более легкая походка, чем я ожидал от человека, который бросил балет в шестнадцать лет, — говорит Николай.Я сбиваюсь с шага. — Как ты...— Точно так же, как я знаю, что ты предпочитаешь Эрл Грей с медом, а не с сахаром. — Его большой палец рисует узоры на моей спине. — И что прошлым летом ты потратила время на реставрацию картины Вермеера в Амстердаме.— Ты наводил справки обо мне? — спрашиваю я. — Я считаю своим долгом знать все о тех, с кем работаю. — Он проводит меня через поворот. — Хотя я признаю, что ты гораздо более очаровательна, чем большинство.— Это наглость, — отвечаю я.— Правда? Или это разумно? — Его дыхание овеивает мое ухо.Его пальцы впиваются в мое бедро, и я изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание. Гнев из-за его вторжения в личную жизнь борется с жаром, разливающимся по моему телу.— Ты дрожишь, — шепчет он, касаясь губами моего уха. — Интересно, это страх или желание?— Ты не можешь просто... — Мой протест обрывается, когда его рука скользит ниже по моей спине.— Не могу что? Сказать тебе, как вспыхивает твоя кожа, когда я прикасаюсь к тебе? — Его голос понижается до хриплого мурлыканья. — Как я представлял тебя, распростертую на моей кровати, умоляющую о моих прикосновениях?У меня перехватывает дыхание. — Мы на людях.— Твое тело знает, что тебе нужно. — Его бедро собственнически скользит между моих. — Упорно сражаешься, чтобы сохранить свой фасад, в то время как тебе до боли хочется подчиниться.— Прекрати. — Это больше похоже на хныканье.— Перестань бороться с тем, что тебе нужно. — Его губы очерчивают уязвимый изгиб там, где шея встречается с плечом. — Ты хочешь, чтобы я точно сказал, что я с тобой сделаю. Как я свяжу эти нежные запястья у тебя над головой. Заставлю тебя умолять. Заставлю называть меня папочкой, пока я...— Мистер Иванов, — выдыхаю я, впиваясь пальцами в его плечо.— Николай, — поправляет он. — Или папочка. Твой выбор, малышка.Это безумие. Мы окружены бостонской элитой, и он заставляет меня намокнуть от возбуждения, используя только свои слова.— Ты так мило краснеешь. — Его рука обхватывает мою поясницу, кончики пальцев дразнят изгиб моей задницы. — Ты представляешь себе это, не так ли? Как хорошо ты будешь выглядеть, надев только веревку и мои метки.Я прикусываю щеку, чтобы сдерживать стон. — Ты невозможен.— А я уверен, что ты промокла. — Он крепче прижимает меня к своему бедру. — Что бы я только не сделал, чтобы почувствовать, как твоя хорошенькая маленькая пизда истекает для меня.Музыка меняется, разрушая очарование его слов. Реальность возвращается — я посреди музея Метрополитен, сражаюсь с одним из самых смелых мужчин Бостона, на глазах у половины городской элиты.Я отстраняюсь от него, игнорируя его мрачающее выражение лица. — Извини меня.Я убегаю, лавируя между группами светских львиц, потягивающих шампанское. Мне нужны воздух, пространство и дистанция от его опьяняющего присутствия.Манит служебный коридор. Табличка указывает, что он предназначен только для персонала, но мне все равно. Звуки гала-концерта стихают, когда я толкаю дверь, мои руки дрожат.Сильные пальцы сжимаются вокруг моей руки, разворачивая меня. Николай прижимает меня к стене, одна рука находится рядом с моей головой.— Это было очень грубо, малышка. — От его голоса меня бросает в дрожь. — Убегаешь, как испуганная маленькая девочка.— Отпу-

сти меня, — требую я. — Нет. — Он хватается меня за подбородок. — Тебе нужно научиться кое-чему важному. Ты не поворачиваешься ко мне спиной. Никогда. — Или что? — Я бросаю вызов, хотя мое сердце бешено колотится. — Или мне придется научить тебя хорошим манерам. И поверь мне, София... — Он прижимается ближе, пока каждая его твердая линия не прижимается ко мне. — Мои уроки могут быть очень эффективными. — У тебя нет никакой власти надо мной. — Пока нет. — Его хватка усиливается. — Но ты научишься. Так или иначе. Его губы нависают над моими, шепот соприкосновения, который воспламеняет каждое нервное окончание. Я наклоняюсь вперед, отчаянно желая сократить этот последний разрыв, но он отстраняется, в его глазах пляшет темное удовлетворение. — Хорошего вечера. Затем он уходит, оставляя меня дрожащей у стены. Ярость и разочарование борются с болью между моих бедер. Как он смеет? Этот ублюдок сыграл на мне, как на скрипке, и просто ушел. Я разглаживаю платье дрожащими руками и заставляю себя дышать. На моем отражении в ближайшем зеркале видны покрасневшие щеки и расширенные зрачки. Боже, я выгляжу совершенно распутной, а он едва прикоснулся ко мне. Вернувшись в главный зал, я направляюсь напрямик к бару. Вспышка красного привлекает мое внимание, когда Таш появляется рядом со мной. — Срань господня. — Она хватается меня за руку. — Что с тобой случилось? Ты выглядишь так, словно — Ее глаза расширяются. — О Боже, вы с Ивановым...? — Нет. Ничего не было. — Я подаю знак бармену. — Водка с мартини. Двойная. — Ничего? — Идеально изогнутая бровь Таш называет это чушью. — Милая, у тебя размазалась помада, и у тебя походка типа Мне нужно сменить трусики. — Таш! — Я шиплю, оглядываясь по сторонам. — Что? Я просто говорю то, что все думают. Сексуальное напряжение между вами двумя было настолько сильным, что его можно было разрезать ножом. — Она наклоняется ближе. — Расскажи мне все. Сейчас же. — Он высокомерный, властный... — Я допиваю половину своего мартини. — Он думает, что может просто... а потом он... — Мне бы пригодились полные предложения, дорогая. — Он прижал меня спиной к стене, а потом просто ушел! — Слова вырвались шквалом. — Ты имеешь в виду, что он возбудил тебя и ушел. — Красные губы Таш изгибаются в понимающей улыбке. — Судя по этому румянцу, я бы сказала, что миссия выполнена. — Ты худшая подруга на свете, — стону я, но не могу удержаться от улыбки при виде ее ликующего выражения. — Ты бросила меня ради этого... этого... — Потрясающе красивого миллиардера, который явно хочет тебя изнасиловать? — В глазах Таш пляшут озорные огоньки. — Я знаю, я ужасна. Однако ты простишь меня? — Никогда. — Я допиваю свой мартини. — Я все еще злюсь на тебя. — Нет, это не так. — Она толкает меня в плечо. — Ты любишь меня. И честно? Это было самое волнующее событие на этом душном гала-концерте за последние годы. Я прижимаю холодный стакан ко все еще пылающей щеке. — Ненавижу, что ты так хорошо меня знаешь. — Послушай. — Ее тон меняется, поддразнивание сменяется искренней заботой. — Ты выглядишь так, будто тебе не помешало бы сбежать. Хочешь выбраться отсюда? Мы могли бы выпить, по-настоящему выпить, в том маленьком винном баре, который ты любишь. В том, где потрясающая сырная тарелка? — Боже, да. — Облегчение захлестывает меня. — Пожалуйста, вытаски меня отсюда, пока я не наделала глупостей. Например, выследить его и... — Я ловлю себя на последнем слове. — И что? — Неважно. Пойдем. — Я беру ее под руку. — Тем не менее, ты платишь в качестве наказания за то, что было раньше. — Достаточно справедливо. — Таш хватается свой клатч. — Хотя я не даю никаких обещаний о том, что буду вести себя лучше в будущем. Кто-то должен поддерживать твою жизнь интересной. Прохладный ночной воздух ударяет мне в лицо, когда мы с Таш выходим из парадных дверей музея. Моя кожа все еще горит в том месте, где Николай прикоснулся ко мне, и я борюсь с желанием оглянуться через плечо. — Твоя машина или моя? — Таш роется в клатче в поисках телефона. — Определенно твоя. Я воспользовалась услугами автосервиса. — От мысли, что я сейчас останусь одна, у меня скручивает живот. По моему позвоночнику пробегают мурашки — отчетливое ощущение, что за мной наблюдают. Я оглядываю толпу расходящихся гостей, но не вижу никаких

признаков его внушительной фигуры.— Боже, я выставила себя такой дурой. — Я прижимаю ладони к разгоряченным щекам. — Наверное, все видели нас на танцполе.— Пожалуйста. — Таш машет своему водителю. — Половина этих чопорных светских львиц, вероятно, делала заметки. Самое время кому-нибудь оживить одно из этих мероприятий. Но мой разум воспроизводит каждое мгновение — как я таяла в его объятиях, как я практически терлась о его бедро, как отчаянная...— Прекрати. — Резкий тон Таш разрывает мою спираль. — Я слышу, как ты слишком много думаешь даже отсюда.— Ты не видела, как я себя вела. — Мой голос падает до шепота. — Я полностью потеряла контроль. Ощущение того, что за тобой наблюдают, усиливается. Мой взгляд устремляется к темным окнам музея, теням между припаркованными машинами, камерам слежения, предусмотрительно установленным наверху.— Может быть, это не так уж и плохо. — Таш садится в ожидающий ее автомобиль, похлопывая по сиденью рядом с собой. — Когда ты в последний раз испытывала что-то настоящее? Я проскальзываю рядом с ней, благодарная за тонированные стекла, скрывающие меня от воображаемых наблюдателей. Но даже когда мы выезжаем со стоянки, я не могу избавиться от ощущения, что нахожусь под наблюдением. Мои пальцы сжимаются на коленях, когда я вспоминаю, сколько влиятельных людей были свидетелями моего выступления.— Эй. — Таш сжимает мою руку. — О чем бы ты сейчас ни думала? Прекрати. Тебе позволено быть человеком. Но так ли это? После того, как я позволила Николаю Иванову разрушить мой идеальный фасад перед всеми, кто имеет значение в этом городе, я уже не так уверена.

Глава 5

Николай

Я откидываюсь на спинку кожаного кресла, не отрывая взгляда от экранов передо мной. София движется по своей квартире с неосознанной грацией. Скрытые камеры фиксируют каждую деталь — как она распускает волосы, проверяя свой телефон. Я смотрю, как на экране мигает маркер её машины, подтверждая её местоположение в цифровом формате. Мои пальцы бегают по полированной поверхности стола, оценивая, насколько глубоко я проник в каждый уголок ее тщательно упорядоченного мира. Стук в дверь моего кабинета нарушает мою концентрацию. Я сворачиваю каналы с отработанной эффективностью. — Войдите. Входит Дмитрий, сопровождаемый солидным присутствием Эрика и неугомонной энергией Алекса. Каждый из моих братьев по-своему опасен. — Заседание правления начинается через десять минут, — говорит Дмитрий, поправляя свой и без того идеальный галстук. — Ты не просмотрел документы, которые я отправил. Я пренебрежительно машу рукой. — Сделка выгодная. Мы продвигаемся вперед, как и планировалось. Алекс опускается на стул, кладет ноги на мой стол, пока острый взгляд Эрика не заставляет его передумать. — Ты отвлекаешься. Не обычно, чтобы ты упустил подробности. — Мое внимание именно там, где оно должно быть. — Я замечаю, что Эрик изучает меня своим пронзительным взглядом. Из моих братьев он самый наблюдательный. Самое опасное для моей нынешней одержимости. — Итальянцы ограничивают судорожные маршруты, — тихо говорит Эрик. — Нам нужно полностью сосредоточиться на этом. Я встаю, застегивая пиджак. — Итальянцы подчинятся. Они всегда так делают. Мое внимание привлекает небольшое движение на одном из моих свернутых экранов. София, завернутая в шелк, устраивается на своем диване. Моем диване. Она просто еще не знает этого. — Идем? — Я указываю на дверь, но Дмитрий медлит. — Что-то с тобой не так, Коля. Что ты нам не договариваешь? — Ничего такого, что касалось бы тебя. Я наблюдаю за своими братьями, каждый из которых исполняет свои обычные роли в моем кабинете. Перфекционизм Дмитрия проявляется в каждой складке его костюма от Армани, в то время как Эрик сохраняет бдительную позицию у двери. Алекс, наша козырная карта, развалился в моем итальянском кожаном кресле с характерным пренебрежением к мебели, которая стоит больше, чем большинство автомобилей. — Сделка с итальянцами касается не только маршрутов доставки, — говорю я, приводя в порядок бумаги на своем столе. — Речь идет об установлении господства. Они должны понимать свое место. Льдисто-голубые глаза Дмитрия сужаются. — А как насчет цифрового следа? — Уже разобрались, — сообщает Алекс, доставая телефон. — Их безопасность смехотворна. Я мог бы взломать их во сне. — Никто не прикасается к их системам без моего одобрения. — Я сурово смотрю на нашего младшего брата. — Мы поступаем по-моему. Эрик переминается с ноги на ногу, привлекая внимание, не говоря ни слова. — Ты пропустил два семейных ужина, — заявляет он. — Я был занят. — Чем? — Требуется Дмитрий. — Или я должен сказать кем? Мои челюсти сжимаются. — Сосредоточься на своих собственных интересах, брат. — О? — Алекс оживает, его внимание, наконец, отвлекается от экрана. — Дмитрий прав. Ты никогда не бываешь таким скрытным, если только в этом не замешана женщина. — Достаточно. — Мой тон понижается на несколько октав. — У нас есть пять минут до начала собрания. Я ожидаю, что все будут готовы и сосредоточены. — Мы сосредоточены, — возражает Дмитрий. — Это тебя что-то отвлекает. Я встаю, возвышаясь над своим столом. — Мои «отвлекающие факторы», как ты выразился, тебя не касаются. Важен семейный бизнес. Мы будем иметь дело с итальянцами, или вы предпочитаете продолжить эту бессмысленную дискуссию? Эрик

отталкивается от стены. — До тех пор, пока эти отвлекающие факторы не поставят под угрозу нашу безопасность. — Когда я когда-нибудь подвергал эту семью опасности? Вопрос повисает в воздухе, отягощенный десятилетиями жертвоприношений и самоотверженности. Мои братья знают ответ. Я отдал все, чтобы защитить их, построить нашу империю. У Эрика звонит телефон, и его лицо каменеет, пока он слушает; затем он встречается со мной взглядом. — Склад 7. Петров пойман с поличным. — Сколько? — Спрашиваю я. — Оружие на четверть миллиона. Я встаю, поправляю манжеты. — Я присоединюсь к тебе. Дмитрий прочищает горло. — А что насчет заседания правления? Я прищуриваю глаза. — Уверен, что ты более чем способен справиться с ними с Алексеем? Бровь Эрика слегка приподнимается — обычно я решаю подобные вопросы в одиночку. — Ты уверен? — Мне бы не помешало отвлечься. Мы садимся в мой Bentley, Эрик устраивается на пассажирском сиденье. Знакомая тяжесть его молчания наполняет машину, пока я лавирую в вечернем потоке машин в центре Бостона. — Ты слишком громко думаешь, брат. — Я бросаю на него взгляд. — Просто удивлен, что ты идешь. Ты месяцами не занимался практической работой. — Возможно, я скучаю по более простым временам. — Я сворачиваю в темный переулок. — Кроме того, кто-то должен следить за тем, чтобы ты не становился слишком изобретательным. Нам все еще нужно, чтобы он мог говорить. Низкий смешок Эрика лишен юмора. — Когда это я заходил слишком далеко? — Белград, 2015. — Он это заслужил. — Уборка заняла недели. Мы подъезжаем к складу, в стальных дверях которого отражаются уличные фонари. Двое наших людей стоят на страже, кивая при нашем приближении. Петров стоит на коленях на бетонном полу, щеголя разбитой губой. Эрик хрустит костяшками пальцев. — После тебя, брат. Я снимаю куртку и аккуратно вешаю ее на ближайший стул. — Давайте напомним всем, почему воровать у Ивановых неразумно. Я кружу вокруг Петрова, как волк, оценивающий раненую добычу. Его всхлипы эхом отражаются от бетонных стен, а кровь капает с разбитой губы на пол склада. Такой беспорядок. Ненавижу беспорядок. — Ты знаешь, зачем ты здесь. — Я ослабляю галстук и четкими движениями закатываю рукава. — Вопрос в том, кто тебе помог? — Пожалуйста, мистер Иванов — Его голос срывается. — Это была ошибка. Ботинок Эрика врезается в ребра Петрова. Треск приятен, как хруст щепки. Я наблюдаю, как мужчина задыхается, оценивая деловитость моего брата. — Краденое оружие на четверть миллиона — это не ошибка. — Я хватаю Петрова за волосы, дергая его голову назад, чтобы он посмотрел мне в глаза. — Это самоубийство. По его лицу текут слезы. — Я могу вернуть долг. Моя сестра, она больна... — Ты должен был прийти ко мне. — Я с отвращением отпускаю его. — Вместо этого ты предал мое доверие. Эрик молча протягивает мне кастет. Металл ощущается прохладным на моей коже, знакомым, как старый друг. Я сгибаю пальцы, наблюдая, как в глазах Петрова расцветает страх. — Твоя сестра получит отличный уход. — Я улыбаюсь, и Петрова начинает трясти. — Считай это моим последним актом великодушия. Первый удар рассекает ему щеку. Второй раздробляет глазничную кость. К третьему удару Эрику приходится удерживать его в вертикальном положении. — Имена, — требую я, вытирая кровь с металла. — Или в следующий раз мы наведем твою сестру. Петров ломается, выплескивая все между всхлипываниями. Украинские покупатели. Внутренняя помощь от нашего менеджера по доку. Это аккуратная маленькая операция — если не учитывать, что мои камеры фиксируют все. Я отступаю назад, поправляю манжеты. — Эрик. Глаза моего брата встречаются с моими, потемневшие от предвкушения. — Сделай это медленно. Я хочу, чтобы видеозапись была отправлена всем, кто думал, что может у нас что-то украсть. — Продолжительность? — Спрашивает Эрик, уже снимая куртку. — Пока он не перестанет кричать. — Я беру свой пиджак, стряхивая невидимую пыль. — Потом выброси его там, где его найдут. Мольбы Петрова преследуют меня на выходе со склада. К тому времени, как я добираюсь до своей машины, они переходят в крики. Эрик всегда был талантлив в своей работе. Я прислоняюсь к своему Bentley, прикуривая сигару, когда очередной крик пронзает ночной воздух. Стены склада мало что могут сделать, чтобы заглушить агонию Петрова. Талант Эрика причи-

нять боль превосходит даже мои собственные немалые навыки. Особенно резкий крик заставляет меня прерваться на вдохе. Мой брат научился в Спецназе таким вещам, которые заставили бы закоренелых преступников побледнеть. Там, где я применяю рассчитанное насилие для достижения определенных целей, Эрик понимает боль почти на художественном уровне. Каждый порез, перелом и ожог организованы для достижения максимального эффекта. Высота крика меняется — Эрик, должно быть, нашел новую болевую точку. Несмотря на то, что я сам привык к насилию, мне никогда не удавалось добиться от жертвы таких специфических тонов страдания. Это все равно что слушать виртуоза за работой. Мой телефон вибрирует от сообщения от Дмитрия. Закончили? Эрик работает. Отснятый материал будет в течение часа. Еще один крик разрывает ночь, на этот раз грубый и первобытный. Я делаю долгую затяжку, вспоминая время в Москве, когда Эрик заставил украинского торговца оружием признаться во всех преступлениях, которые тот совершил с детства. Мужчина говорил шесть часов подряд, плача в перерывах между признаниями. Нам не нужна была информация — Эрик просто хотел доказать, что может полностью сломить его. Крики резко обрываются. На три удара сердца в воздухе повисает тяжелая тишина, а затем начинается снова, выше и отчаяннее, чем раньше. Это фирменный знак Эрика — ложная надежда на облегчение перед тем, как погрузиться еще глубже в агонию. Я смотрю на часы. Двадцать минут. Новый рекорд Эрика по доведению кого-либо до такого уровня отчаяния. Либо он становится лучше, либо Петров особенно восприимчив к боли.

Глава 6

София

Мои пальцы сжимают клатч, когда я вхожу в большой бальный зал Fairmont Copley Plaza. Хрустальные люстры отбрасывают теплое, мягкое сияние на море дизайнерских платьев и смокингов. Еще один благотворительный гала-концерт. Светская жизнь Бостона в этом сезоне была безжалостной. Мой телефон вибрирует, и я достаю его, надеясь отвлечься. Это сообщение от Таш. Прости, детка, чрезвычайное происшествие в музее. Не смогу прийти сегодня вечером. Не делай ничего такого, чего бы не сделала я. Лед растекается по моим венам. Без Таши в качестве буфера я беззащитна. Уязвима. Прошла ровно неделя с тех пор, как я в последний раз видела Николая на подобном мероприятии. Надеюсь, его здесь не будет. — Мисс Хенли! Мы так рады, что вы смогли присоединиться к нам. — Председатель мероприятия Маргарет Винчестер влетает в комнату со своим мужем на буксире. — Вклад вашей галереи в сегодняшний аукцион абсолютно ошеломляющий. Я нацепляю профессиональную улыбку. — Спасибо, что представили нас. — Позвольте мне проводить вас к вашему столику. — Она ведет меня сквозь толпу, болтая о предполагаемой сумме пожертвований. Мои шаги замедляются, когда мы приближаемся к седьмому столику. Знакомая широкоплечая фигура в безупречном черном смокинге поднимается со своего места, и неповторимые серые глаза останавливаются на мне. — Полагаю, вы знакомы с мистером Ивановым? — Маргарет сияет, указывая на пустой стул рядом с ним. — Мы подумали, что вам двоим, возможно, есть что обсудить, учитывая вашу общую страсть к искусству. У меня пересыхает в горле. — Как... предусмотрительно. Николай выдвигает мой стул, его пальцы касаются моего обнаженного плеча, когда я сажусь. — София. Ты восхитительно выглядишь в изумрудном платье. Глубокий тембр его голоса превращает мои внутренности в жидкость. Конечно, он здесь. Конечно, я сижу именно рядом с ним. — Я не ожидала увидеть тебя сегодня вечером, — с трудом произношу я, беря стакан с водой, чтобы успокоить руки. — Неужели? — Его понимающая улыбка говорит мне, что он ни на секунду в это не верит. — Я считаю своим долгом посещать мероприятия с участием таких исключительных произведений. То, как его взгляд скользит по мне, дает понять, что он говорит не о произведениях искусства. — Это не было совпадением, верно? — Я наклоняюсь ближе, чтобы меня не услышали. Аромат его одеколona наполняет мои чувства — пряности и дерево. Николай делает глоток виски, не отводя взгляда. — Ты меня в чем-то обвиняешь, малышка? — Не разыгрывай скромника. Ты это устроил. — К моим щекам приливает жар — от гнева или влечения, я уже не уверена. Его большая рука проскальзывает под скатерть и опускается на мое бедро. Его пальцы впиваются в мою плоть, посылая электрический разряд по всему телу. — А если и так? Что именно ты планируешь с этим делать? У меня перехватывает дыхание. Я должна оттолкнуть его руку и устроить сцену. Я должна делать что угодно, только не сидеть здесь с учащенным пульсом, пока он водит кругами по внутренней стороне моего бедра. — Я могу уйти прямо сейчас, — шепчу я. — Но ты этого не сделаешь. — Его пальцы снова сжимаются. — Потому что в глубине души ты именно там, где хочешь быть. Я сжимаю стакан с водой, сохраняя самообладание, пока официанты разносят первое блюдо. Рука Николая не двигается. Первое блюдо — нежный тыквенно-ореховый суп. Моя ложка дрожит, когда я сосредотачиваюсь на еде. Его большой палец продолжает свои сводящие с ума круги выше по моему бедру. — Тебе нужно поесть, — бормочет он. — Тебе понадобятся силы. Я свирепо смотрю на него. — Убери руку. — Заставь меня. — Его пальцы поднимаются на дюйм выше, и мои бедра сжимаются. Я съедаю ложку супа, стараясь сохранить самообладание. Пожилая пара

напротив нас болтает о своей недавней поездке в Париж. Николай наклоняется ближе, и его дыхание овеивает мою шею. — Ты такая напряженная. Такая отзывчивая. — Я могу вышвырнуть тебя вон, — слабо угрожаю я, прекрасно понимая, что на самом деле не хочу, чтобы он останавливался. Эта ситуация не похожа ни на что, с чем я сталкивалась раньше. Я горжусь своим самоконтролем и уравновешенностью, и все же я здесь, поддаюсь его заигрываниям, несмотря на здравый смысл. Я должна отстраниться и закончить этот фарс, пока он не зашел слишком далеко, но слова застревают у меня в горле, когда его пальцы танцуют по моей коже. — Тогда почему ты меня не останавливаешь? — Его пальцы вырисовывают узоры, от которых у меня перехватывает дыхание. — Почему ты раздвигаешь ноги шире? Я даже не поняла, что сделала это. Униженная, я поджимаю ноги, но его рука останавливает меня. — А теперь доедай свой суп, как ни в чем не бывало. Покажи мне, насколько ты владеешь собой. Моя рука дрожит, когда я беру очередную ложку. Его пальцы поднимаются выше, и я впиваюсь зубами в губу, чтобы подавить стон. Шелк моего платья не создает преграды для его прикосновений. — Боже, ты уже мокрая? — Его голос становится ниже. — Твое возбуждение покрывает внутреннюю поверхность бедер. Ложка звякает о тарелку. Несколько голов поворачиваются в нашу сторону. — Все в порядке, дорогая? — Маргарет кричит с соседнего сиденья. Я заставляю себя улыбнуться. — Просто немного неуклюжа сегодня вечером. Рука Николая собственнически сжимается. — Не волнуйся. Я позабочусь о ней. Двойной смысл в его словах заставляет меня поежиться. Его большой палец находит особенно чувствительное место. — Теперь осторожнее, — шепчет он. — Мы бы не хотели, чтобы кто-нибудь заметил, как ты отчаянно нуждаешься во мне, не так ли? Его большой палец продолжает свою безжалостную пытку, и я больше не могу встречаться с обеспокоенными взглядами наших соседей по столу. Губы Николая находят мое ухо, от его слов по телу пробегает дрожь. — Моя идеальная малышка, — рычит он мне на ухо, — уже так готова для меня. Я сжимаю бедра вместе, отчаянно пытаюсь скрыть свидетельство предательства моего тела. Вместо этого это усиливает давление. — Пожалуйста, — шепчу я, не уверенная, о чем я вообще прошу. — Пожалуйста, что? — Его губы прокладывают дорожку вдоль моей шеи. — Ты, наконец, собираешься признать, чего хочешь, София? — Прекрати. — Даже для моих собственных ушей в этом отрицании не хватает убедительности. Как я могу просить его остановиться, когда каждая клеточка моего существа жаждет его прикосновений? — Остановиться? — Его пальцы проникают глубже, и мне приходится прикусить губу, чтобы приглушить стон. — Ты не хочешь, чтобы я останавливался, малышка. Ты хочешь, чтобы я продолжал. — Н-нет. — Мое отрицание слабое, но мое тело предает меня, выгибаясь навстречу его руке. — Чего ты хочешь, София? — Он спрашивает снова, его голос шелковой нитью подводит меня ближе к краю. — Скажи мне, что тебе нужно, и я, возможно, дам тебе это. Его рука скользит под мое платье, вверх по обнаженному бедру. — Тебе нужен мужчина, который возьмёт всё под свой контроль, не так ли? Это похоже на вызов — молчаливое приглашение к чему-то более мрачному. Я замолкаю, балансируя на грани нерешительности. Каждый инстинкт подсказывает мне отстраниться, покончить с этой шарадой, пока она не зашла слишком далеко. Но что-то в нем — то, как он управляет пространством вокруг нас, жар в его глазах — подводит меня ближе к краю. Мой взгляд обегает стол, но, к счастью, все остальные, кажется, поглощены своими разговорами. Губы Николая касаются моего уха, его дыхание щекощет кожу. — Тебе нравится идея сдать, не так ли, малышка? Позволить папочке взять контроль. От его слов у меня между ног растекается влага. Я даже не могу возмутиться комментарием папочка. Мои внутренние стенки сжимаются при этой мысли. — Я вижу это в твоих глазах, — шепчет он. — Ты жаждешь этого. Нуждаешься в этом. — Его рука достигает моего естества, и он тихо рычит. — И ты такая чертовски мокрая, да? Его пальцы скользят под мои трусики, обнаруживая мое возбуждение. Приглушенные звуки бального зала затихают, когда новое осознание наполняет мои чувства — пульсация между ног, боль в груди. — Ты такая отзывчивая, малышка. Жаждешь моих прикосновений. — Его голос темнеет от желания. Я

сжимаю бедра вместе, не в силах остановить инстинктивную реакцию. — Пожалуйста, — снова шепчу я, боясь сказать больше, боясь дать ему власть испепелить меня несколькими хорошо подобранными словами. — Что, пожалуйста? — Его пальцы кружат, дразня, но никогда не дают мне того, чего я жажду. Жар бросается мне в лицо. Я изо всех сил пытаюсь выразить голосом свое подчинение. — Прикоснись ко мне, — в конце концов прохрипела я. — С удовольствием. — Его пальцы скользят ниже, находя мою ноющую сердцевину, и он толкает один палец в мою плоть. Я хватаюсь за стол, пытаюсь успокоиться. Что я делаю? Это не я. Я не позволяю мужчинам так управлять мной, особенно на публике. И все же я здесь, дрожащая под прикосновениями Николая, не способная сформировать связную мысль. — Ты борешься с этим, — бормочет он. — Всегда так полна решимости сохранять контроль. Мои пальцы сжимают стакан с водой. Он прав. Я потратила годы на создание своей репутации в искусстве, культивируя образ крутого профессионала. Одно его прикосновение, и я распадаюсь. — Я не... — я с трудом сглатываю. — Я не борюсь. — Нет? — Его большой палец рисует узоры на моей коже. — Тогда почему ты меня не останавливаешь? Этот вопрос удивляет меня. Почему я не удивлена? Я София Хенли. Я управляю известной бостонской галереей. Я с легкостью заключаю сделки на миллионы долларов. Я отвергала ухаживания бесчисленного множества богатых мужчин. Но с Николаем... в нем есть что-то другое. Он смотрит на меня так, словно видит насквозь мои тщательно возведенные стены. Спокойная властность в его голосе заставляет меня уступить. — Ты слишком много думаешь, малышка. — Его пальцы собственнически сжимаются. — Отпусти. Дрожь пробегает по моей спине от его командного тона, разрушая мою обычную защиту. — Я не могу, — шепчу я, но не знаю, протестую ли я против его прикосновения или против моей собственной реакции. — Ты можешь, — возражает он. — Ты сделаешь. Да помогут мне Небеса, я хочу этого. Хочу поддаться этому магнетическому притяжению между нами и позволить ему лишить меня контроля до тех пор, пока не останется ничего, кроме необузданной потребности. Я никогда не испытывала ничего подобного — этого непреодолимого желания подчиниться и позволить кому-то другому взять на себя ответственность. Доверить кому-то другому свое удовольствие, свою безопасность, свою капитуляцию. Осознание этого должно привести меня в ужас. Вместо этого, оно посылает еще один прилив тепла по моему телу. Я сжимаю вилку, пытаюсь сосредоточиться на жареной утиной грудке. Каждый кусочек превращается в пепел у меня во рту, когда пальцы Николая танцуют по моей пропитанной влагой сердцевине, удерживая меня на острие ножа удовольствия. — Ты что-то очень тихая, София. — В его голосе достаточно беспокойства, чтобы показаться искренним остальным за столом. — Не наслаждаешься едой? Я свирепо смотрю на него, но это теряет эффект, когда он обводит большим пальцем мой клитор. — Все... идеально, — выдавливаю я. — Вот, попробуй это. — Он подносит вилку к моим губам, предлагая кусочек филе-миньон. Этот интимный жест вызывает понимающие улыбки у остальных за нашим столом. Когда я приоткрываю губы, он погружает пальцы в меня. Я чуть не давлюсь мясом. — Осторожно, — бормочет он. — Маленькие укусы. Мои бедра дрожат в тот момент, когда он находит то место внутри меня, от которого у меня перед глазами взрываются звезды. Как только давление нарастает, он отступает, оставляя меня опустошенной и измученной. — Еще вина? — Он подает знак официанту, выступая в роли внимательного собеседника за ужином. Я сжимаю челюсть, не доверяя своему голосу. Мои соски напрягаются под платьем, и я уверена, что мое лицо покраснело. Как ему удастся сохранять такое совершенное самообладание, превращая меня в дрожащее месиво? — У тебя так хорошо получается, — шепчет он. — Такая хорошая девочка, принимаешь все, что я тебе даю. От его похвалы у меня между ног снова разливается влага, и я сжимаю бедра вместе. Николай мягко тычет пальцем. — Раздвинь их шире, — командует он. — Покажи мне, как сильно ты этого хочешь. Я подчиняюсь, не задумываясь, несмотря на протесты моего разума. Его пальцы возобновляют свою умелую попытку, возбуждая меня только для того, чтобы снова и снова отказывать мне в освобождении. Появляется десерт — шоколадное суфле. Я смотрю на него, задаваясь

вопросом, как я могу есть, когда каждое нервное окончание в моем теле кричит об освобождении. Я опускаю взгляд на суфле, пытаюсь выровнять дыхание. Прикосновения Николая между моих ног сводят с ума, постоянно держа меня на взводе. Я нахожусь в опасной близости от пропасти, едва сохраняя самообладание. Когда я подношу к губам первый кусочек суфле, его пальцы снова проникают внутрь меня, поглаживая чувствительное местечко с опытной точностью. Мой рот приоткрывается в беззвучном крике удовольствия, шоколад тает на моем языке. Я быстро меняю выражение лица и одариваю наших соседей по столу неуверенной улыбкой. — Боже мой, это восхитительно. Большой палец Николая кружит по моему клитору, теперь быстрее, усиливая давление. — Я рад, что тебе нравится. Для тебя только лучшее, малышка. Его собственническая нежность в присутствии остальных заставляет меня сжиматься вокруг его пальцев. Я ерзаю на стуле, борясь с желанием потереться о его руку. — Вот, попробуй. — Прежде чем я успеваю запротестовать, он подносит ложку суфле к моим губам. Когда я сглатываю, его пальцы снова погружаются, подталкивая меня ближе к освобождению. У меня вырывается сдавленный вздох. Наши соседи по столу обеспокоенно оглядываются. — Извините, — выдавливаю я со смущенным смешком. — Просто это так вкусно. Это застало меня врасплох. Николай снисходительно улыбается, хотя в его глазах появляется хищный блеск. — Я принесу тебе еще. Мы не можем допустить, чтобы ты что-то пропустила. Когда он останавливает нашего официанта, его пальцы ускоряют движение у меня между ног. Я хватаюсь за край своего стула, разрываясь между желанием выгнуться навстречу его прикосновениям и соблюдением приличий. Официантка приносит еще одно суфле. Я благодарю ее сквозь стиснутые зубы, стараясь не выдать того эффекта, который производит на меня Николай под столом. Он ждет, пока она отойдет, прежде чем возобновить свою сладкую пытку, намереваясь полностью сломить меня. Теперь мои бедра неудержимо дрожат. Так близко... Я прямо там... Дыхание Николая касается моего уха. — Кончи для меня, София. Его прошептанная команда уничтожает меня. Перед глазами все белеет, когда мои внутренние стенки сотрясаются в конвульсиях вокруг его пальцев. Я вскрикиваю, не в силах больше сдерживаться. Обеспокоенные взгляды обращаются в мою сторону. Я краснею и опускаю глаза. — Прости меня, — заикаясь, бормочу я. — Я просто... ошеломлена тем, насколько это вкусно. — Я беру дрожащий кусочек суфле, избегая любопытных взглядов наших соседей по столу. Николай медленно убирает руку, поднося пальцы ко рту, чтобы ощутить томный вкус. Мои щеки горят еще жарче от интимности этого жеста. — Ты права, малышка, — бормочет он, устремив на меня свои бурные глаза. — Абсолютное совершенство. Обещание в его взгляде не оставляет сомнений в том, что наша встреча далека от завершения. Но сейчас я могу только сидеть здесь, дрожа от пережитого, задаваясь вопросом, смогу ли я когда-нибудь вернуть себе самообладание после того, как так полностью растаяла под прикосновениями Николая.

Глава 7

Николай

Прищурившись, я наблюдаю, как София встает из-за стола, все еще дрожа после нашей интимной встречи. Ее щеки вспыхивают, когда она извиняется, бормоча извинения нашим соседям по столу. Вид ее отступления пробуждает во мне что-то темное — она не может просто уйти.

Я встаю, игнорируя попытку Маргарет Винчестер завязать разговор. Мои широкие шаги сокращают расстояние между нами, когда София спешит через двери бального зала в мраморный коридор отеля.

Она оглядывается, ее зелено-золотистые глаза расширяются, когда она замечает меня. Ее шаг ускоряется, каблуки стучат по полированному полу. Я отслеживаю ее движения, как добыча, позволяя ей думать, что она может сбежать, пока она не сворачивает в уединенный коридор.

Идеально.

Тремя быстрыми шагами я хватаю ее за запястье и разворачиваю лицом к себе, прижимая к стене. Мои руки ложатся по обе стороны от ее головы, удерживая ее в плену.

— Уходишь, не попрощавшись, малышка? Это невежливо.

Ее пульс учащается под моей хваткой, когда я наклоняюсь ближе, упиваясь ее ароматом. — Открой рот.

— Мистер Иванов, я...

— Сейчас. — Мой голос понижается на октаву. Когда эти мягкие губы приоткрываются, я провожу пальцами — все еще покрытыми ее возбуждением — по ее языку. Ее глаза закрываются, когда она пробует себя на вкус. — Хорошая девочка.

Она резко отводит голову. — Это была ошибка. Нам нужно поддерживать профессиональные отношения.

У меня вырывается мрачный смешок. — Профессиональные отношения? Так ты называешь «кончить папочке на пальцы» на благотворительном ужине?

— Не называй себя так. — Ее щеки краснеют еще сильнее. — И это... этого не должно было случиться.

Я провожу большим пальцем по линии ее подбородка. — Но это произошло. Я чувствовал каждую дрожь и слышал каждый сдавленный стон, пока ты пыталась молчать. Твое тело знает, чего оно хочет, даже если ты не хочешь в этом признаться.

— Продажа картин...

— Мы уже давно не обсуждаем картины. — Я прижимаюсь ближе, мое бедро скользит между ее ног. — Ты больше не можешь прятаться за профессионализмом, не тогда, когда я точно знаю, насколько влажной ты становишься для меня.

Она толкает меня в грудь. — Это нужно прекратить.

— Что нужно прекратить, так это бессмысленное сопротивление. — Я хватаю ее за подбородок пальцами. — Теперь ты моя. Чем скорее ты примешь это, тем легче тебе будет.

— Я не твоя. — Но ее голос дрожит, выдавая ее.

— Нет? Нам следует вернуться за стол? Я расскажу всем, что именно заставило тебя скривиться во время десерта. Как их уважаемая маленькая владелица галереи развалилась на части под скатертью.

У нее перехватывает дыхание. — Ты не посмеешь.

— Испытай меня, малышка.

Ее молчание — единственный ответ, который мне нужен. Страх в этих зелено-золотых глазах вызывает во мне прилив удовлетворения. Моя маленькая владелица галереи, так заботиться о своей безупречной репутации, что не может рисковать, чтобы я раскрыл ее истинную натуру.

— Нечего сказать? — Я касаюсь губами ее уха. — Это что-то новенькое. Обычно ты так быстро отвечаешь на эти резкие реплики.

Она прижимается ко мне и бессознательно выгибается еще теснее, несмотря на свои протесты.

— Пожалуйста, — умоляет она.

— Пожалуйста, что? — Мои пальцы скользят вниз по ее шее. — Пожалуйста, обнажи себя? Пожалуйста, остановись? Или, пожалуйста, поцелуй меня? Будь конкретен, малышка.

Она тяжело сглатывает, эти идеальные губы дрожат. На ее лице разыгрывается внутренняя война — желание против приличий, потребность против осторожности. Через свои камеры я достаточно насмотрелся на все за последнюю неделю, чтобы распознать каждое микровыражение.

Я не жду ее ответа. Мой рот требует ее, проглатывая любой ответ, который она могла дать. На вкус она как шоколадное суфле и восстание. Ее руки сжимают мой пиджак в кулаки, чтобы оттолкнуть меня или притянуть ближе, она, кажется, не знает.

Я углубляю поцелуй, мой язык скользит по ее языку, когда я крепче прижимаю ее к стене. Она отвечает отчаянным стоном, от которого вся моя кровь закипает в жилах. Ее сопротивление рушится, когда она целует меня в ответ с таким же пылом, весь тот огонь, который я заметил под ее полированной поверхностью, наконец вырвался на свободу.

Моя рука запутывается в ее волосах, наклоняя ее голову, чтобы поцелуй был глубже. Она моя. Каждая дрожь, каждый вздох, каждое бессознательное покачивание ее бедер, прижатых к моему бедру, доказывает это.

Расчетанным движением я двигаю бедром, позволяя ей в точности почувствовать, что она делает со мной. Ее глаза распахиваются, когда она замечает мое возбуждение, ее зрачки расширяются от желания. Какой бы умной она ни была, я знаю, что она понимает это — тонкую угрозу моего требования.

Ее рот слегка приоткрывается, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы проникнуть внутрь, снова пробуя ее на вкус. Ее руки сжимаются на моих лацканах, и она встречает мой толчок легким движением бедер. Это небольшое движение посылает по мне волну тепла. Я хочу затащить ее в ближайшую комнату и погрузиться в нее, заявить на нее свои права так основательно, чтобы она никогда не забыла, кому принадлежит это сладкое тело.

Но мы находимся в общественном месте, и давить еще слишком рано. Контроль — это все в этой игре. Я медленно прерываю поцелуй, проводя губами по линии ее подбородка к уху. — Я бы хотел увидеть тебя снова... вне подобных мероприятий. — Мой большой палец поглаживает точку, где у нее пульсирует жилка. — Скоро.

Она изучает мое лицо, эти глаза затуманены желанием, и я знаю, что она обдумывает мою просьбу. Я видел такой взгляд у многих женщин до нее, но на этот раз он затрагивает меня. На этот раз мой контроль на пределе, и я не могу — не хочу — ее отпускать.

— Хорошо, — выдыхает она, сдаваясь, и это сводит меня с ума.

— Хорошо. — Я запечатлеваю последний, крепкий поцелуй на ее губах. — Но сегодня, я думаю, мы достаточно подразнили друг друга, не думаешь?

Она дрожит, ясно представляя себе возможные варианты. — Я... да.

В последний раз погладив ее по подбородку, я отступаю, давая ей возможность дышать. Ее грудь поднимается и опускается от быстрых вдохов, пока она собирается с силами. Эта уязвимость проникает мне под кожу — еще одна трещина в фасаде тотального контроля.

Я предлагаю ей руку, и после небольшого колебания она берет ее. Мы вместе возвращаемся в бальный зал, ее шаги немного нетвердые, когда она опирается на меня. Это небольшой наклон, но он посылает сообщение всем наблюдающим. София Хенли является собственностью Николая Иванова.

Глава 8

Николай

Тихий день, когда я захожу в галерею Софии, намереваясь удивить ее импровизированным визитом. Прошло шесть дней с тех пор, как я заставил ее сесть со мной за обеденный стол во время гала-концерта в Fairmont Copley Plaza. Служащая за стойкой регистрации пытается доложить обо мне, но я отмахиваюсь от нее и направляюсь в офис в задней части здания.

Дверь приоткрыта. София склонилась над своим столом, по полированной поверхности разбросаны таблицы. Ее плечи дрожат. Даже отсюда я замечаю блеск непролитых слез в ее глазах.

Моя челюсть сжимается. Кто-то стал причиной ее несчастья.

— София.

Она резко выпрямляется, поспешно вытирая глаза. — Николай! Я тебя не ждала... галерея закрыта на обед.

— Ясно. — Я захожу внутрь, просматривая финансовые документы, разложенные перед ней. Красные цифры бросаются в глаза как значительные убытки, несмотря на высокие показатели продаж. — Твои книги не сходятся.

— Ничего особенного. Просто временная проблема с поступлением наличных. Она пытается собрать бумаги, но я хватаю ее за запястье.

— Не лги мне. — Моя рука сжимается. — Выплаты за защиту?

Ее вздох подтверждает то, что я подозревал — местные банды нападают на успешные предприятия — как предсказуемо и утомительно.

— Я справлюсь с этим.

— А ты можешь? Потому что эти цифры говорят об обратном. — Я отпускаю ее запястье, чтобы взять электронную таблицу, изучая систематический отток средств. — Позволь мне помочь.

— Мне не нужно...

— Это не просьба, София. — Я откладываю бумаги и встречаюсь с ней взглядом. — У тебя есть два варианта. Прими мою помощь добровольно или все равно наблюдай, как я решаю эту проблему. В любом случае, эти выплаты прекратятся.

Заметный румянец окрашивает ее кожу. Причина не имеет значения — ее тело выдает гораздо более интересные истины в том, как дрожит ее рука, когда она тянется за бокалом Бордо, каждое движение отражает ее страх.

— Почему ты хочешь мне помочь?

— Потому что я так хочу. — Я вторгаюсь в ее личное пространство. — И потому что я защищаю то, что принадлежит мне.

— Я никому не принадлежу. — Подбородок Софии вздергивается, глаза горят вызовом. — И я не стану еще одним приобретением в твоей коллекции.

Улыбка растягивает мои губы. Какой огонь скрывается под этой отполированной внешностью. Мои пальцы чешутся прикоснуться к ней, посмотреть, горит ли ее кожа так же горячо, как ее дух.

— Это то, о чем ты думаешь? — Я наклоняюсь ближе, упиваясь едва уловимым перебоем в ее дыхании. — Что я вижу в тебе всего лишь еще один симпатичный предмет для демонстрации?

— Разве не этим занимаются богатые мужчины вроде тебя? Коллекционируют красивые вещи?

В ее словах чувствуется язвительность, но я замечаю легкую дрожь в ее голосе. Она изображает уверенность, которой на самом деле не испытывает. Очаровательно.

— Ты меня неправильно поняла. — Я провожу пальцем по ее столу, наблюдая, как она отслеживает это движение. — Я не хочу владеть тобой. Я хочу дать тебе свободу.

Она отступает на шаг, но ее зрачки расширяются. — Мне не нужна свобода.

— Нет? — Я обхожу стол, наслаждаясь тем, как она стоит на своем, несмотря на желание отступить. — Тогда почему у тебя дрожат руки? Почему твое дыхание учащается, когда я рядом?

— Это не... — Она обрывает себя, сжимая кулаки. — Тебе меня не запугать.

Ложь пропитывает пространство между нами. Я хочу прогнать ее с ее губ, заменить правдой, которую она слишком боится озвучить.

— Хорошо. — Я останавливаюсь в нескольких дюймах от нее. — Я предпочитаю, чтобы ты вела себя вызывающе. Это делает окончательную капитуляцию намного более приятной.

Краска заливает ее щеки, но она не отступает. — Ты очень уверен в себе.

— Я уверен в том, что вижу в твоих глазах, София. Тот же голод, что горит в моих.

Ее прерывистое дыхание говорит мне, что я попал в точку. Тем не менее, она поднимает подбородок, встречая мой взгляд с восхитительной смесью страха и вызова.

— Убирайся из моей галереи.

Идеально. Каждое проявление сопротивления только подпитывает мое желание обладать ею полностью.

Я наклоняюсь ближе, мое дыхание касается ее губ. Ее пульс подскакивает под нежной кожей шеи. Она поднимает лицо, глаза полуприкрыты, тело покачивается навстречу моему. Аромат ее духов — жасмина и ванили — затуманивает мои чувства.

Но я не сокращаю последнее расстояние. Вместо этого я провожу большим пальцем по ее нижней губе, наслаждаясь ее резким вдохом.

— Деньги на защиту больше не будут проблемой. — Мой голос становится ниже, грубее. — Считаю, что с этим разобрались.

София резко открывает глаза. — Вот так просто? Как?

Смех вырывается из моей груди. Ее наивность подкупает — она действительно понятия не имеет, кто я и какой властью обладаю в этом городе. Мысль о том, чтобы просветлять ее шаг за шагом, наблюдая, как понимание зарождается в этих выразительных глазах, вызывает у меня трепет.

— Давай просто скажем, что у меня есть некоторое влияние. Я провожу пальцем по ее подбородку. — Никто тебя больше не побеспокоит.

— Влияние? — Она хмурит брови. — Какого рода влияние?

— Сильное. — Я отступаю назад, наслаждаясь тем, как она качается вперед, прежде чем взять себя в руки. — Ты действительно не знаешь, кто я, не так ли?

На ее щеках появляется симпатичный розовый румянец. — Ты коллекционер произведений искусства.

— Среди прочего. — Уголок моего рта приподнимается. — Сделай себе одолжение, София. Изучи меня, когда я уйду. Это может оказаться полезным.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, наслаждаясь тем, как дыхание Софии становится коротким и неровным. Ее зрачки расширились так широко, что осталось только тонкое зелено-золотое колечко. Румянец, разливающийся по ее щекам и спускающийся вниз по шее, выдает ее возбуждение.

— До следующего раза. — Я останавливаюсь в дверях, наслаждаясь тем, как она хватается за стол, чтобы не упасть, и костяшки ее пальцев белеют.

На ее висках блестят капельки пота, а грудь быстро поднимается и опускается под шелковой блузкой. Это зрелище разжигает огонь в моей крови. Такой интуитивный отклик от того, что я едва прикоснулся к ней — я могу только представить, как она отреагирует, когда я, наконец, предъявлю на нее свои права должным образом.

Ее губы приоткрываются, но слов не выходит. Великая София Хенли теряет дар речи от одной моей близости. Гордость и собственничество захлестывают меня.

— Тебе следует присмотреться ко мне. — Я говорю тихо и интимно. — Я бы не хотел, чтобы ты оказалась неподготовленной к тому, что будет дальше.

Из ее горла вырывается тихий всхлип. Она сжимает бедра вместе, бессознательный сигнал, от которого по моим венам разливается жар. Каждое выражение лица, каждое крошечное движение выдает ее отчаянную потребность.

Я оставляю ее там, дрожащую и возбужденную. Звук ее прерывистого выдоха следует за мной по коридору.

Глава 9

СОФИЯ

Тишина галереи окутывает меня, как знакомое одеяло, пока я составляю каталог новых приобретений. Бронзовая скульптура Дега нуждается в проверке подлинности, и эти тихие вечерние часы позволяют мне сосредоточиться, не отвлекаясь.

Резкий треск рассекает воздух. Моя голова вскидывается, сердце бешено колотится. Звук доносился со стороны заднего входа.

Еще один треск, на этот раз громче. Панель безопасности возле моего стола мигает красным — кто-то отключил сигнализацию. Мои пальцы сжимают тяжелое бронзовое пресс-папье на моем столе.

— Проверьте офис. — Из коридора доносится грубый голос.

Я проскальзываю за дверь, пульс грохочет в ушах. Приближаются тяжелые шаги.

Дверь распаивается. Входит мужчина в темной одежде, и я с силой опускаю пресс-папье ему на плечо. Он чертыхается, спотыкаясь. Я пинаю его по колену, вспоминая уроки самообороны, которые я посещала.

Он падает. Я пробегаю мимо него, но его напарник загораживает коридор. Моя галерея. Дело моей жизни. Какого черта я позволяю им отнять это у меня?

Я делаю ложный выпад влево, затем уклоняюсь вправо, врезаюсь локтем ему в солнечное сплетение. Он с ворчанием сгибается пополам. Первый мужчина бросается на меня, но я уже двигаюсь.

Где-то позади меня разбивается стекло. По полу раздаются новые шаги — еще? У меня сводит живот.

Но эти новички прижимают нападающих к стене с военной точностью. Трое мужчин в тактическом снаряжении появляются из ниоткуда, расправляясь с грабителями с отработанной легкостью.

— Мисс Хенли. — Один подходит ко мне, подняв руки. — Вы ранены?

Я качаю головой, адреналин все еще бурлит во мне. — Кто...

— Частная охранная фирма. Мы следим за этим районом. — Он говорит по рации, пока его коллеги связывают потенциальных воров. — Полиция находится в пути.

Я прислоняюсь к своему столу, ноги дрожат теперь, когда опасность миновала. Эти люди двигались как профессионалы, появляясь именно тогда, когда это было необходимо. Что-то в их эффективности меня нервирует, но облегчение переполняет мой организм слишком сильно, чтобы сомневаться прямо сейчас.

Полицейские берут показания и затем уходят, а я собираю все силы, когда открывается дверь галереи. Входит Николай Иванов, заполняя пространство своим присутствием. Слишком удобно. Слишком уж удобно.

— Тебе больно? — Его серые глаза изучают меня с хищной интенсивностью.

— Я в порядке. — Я скрещиваю руки на груди. — Очень интересно. Те люди, которые спасли меня, — профессиональные охранники, как они утверждали. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Его губы изгибаются в легчайшем намеке на улыбку. — Я же сказал тебе, что позабочусь о защите.

— Я узнала о тебе, как ты и предлагал. — Слова выходят резче, чем предполагалось. — Ivanov Holdings. Импорт / экспорт. Недвижимость. Банковское дело. Но это еще не все, не так ли? Если больше, что не отражено в официальных отчетах.

Он придвигается ближе, и я заставляю себя не отступать. Его одеколон — дорогой, едва уловимый — обволакивает меня.

— И какие выводы ты сделала из своего исследования?

— Что ты опасен. — Я смотрю в эти потрясающие серые глаза. — Что слухи о твоих связях с организованной преступностью могут оказаться правдой. Что люди, которые переходят тебе дорогу, имеют тенденцию исчезать.

— И все же ты стоишь здесь, прямо напротив меня. —; Его палец проводит по моей челюсти. — Я не могу решить, ты бесстрашна или безрассудна.

— Люди, которые напали на тебя... — Пальцы Николая задерживаются на моей челюсти. — Твоя предыдущая защита не оценила потерю источника дохода.

— Ты имеешь в виду головорезов, которые требовали ежемесячных выплат? — Мои руки сжимаются в кулаки. — Они это сделали?

— Глупый поступок. — Его глаза темнеют. — О котором они будут глубоко сожалеть.

— В твоих устах это звучит как... — Я замолкаю, обдумывая подтекст. Люди, которые ему мешают, исчезают. Дрожь пробегает по мне.

— Меня интересует твоя реакция на нападение. — Он медленно обходит меня. — Эти движения не были элементарной самообороной. Где ты научилась так драться?

Я замираю. Вспыхивает воспоминание — тренировки, которые я не могу вспомнить, мышечная память, которой у меня не должно быть.

— Я посещала некоторые занятия. — Я знаю, что это не вся правда. То, как я двигалась, было чистым инстинктом; я действительно не понимаю.

— Нет. — Николай останавливается в нескольких дюймах от меня. — Ты двигалась так, словно это стало твоей второй натурой.

Мое сердце бешено колотится. Он прав, но я не училась этим навыкам. Они просто пришли, когда понадобились. Как и другие странные способности, которые проявляются в неподходящие моменты — языки, которых я не должна знать, рефлекс, которых не должно быть.

— Я не... — я с трудом сглатываю. — В моем прошлом есть вещи, которые я не могу объяснить.

Выражение его лица становится резче, хищный интерес вспыхивает в его пронизательных глазах. — Ты полна сюрпризов, София Хенли. — Он делает ударение на моей фамилии, словно пробуя ее на вкус. — Или каким бы ни было твое настоящее имя.

Это слишком близко к истине. Записи об усыновлении, пробелы в моем раннем детстве — все вопросы, на которые я никогда не могла ответить.

— Ты не та, за кого себя выдаешь. — Его голос становится ниже, интимнее. — И теперь мне очень, очень любопытно.

То, как он смотрит на меня сейчас, отличается от того, что было раньше. Не просто желание или обладание. В нем есть интенсивность, сосредоточенность, как будто я под микроскопом. Как будто он не остановится, пока не раскроет мои секреты.

Включая тех, о которых я даже сама не знаю.

Его пальцы скользят по моей руке, оставляя за собой огонь. Мне следовало бы отступить и сохранять профессиональную дистанцию, но мое непослушное тело склоняется навстречу его прикосновениям.

— Твои секреты, — бормочет Николай, его акцент усиливается. — Владелец галереи так не дерется.

— Может быть, я полна сюрпризов. — Несмотря на опасный накал между нами, я отказываюсь отступать, встречая его взгляд прямо.

— О, я рассчитываю на это. — Он подходит ближе, прижимая меня спиной к столу. От его одеколона — тонкие ноты кедра и чего-то более темного — у меня кружится голова. — Скажи мне, София, какие еще скрытые таланты ты скрываешь от меня?

Его рука скользит по моему бедру, отчего у меня перехватывает дыхание. Прикосновение собственническое и заявляющее. Часть меня хочет оттолкнуть его и сохранить контроль, но более глубокая, темная часть жаждет большего.

— Ты привык получать то, что хочешь, верно? — Мне удастся сохранять голос ровным, несмотря на дрожь, пробегающую по телу.

— Всегда. — Он рисует круги на моем бедре своими грубыми пальцами. — И я хочу разгадать каждую тайну, которой ты себя окутала.

Боль поселяется глубоко внутри меня. Этот человек опасен — для моего бизнеса, тщательно выстроенной жизни и здравомыслия. И все же мне, кажется, все равно, когда он так на меня смотрит.

— Сегодняшнее нападение, — говорю я, пытаюсь сменить тему. — Это действительно было из-за денег за защиту?

Его другая рука обхватывает мое лицо, приподнимая его. — Ты уклоняешься. Но да. Что более важно, это подтвердило то, что я подозревал — ты не просто владелец галереи. Ты — нечто совершенно другое.

То, как он изучает меня, заставляет меня чувствовать, что он может видеть сквозь каждую стену, которую я возвела. Нежное прикосновение его большого пальца к моей губе вырывает у меня вздох.

— Вопрос в том, — продолжает он, понижая голос до шепота, — готовы ли ты узнать, чем может быть это что-то еще?

Мое тело отвечает на его зов без моего разрешения, притягиваясь к нему, как мотылек на пламя. Мое сопротивление рушится, когда я прижимаюсь к нему, у меня перехватывает дыхание от явного доказательства его желания, прижимающегося ко мне.

Его глаза темнеют, а рука на моем бедре собственнически сжимается. Край стола впивается мне в спину, но я едва замечаю, когда его рот завладевает моим. Этот поцелуй отличается от первого — более глубокий, голодный. Когда его язык проводит по моим губам, я без колебаний открываюсь ему.

У меня вырывается стон, когда его язык проникает внутрь, пробуя на вкус, исследуя. Другой рукой он запутывается в моих волосах, наклоня мою голову, чтобы углубить поцелуй еще больше. Контролируемая сила его прикосновений воспаляет мои нервные окончания.

Мои пальцы сжимаются на его дорогом пиджаке, притягивая его ближе. Твердые плоскости его тела прижимаются к моим более мягким изгибам, и тепло разливается внизу моего живота. Его язык ласкает мой в чувственном танце, от которого у меня слабеют колени.

Это безумие. Я должна это прекратить. Но когда его зубы задевают мою нижнюю губу, рациональные мысли улетучиваются. Я выгибаюсь навстречу, желая большего, нуждаясь в большем.

Я уступаю его объятиям, хватаясь за его куртку, когда он слегка отстраняется. Его льдисто-серые глаза встречаются с моими, потемневшие от напряжения.

— Вот и все, — бормочет он, его акцент становится сильнее, чем раньше. — Отпусти контроль, который ты так крепко держишь. Уступи папочке.

От этого слова по мне пробегают неожиданная дрожь. У меня перехватывает дыхание, а щеки заливают жаром. Я должна быть оскорблена, должна оттолкнуть его за такую самонадеянность. Вместо этого я ловлю себя на том, что прижимаюсь ближе.

— Я... — Мой голос срывается, когда его рука сильнее сжимает мои волосы.

— Скажи это, — тихо приказывает он. — Скажи папочке, что тебе нужно.

Что-то внутри меня ломается — стена, о существовании которой я и не подозревала, рушится под тяжестью его слов. Мое сопротивление рассеивается, как дым.

— Пожалуйста, — шепчу я, едва узнавая собственный голос. — Папочка.

Его глаза вспыхивают триумфом и обладанием. Рука в моих волосах сжимается сильнее, откидывая мою голову назад, когда он снова завладевает моим ртом.

Я отрываюсь от поцелуя, мои губы покалывает, дыхание неровное. — Мне пора домой. — Слова выходят грубее, чем предполагалось.

Рука Николая остается на моей талии, его прикосновение обжигает сквозь шелк моей блузки. — Я отвезу тебя.

— В этом нет необходимости. — Я отступаю на шаг, мне нужно расстояние, чтобы прояснить голову. — Я могу вызвать Uber.

Выражение его лица мрачнеет. — Ты думаешь, я позволю тебе сесть в машину незнакомца после того, что произошло сегодня вечером?

— До сегодняшнего вечера я прекрасно справлялась сама, — парирую я.

— Очевидно. — В его тоне слышится резкость, которая заставляет меня вздрогнуть. — И как это сработало с твоей предыдущей защитой?

Я хватаю свою сумочку со стола, отказываясь признавать правоту. — Ладно. Ты можешь отвезти меня. Но ты не поднимаешься.

На его губах играет понимающая ухмылка. — София. — То, как он произносит мое имя, звучит как шелк поверх стали. — Такая женщина, как ты, нуждается в надлежащем уходе. Ужин, вино, полный набор перед тем, как пригласить мужчину в свой дом.

Жар заливает мои щеки от его намека. — И ты думаешь, что знаешь, что я за женщина?

— Я учусь. — Его пальцы касаются моего подбородка. — Каждое мгновение открывает что-то новое.

Я сажусь на гладкое кожаное сиденье Bentley Николая, мой пульс все еще учащен после нашей встречи в галерее. В салоне пахнет кедром и дорогой кожей, под стать его одеколону.

Его рука находит мое колено, когда он отъезжает от тротуара, большим пальцем рисуя круги на моих шелковых брюках. Даже это простое прикосновение посылает электрический разряд по моему телу.

— Ты дрожишь. — Этот смертоносный оттенок в его голосе вызывает во мне дрожь страха и желания.

— Смотри на дорогу. — Я пытаюсь говорить строго, но мой голос выходит хриплым.

Он хихикает, его рука скользит выше по моему бедру. — Я отлично справляюсь с несколькими задачами одновременно.

На красный свет он поворачивается ко мне. Прежде чем я успеваю возразить, его рука запутывается в моих волосах, притягивая меня для обжигающего поцелуя. Другой рукой он обхватывает мое горло, не сдавливая, просто удерживая.

— Зови меня папочкой, — шепчет он мне в губы.

Я отстраняюсь, мое сердце бешено колотится. — Нет.

Его хватка в моих волосах слегка усиливается. — Нет?

— Я не буду называть тебя так. — Я вызывающе встречаю его взгляд.

Опасная улыбка играет на его губах. — Это только вопрос времени, малышка. — Его большой палец поглаживает точку моего пульса. — Ты будешь умолять об этом.

Загорается зеленый, и он отпускает меня, возвращая свое внимание к вождению. Его слова остаются со мной, неся в себе правду, которую я не хочу признавать.

Bentley плавно останавливается возле моего особняка. Рука Николая хватается за запястье, прежде чем я успеваю дотянуться до дверной ручки. Он притягивает меня к себе, другой рукой обхватывая мое лицо.

— Еще один, — бормочет он.

Я таю в поцелуе, несмотря на свое прежнее сопротивление, чувствуя, как его рука обхватывает мое горло, а язык дразнит мой. Кожаное сиденье скрипит, когда мои пальцы вцепляются в тонкую шерсть его куртки, прижимаясь ближе, несмотря на все инстинкты самосохранения, кричащие отступить.

Когда он наконец отрывается, у меня перехватывает дыхание. Его серо-стальные глаза находят мои, темные от обещания.

— Сладких снов, малышка. — Его пальцы скользят по моей шее. — Приснись мне этой ночью.

— Ты не так очарователен, как думаешь, — лгу я, пульс под его пальцами учащается.

— Ты согласишься на это свидание достаточно скоро. — Его большой палец касается моей нижней губы. — Мы не можем продолжать так мучить себя.

— Спокойной ночи, мистер Иванов. — Я отстраняюсь, прежде чем он успевает поцеловать меня снова, зная, что мое сопротивление не выдержит, если он это сделает.

Его низкий смешок сопровождает меня на выходе из машины. — Спокойной ночи, София.

Я не оглядываюсь, когда открываю входную дверь своего дома, но чувствую на себе его взгляд, пока не оказываюсь внутри. Только тогда я позволяю себе прислониться к стене, пытаюсь отдышаться.

Хуже всего то, что он прав. Этот танец, который мы танцуем, не может длиться вечно. И в глубине души я точно знаю, чем это закончится.

Глава 10

НИКОЛАЙ

Через камеру моего телефона я наблюдаю, как София перемещается по своей квартире. На ней все еще рабочая одежда.

Система безопасности, которую она установила, неплохая, но ничто по сравнению с тем, что я установлю, когда она будет полностью моей. Пока это работает в моих интересах. Я знаю каждый код и местоположение каждого датчика.

София исчезает в своей спальне. Камера показывает, как она снимает юбку и блузку, оставляя их на полу. Мои руки сжимаются при виде того, как она падает на кровать. Она измучена.

Я жду, считая ее вдохи во время записи, пока они не выровняются и не войдут в ритм глубокого сна. Проходит двадцать минут, прежде чем я уверен, что она не пошевелится. Затем я выхожу из машины, захожу в здание и поднимаюсь на два лестничных пролета к двери ее квартиры.

Доставая инструменты из кармана, я принимаюсь за работу. Замок бесшумно поддается, и я двигаюсь по ее пространству, как тень, рассчитывая каждый шаг, чтобы избежать скрипящих половиц, которые я наметил во время своего предыдущего визита. Аромат ее духов витает в воздухе.

Дверь ее спальни приоткрыта. В тусклом свете, проникающем через окна, я вижу ее свернувшуюся калачиком фигуру на кровати, одна рука перекинута через подушку. Ее медово-светлые волосы рассыпаются по белым простыням, как жидкое золото, но я пока не вхожу.

Я прохожу по ее комнате, запоминая каждую деталь. На кухне обнаруживаю натуральный чай и полупустую бутылку дорогого красного вина. На ее кофейном столике лежит потрепанный экземпляр учебника по истории искусств, страницы которого помечены цветными вкладками.

В ее домашнем кабинете я нахожу кое-что более личное: альбом для рисования в кожаном переплете, спрятанный в нижнем ящике стола. На первой странице изображен подробный анализ моих рук во время нашей встречи в галерее, каждая мозоль и шрам запечатлены с завораживающей точностью.

Страница за страницей раскрывается ее скрытый талант: архитектурные этюды бостонских зданий и портретные этюды посетителей галереи. Но последние наброски привлекают мое внимание — мрачные сцены насилия, выполненные резкими мазками угля: фигура, падающая сквозь пространство, разбитое стекло и забрызганные кровью стены.

У моей малышки есть глубины, которые она прячет от мира. Это рисунки не простого владельца галереи. Они говорят о воспитании, о глубоком понимании насилия.

Тихий звук из ее спальни заставляет меня остановиться. Она ворочается во сне, бормоча что-то, чего я не могу разобрать. Я возвращаю альбом в точности туда, где нашел его, не оставляя никаких следов своего присутствия.

Стоя в дверях ее спальни, я наблюдаю за ней. Лунный свет выхватывает легкую морщинку между ее бровями, какой-то тревожный сон разыгрывается за закрытыми глазами.

Я подхожу ближе к ее кровати, моя тень падает на ее спящую фигуру. Шелковая ночная рубашка соскользнула с одного плеча, обнажая нежный изгиб ее груди. У меня руки чешутся проследить эту линию.

Она сдвигается, и простыня сползает ниже, обнажая большую часть ее груди. Моя рука сжимается. Пока нет. Предвкушение предъявления прав на нее сделает возможное обладание еще слаще.

Я достаю свой телефон, камера не издает ни звука, пока я запечатлеваю ее ранимую красоту: то, как ее волосы рассыпаются по подушке, словно золотые нити, слегка приоткрытые губы и изящный изгиб шеи. Каждый образ врезается мне в память, хотя мне вряд ли нужны фотографии, чтобы вспомнить каждую ее деталь.

Ее корзина для белья стоит в углу, и я нахожу то, что ищу — пару черных кружевных трусиков, которые она надевала сегодня. Я подношу их к носу, вдыхая ее интимный аромат. Моя. Шелковая заколка для волос на ее прикроватной тумбочке все еще держит пряди медово-светлых волос. Оба предмета исчезают в моем кармане.

София снова шевелится, из ее горла вырывается тихий всхлип. Звук отдается прямо у меня в паху, и я заставляю себя отступить назад. Скоро эти звуки будут принадлежать только мне.

— Николай, — шепчет она, и мой контроль почти рушится.

Я хватаюсь за дверной косяк, костяшки моих пальцев белеют от усилий сдержаться. Потребность забраться к ней в постель, разбудить ее своим прикосновением, заявить права на то, что принадлежит мне, — стучит в моей крови, как боевой барабан.

Ни одна другая женщина никогда не действовала на меня так. Мой самоконтроль ослабевает, когда я борюсь с желанием присоединиться к ней в постели.

Двигаясь с грацией хищника, я расстегиваю штаны, освобождая свою твердую длину. Меня окружает ее аромат, пьянящая смесь дорогого мыла и Софии — намек на пряности и теплоту женщины.

У нее перехватывает дыхание, и она снова что-то бормочет, звук отдается прямо моему члену. Я медленно глажу себя, перекачивая тонкий шелк ее ночной рубашки между пальцами. Я хочу сорвать его, подставить ее тело своему голодному взгляду. Но нет — я не буду торопить события. Для этого будет достаточно времени позже.

Вместо этого я сажусь на край ее кровати, достаточно близко, чтобы дотронуться до нее, и представляю, как ощущаю ее нежную кожу под своими ладонями. Мысленно я обвожу изгиб ее бедра, выпуклость груди. Я представляю ее глаза, зелено-золотые, как редкие драгоценные камни, темнеющие от желания, когда я пробую на вкус ее губы, шею и ложбинку между грудями.

Свободной рукой я тянусь к ее бутылке с водой на тумбочке. Холодная, наполовину полная жидкость. Я наклоняю свой член, изливаясь в отверстие, и продолжаю драть. Теперь быстрее, жестче, представляя, как её рот обхватывает меня, а руки подталкивают к оргазму.

Я не свожу глаз с её лица, изливаясь в воду и оставляя на ней свой след. Моя. Это слово пульсирует в моем мозгу первобытным ритмом. Ее веки трепещут, а губы приоткрываются, пока мое семя смешивается с водой.

Я ставлю бутылку на место точно так, как нашел, мое сердце бешено колотится. Ее грудь поднимается и опускается, дыхание спокойное. Своим прикосновением я возвращаю ее ночную рубашку на место, прикрывая плечо и возвращая ей прежнее состояние невинности.

София теперь моя, и я сгораю от осознания того, что скоро она будет принадлежать мне полностью — разумом, телом и этой блестящей, непокорной душой. Перспектива того, что она поглотит мое освобождение, вызывает во мне последнюю дрожь. Я застегиваю брюки и разглаживаю одежду.

Отходя от кровати, я смотрю на ее спящую фигуру. Она шевелится, поворачивается на бок, и на мгновение мне кажется, что она просыпается. Но затем ее дыхание снова успокаивается.

Я выхожу из ее спальни, мои шаги бесшумны, призрак уходит из ее жизни, на данный момент.

Глава 11

НИКОЛАЙ

Подробный отчет на моем планшете заставляет меня стиснуть челюсти, когда я смотрю на фотографии искореженной автокатастрофы унесшей жизни приемных родителей Софии два года назад. Выводы следователя показывают, что тормозные магистрали аккуратно перерезаны и инсценированы так, чтобы походить на несчастный случай. Профессиональный подход.

Я считаю, что закрытые записи об усыновлении скрыты за слоями бюрократии, сквозь которые не могут проникнуть даже мои связи. Пока. Три следователя работают с разных сторон, но происхождение Софии Хенли остается загадкой.

Сквозь тонированные стекла своей машины я наблюдаю, как она выходит из своего особняка, закутанная в кремовое кашемировое пальто. Она делает паузу, чтобы поправить ботинок, и я упиваюсь изящным изгибом ее шеи, тем, как утренний свет играет в ее медово-светлых волосах.

— Сэр, проверка биографических данных выявила необычные пробелы в ее детских медицинских картах, — бормочет мой начальник службы безопасности с переднего сиденья. — И ее дело об удочерении было опечатано по прямому приказу...

Я поднимаю руку, заставляя его замолчать. София идет своим обычным маршрутом в кофейню на 7-й-й авеню. Как обычно, она закажет себе капучино и дополнительную порцию, затем потратит двенадцать минут на чтение новостей в телефоне, прежде чем отправиться в галерею.

Моя София такая точная и контролируемая. Каждая деталь ее жизни отражена в моих файлах — ее привычки ходить по магазинам, вечерние пробежки и вино, которое она предпочитает.

Но эти скрытые записи насмеются надо мной. Кто-то приложил немало усилий, чтобы скрыть ее истинную личность. Возможно, тот же самый человек, который заказал убийство ее приемных родителей.

— Продолжай копать, — приказываю я. — Мне нужно все. Каждая деталь ее прошлого, каждый секрет. — Мои глаза не отрываются от ее изображения на экране.

Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов прошло с тех пор, как я в последний раз разговаривал с ней после взлома. Судя по записям с камер наблюдения, она хорошо восстановилась, но это не то же самое, что видеть её лично.

Я постукиваю пальцами в кожаных перчатках по дверце машины. — Припаркуйся за углом. Дальше я пойду пешком. — Антон паркуется и позволяет мне выйти. Я застегиваю пальто, заворачиваю за угол и иду по улице к ее обычному кафе.

Когда я вхожу, звенит колокольчик. Насыщенный аромат свежего кофе наполняет воздух, и она идеально сидит за своим обычным угловым столиком с нетронутым капучино, листая свой телефон.

Ее реакция на мое приближение мгновенна — она поднимает голову, и эти завораживающие зелено-золотистые глаза сужаются в выражении вызова, которое меня забавляет. — Мистер Иванов.

— София. Какой приятный сюрприз. — Я указываю на пустой стул напротив нее. — Можно?

Она кладет телефон, сжав губы в тонкую линию. — Это действительно сюрприз?

— Я был неподалеку...

— Не надо. — Она наклоняется вперед, понижая голос. — С тех пор, как мы встретились, черные машины преследуют меня. Мужчины в костюмах смотрят мою галерею. Мой телефон ведет себя странно. — Ее пальцы сжимают чашку. — Я не дура, Николай.

Сталь в ее голосе вызывает у меня дрожь. Я сбрасываю пальто и все равно сажусь. — Ты изучала меня?

— Пытаюсь. Большинство записей по непонятным причинам неполны или запечатаны.

— Как твои собственные? — Спрашиваю я.

Ее челюсти сжимаются, и в глазах появляется вспышка страха. — Значит, ты тоже копал.

— Я предпочитаю знать, с кем имею дело.

— И с кем именно я имею дело? — Она встречает мой взгляд, не дрогнув. — Потому что прямо сейчас я вижу только мужчину, который следит за мной и вторгается в мою личную жизнь.

— Осторожнее, София. — Я наклоняюсь ближе, вторгаясь в ее личное пространство. — Твой острый язычок может навлечь на тебя неприятности.

Она резко встает, стул скрипит по полу. — Я ухожу.

Я хватаю ее за запястье, прежде чем она успевает пройти мимо меня. — Сядь.

— Отпусти меня. — Ее голос дрожит от ярости.

— Заставь меня.

Она дергает меня за руку, но я крепко держу. Посетители кафе старательно избегают смотреть в нашу сторону — умно с их стороны.

— Ты титулованный ублюдок. — Краска заливает ее щеки. — Ты думаешь, что можешь просто ворваться в мою жизнь и начать все контролировать?

— Я думаю, тебе нужен кто-то, кто контролировал бы тебя. — Я притягиваю ее ближе, мои губы касаются ее уха. — Кто-то, кто возьмет тебя под руку, когда ты ведешь себя как избалованный ребенок.

У нее перехватывает дыхание. — Я не...

— Нет? — Я провожу большим пальцем по ее пульсу. — Тогда почему ты дрожишь? Почему у тебя так сильно бьется сердце?

— Потому что я зла, — шипит она.

— Потому что тебе нужна дисциплина. — Я понижаю голос. — Мне бы ничего так не хотелось, как перекинуть тебя через колено и научить хорошим манерам.

Она пытается отступить, но я удерживаю ее на месте. Ее зрачки расширяются, а грудь быстро поднимается и опускается.

— Сначала ты бы сопротивлялась этому, — продолжаю я. — Но мы оба знаем, что в конечном итоге ты будешь умолять о большем, не так ли, малышка?

Тихий всхлип срывается с ее губ прежде, чем она успевает его остановить. Ее свободная рука сжимается в кулак.

— Это то, что на самом деле злит тебя, верно? Не то, что я контролирую, ведь какая-то часть тебя жаждет этого. Нуждается в этом.

— Ты бредишь. — Но ее голос утратил остроту, сменившись задыхающимся желанием.

— Правда? — Я встаю, возвышаясь над ней. — Тогда почему ты больше не отстраняешься?

Ее губы приоткрываются, но с них не срывается ни звука, а гнев в ее глазах превратился во что-то голодное и темное.

Я отпускаю ее запястье, но сохраняю свое положение, зажимая ее между своим телом и столом. Ее неповиновение только разжигает мою потребность пробиться сквозь эту отполированную внешность.

— Такая своевольная маленькая девочка, — шепчу я ей на ухо. — Ты поэтому так себя ведешь? Ищешь внимания от папочки?

Она напрягается, дрожь пробегает по всему телу. — Не надо...

— Не надо, что? — Мои пальцы скользят вверх по ее руке. — Не указывать на то, как отчаянно ты хочешь, чтобы кто-то взял контроль в свои руки и дал тебе то, в чем ты нуждаешься?

— Мне ничего от тебя не нужно. — Но ее голос дрожит, выдавая ее.

— Нет? — Я беру ее за подбородок, заставляя встретиться со мной взглядом. — Тогда почему ты откликаешься на мои прикосновения? Почему твои красивые глаза становятся такими темными, когда я называю тебя хорошей девочкой?

У нее перехватывает дыхание. Она пытается отвернуться, но я крепко держу.

— Остановись, — шепчет она, но ее тело выгибается еще теснее.

— Скажи только слово. — Мой большой палец проводит по складке ее рта. — Беги от этого. Скажи мне, что я ошибаюсь насчет нас.

Вместо того, чтобы отстраниться, она прижимается к моим прикосновениям. Ее глаза закрываются, из них вырывается тихий стон.

— Так я и думал. — Я отпускаю ее подбородок. — Такая нуждающаяся малышка под всем этим лоском. Так упорно сопротивляешься тому, чего ты хочешь.

— Я ненавижу тебя. — Но за этими словами нет убежденности.

— Нет, тебе не нравится, как хорошо я вижу тебя насквозь. — Я отступаю, позволяя холодному воздуху пронестись между нами. — Как легко я могу заставить тебя развалиться на части.

Она хватается за край стола, чтобы не упасть, грудь тяжело вздымается. На ее лице отражается борьба между желанием и сопротивлением.

— Мы на людях, — с трудом произносит она, оглядывая кафе.

— И все же ты все еще здесь, не так ли? — Я улыбаюсь. — Не убегаешь. Не зовешь на помощь. Просто дрожащая и мокрая, отчаянно нуждающаяся во внимании папочки.

Сдавленный звук вырывается из ее горла, костяшки пальцев на столе побелели.

Я поправляю галстук, наслаждаясь тем, как грудь Софии поднимается и опускается с каждым неровным вздохом. Румянец на ее щеках и темнота в ее глазах говорят мне все, чего не желают признавать ее губы. Моя маленькая девчонка так упорно борется с тем, что ей нужно.

— Мне понравилась наша беседа. — Я смахиваю воображаемую ворсинку с рукава. — Но мне нужно присутствовать на встречах.

Она тяжело сглатывает, все еще цепляясь за стол, как будто это единственное, что удерживает ее на ногах. Это зрелище вызывает во мне удовлетворение.

— Я заеду за тобой в восемь вечера. Надень что-нибудь элегантное. И, София? — Я наклоняюсь ближе, позволяя своему дыханию коснуться ее уха. — Не подведи меня.

Эти зелено-золотистые глаза следят за моими движениями, пока я надеваю пальто и расправляю манжеты. Сила ее взгляда прожигает мне спину, когда я шагаю к двери, но она остается на месте как вкопанная.

Перед тем, как выйти, я оглядываюсь через плечо и обнаруживаю, что она не сдвинулась ни на дюйм, все еще дрожа у стола, наблюдая за мной со смесью желания и вызова, от которых у меня начинает петь кровь.

Идеально.

Глава 12

СОФИЯ

Я поправляю перед зеркалом свое изумрудное платье, замечая, как оно подходит к моим глазам, и вспоминая, как ему нравился этот цвет на мне. Приближается восемь часов, заставляя мой желудок скручиваться от предвкушения. — Ты ведешь себя нелепо, — бормочу я своему отражению. — Он просто мужчина. Но Николай не просто человек. То, как он командует в комнате, сталь в его голосе, когда он отдает приказы... Я сжимаю бедра при воспоминании о том, как его рука сжимала меня, когда я медленно приближалась к оргазму. Звонок в дверь раздается ровно в восемь. Мои каблуки элегантно ступают по паркету, когда я подхожу к двери. Я замираю, держась за ручку двери и делая глубокий вдох, чтобы успокоиться. Николай заполняет дверной проем в безупречно сшитом черном костюме. Его серо-стальные глаза изучают меня с собственническим голодом. — София. — Его голос обволакивает мое имя, как сталь, покрытая шелком. — Ты выглядишь восхитительно. — Спасибо. — Мой голос хриплый и слабый. — Что ты говоришь, когда я делаю тебе комплимент? — Его тон становится ниже, требовательнее. Тепло поднимается вверх по моей шее вместе с волнением. — Спасибо... Папочка. Владелец галереи во мне — контролируемый, независимый, искушенный — должен отвергать эту динамику. Но за этим фасадом скрывается правда: брошенность оставила свой след сначала в отношениях с моими биологическими родителями, а затем в связи с внезапной смертью Хенли. Доминирующее присутствие Николая заполняет эти пустоты, его защита окутывает мои раны, как бесценный шёлк — разбитый мрамор. Он приподнимает мое лицо пальцами. — Хорошая девочка. Мой с таким трудом завоеванный контроль рушится под его прикосновением, и я склоняюсь к нему, как цветок, ищущий солнца. — Ты не можешь бороться с этим вечно, малышка. Я вижу, как сильно ты нуждаешься в этом. Нуждаешься во мне. Всхлип вырывается из моего горла. Он прав. Я устала бороться, быть сильной в одиночку. Только на эту ночь я хочу ослабить контроль. — Да, папочка, — шепчу я. Ресторан, который выбрал Николай, соответствует именно его стилю — эксклюзивный, элегантный и скрытый от посторонних глаз. Метрдотель ведет нас к уединенной угловой кабинке, откуда Николай может осмотреть весь зал. — Вина? — Он поднимает список в кожаном переплете. — Пожалуйста. — Я откидываюсь назад, расслабляясь на плюшевом бархате. Без напряжения борьбы с ним я замечаю, как в воздухе потрескивает электрическая энергия. — Расскажи мне о своем первом приобретении произведения искусства. — Его вопрос удивляет меня — большинство мужчин пытаются произвести впечатление своими историями. — Небольшой набросок Дега. — Я улыбаюсь воспоминаниям. — Я нашла его на распродаже недвижимости, когда мне было двадцать два. Семья думала, что это репродукция. — Но ты знала лучше. — В его глазах вспыхивает признательность. — Качество бумаги выдавало ее. Это и характерный рисунок штрихов в углу. — Я делаю глоток вина, которое он заказал, которое идеально выдержано. — Я сама ее реставрировала. Именно тогда я поняла, что хочу открыть свою галерею. — У тебя превосходное чутье. — Его похвала согревает меня больше, чем вино. — Как в искусстве, так и в других областях. — Ты не такой, как я ожидала, — замечаю я. — Нет? — Уголок его рта приподнимается. — С тобой легче разговаривать, чем я думала. — Когда я не борюсь со своим влечением к нему, разговор течет естественно. Его интеллект не уступает моему, а его сухое остроумие заставляет меня смеяться. — Возможно, потому, что ты перестала притворяться, что не хочешь меня. — Его рука накрывает мою на столе, большой палец поглаживает точку пульса. — Нас. Молния пронзает меня от его прикосновения, и на этот раз я приветствую бурю. — Возможно. Наши взгляды встре-

чаются через стол, и воздух становится плотнее от открывающейся возможности. Когда его пальцы переплетаются с моими, я не сопротивляюсь этому интимному жесту. Вместо этого я наслаждаюсь этой намеренной потерей контроля. Официант подает мне идеально обжаренные морские гребешки, и от их аромата у меня текут слюнки. На другом конце стола с размаху появляется стейк Николая. В моем клатче жужжит телефон. Обычно я игнорирую уведомления во время ужина, но от особого сигнала оповещения у меня сводит живот. Я выуживаю его, и кровь стынет в жилах, когда я читаю предупреждение службы безопасности. — Извини, мне нужно идти. — Я начинаю собирать свои вещи. — В галерее возникла ситуация. Рука Николая накрывает мою. — Что за ситуация? — На камерах зафиксировано множество вооруженных людей. — Мой голос дрожит, когда я читаю подробности. — Они снова пытаются проникнуть через черный ход. — Я иду с тобой. — Он уже подает знак, требуя счет. Оплатив счет, он выводит меня из ресторана к своему черному Мерседесу. — Я справлюсь сама, — протестую я, но хватка Николая крепкая. — Теперь ты под моей защитой. — Его голос не терпит возражений, когда он усаживает тебя на заднее сиденье своей машины. — Антон, в галерею. Водитель кивает и направляет нас к моей галерее. Николай достает телефон, и машина наполняется быстрой русской речью. Его голос становится резким, командным. Иностранные слова слетают с его языка с такой мрачностью, что меня бросает в дрожь. — Что ты только что сделал? — Я поворачиваюсь на кожаном сиденье, чтобы посмотреть ему в лицо. — Вызвал подкрепление. — Его челюсть сжимается, когда он смотрит на часы. — Эти идиоты знают, что ты под моей защитой, и все же не отступают. Пришло время послать более четкое сообщение. — Подкрепление? — Мои братья. — Он засовывает телефон в карман. — Они встретят нас там. — Братья? — Во всех моих исследованиях о Николае Иванове я ни разу не нашла упоминания о братьях и сестрах. — Я и не знала, что у тебя они есть. — Трое. — Его губы слегка изгибаются. — Дмитрий, Алексей и Эрик. Я хмурю брови. — И все они придут в мою галерею? — Да. — Он хватается меня за руку. — Когда семье угрожают, мы реагируем. — Я не член семьи, — замечаю я. Его пальцы сжимают мои. — Ты моя, малышка. Это делает тебя таким же важным человеком, как и нас. Собственническая нотка в его голосе должна была бы напугать меня. Вместо этого, от этого тепло разливается внизу моего живота. — Очень самонадеянно после первого свидания, мистер Иванов. Его взгляд задерживается на мне. — Однажды проведя ночь с папочкой, ты, блядь, уже никогда не уйдешь. У меня перехватывает дыхание. Грубые слова в его утонченном голосе с легким акцентом посылают жидкий жар прямо между моих бедер. Его большой палец рисует круги на моей ладони, и я не могу сдержать вырывающийся тихий стон. — Твое высокомерие поразительно. — Моя попытка насмешки превращается в нечто гораздо более откровенное, каждое слово несет в себе дрожь желания. — Мои инстинкты не лгут. — Другой рукой он сжимает подол моего платья. — Я замечаю, как ты дрожишь, когда я прикасаюсь к тебе. Как расширяются твои зрачки, когда я отдаю команды. — Его пальцы скользят выше. — То, как ты сейчас заливаешь насквозь эти прелестные трусики, не так ли, малышка? Я ерзаю на сиденье, разрываясь между желанием раздвинуть ноги пошире и сжать их. — Мы почти у галереи. — Это не ответ. — Его голос становится ниже, требовательнее. — Да, — шепчу я, и жар заливает мои щеки. — Да, папочка. Его удовлетворенное рычание заставляет меня сжиматься от желания. Но прежде чем он успевает продолжить, машина замедляется и останавливается. Я вижу знакомый фасад галереи сквозь тонированные окна, и реальность возвращается ко мне. — Сначала пора разобраться с этими идиотами. — Николай убирает руку, оставляя у меня ноющую боль. — Потом мы продолжим этот разговор. Несколько человек в тактическом снаряжении удерживают злоумышленников за стеклянными дверями галереи. Их точность и деловитость говорят о военной подготовке. — Может, нам позвонить в полицию? — спрашиваю я. Все головы поворачиваются ко мне с выражениями от удивления до недоверия. Жар поднимается по моей шее, когда я понимаю, насколько наивно это звучит. — Закон не будет разбираться с этой ситуацией, малышка. — В голосе Николая слышится угроза. —

Я сам разберусь. Холодная уверенность в его тоне поражает меня, как ледяная вода. Это не тот очаровательный собеседник за ужином, с которым я разговаривала ранее, — это опасный человек, слухи о котором я читала в своих исследованиях. Визг шин привлекает мое внимание. Три автомобиля подъезжают идеальным строем — элегантный Aston Martin, матово-черный Range Rover и нечто, похожее на сильно модифицированный Dodge Challenger. — Мои братья, — говорит Николай, как раз когда появляются трое мужчин. Первый двигается как генеральный директор, его костюм от Армани, вероятно, стоит больше, чем мой обычный ежемесячный доход. Его ледяные голубые глаза оценивают всё с расчётливой точностью. — Дмитрий, — представляется он с обворожительной улыбкой, которая не касается его холодных глаз. Второй брат практически выпрыгивает из Challenger, излучая неугомонную энергию и мальчишеские черты, которые едва скрывают что-то дикое под ними. — Алексей, — говорит он, доставая планшет. Последний движется как хищник, его военная подготовка очевидна в каждом шаге. Он ничего не говорит, просто кивает один раз. — Это Эрик, — объясняет Николай. — Он не любит говорить. Стоя вместе, четверо братьев излучают силу и опасность. Каждый из них индивидуален, но кажется одинаково смертоносным. Во что я ввязалась? — А теперь, — рука Николая опускается мне на поясницу, — давай обсудим, что делать с этими идиотами, которые посмели встать мне поперек дороги. Я вздрагиваю, когда рука Николая скользит к моей талии, притягивая меня к себе. Смысл ясен — я принадлежу ему. Взгляды его братьев скользят по мне с разной степенью интереса. Льдисто-голубые глаза Дмитрия изучают каждую деталь моей внешности, каталогизируя слабые и сильные стороны, как будто я приобретение для бизнеса. Его идеальная улыбка никогда не сходит с лица. — Добро пожаловать в нашу семью, мисс Хенли. Финансовые показатели вашей галереи завораживают. — Держись подальше от моих книг, — рявкаю я, прежде чем успеваю себя остановить. Он удивленно приподнимает бровь. — Дерзкая. Неудивительно, что Николай заинтересовался. Алексей едва поднимает взгляд от своего планшета. — Твоя система безопасности — мусор. Я уже модернизировал ее. Не за что. — Его пальцы порхают по экрану. — Кроме того, твой ассистент снимал деньги с мелких операций. Это тоже исправил. — Что? Сара не стала бы... — Триста долларов в прошлом месяце. — Он показывает мне экран, заполненный сложными данными. — Хочешь доказательства? Эрик молчит, становясь между нами и дверью. Его тактическая оценка пространства напоминает мне солдата, зачищающего комнату. Когда его темные глаза встречаются с моими, я вижу узнавание — он знает, что я тренировалась. — Мои братья позаботятся о том, чтобы подобное больше не повторилось, — грохочет голос Николая рядом со мной. — Галерея сейчас находится под охраной Ивановых. Тяжесть этих слов давит на меня. Все, что я построила, моя бережная независимость, уходит у меня из-под ног. Эти четверо опасных мужчин ворвались в мою жизнь, и я знаю, что ничто и никогда не будет прежним. — Мне не нужно... — Нужно. — Пальцы Николая впиваются в мое бедро. — Дважды за неделю, София. Или ты забыла первую попытку? Мои щеки горят при воспоминании о том, как я отбивалась от тех головорезов. — Может быть, они идут только из-за тебя. Ты об этом подумал? В его смехе нет ни капли юмора. — Без меня ты была бы на грани банкротства или чего похуже. — Он поворачивает меня лицом к себе, его серо-стальные глаза впиваются в мои. — Эти требования «защиты» обескровили бы тебя за несколько месяцев. Я видел, как они действуют — они нацелены на успешных женщин, выжимают из них все, пока ничего не останется. Правдивость его слов поражает — плата за защиту, которую они потребовали, съела бы мои резервные фонды за несколько недель. — Я бы справилась с этим, — шепчу я, но ложь горькая на вкус. — Правда? — Его большой палец проводит по линии моего подбородка. — Скажи мне, каков был твой план, когда они удвоили свои требования? Когда они решили начать угрожать твоим сотрудникам? Когда они начали «случайно» портить ценные предметы? Каждый сценарий — это удар ножом в грудь. Я была наивна, думая, что смогу справиться с этим в одиночку. Прикидывая в уме цифры, я знаю, что он прав — я бы потеряла все. — Прекрасно. — Я встречаюсь с ним взглядом. — Ты прав.

Но это не значит, что мне нравится то, что происходит.— Комфорт — это не то, к чему я стремлюсь, малышка. — Его пальцы дергают меня за волосы, заставляя задыхаться. — Безопасность — вот что важно. Остальное придет со временем. Я сосредотачиваюсь на разговоре братьев, но их слова сливаются воедино, когда реальность рушится. Дмитрий рассказывает что-то о финансовых проблемах, в то время как Алексей упоминает кибервойну. Даже Эрик вносит свой вклад, предлагая тактические решения в сжатых предложениях. Мой разум заиклен только на одном — как я оказалась в постели с русской мафией. Образно говоря. Хотя то, как рука Николая продолжает поглаживать мою поясницу, тоже может быть буквальным. Что подумали бы мои приемные родители? Они вырастили меня лучше этого. Построить что-то законное и красивое с галереей. Я стою здесь, пока четверо опасных мужчин замышляют месть обычным головорезам. Худшая часть? Меня это не волнует настолько, чтобы остановить. Одеколон Николая обволакивает меня, как наркотик, затуманивая разум. Его прикосновение прожигает мое платье, отмечая меня как свою собственность. Я должна бежать, звонить в полицию или делать что угодно, только не прижиматься к его теплу.— Это неправильно, — шепчу я, но моим словам не хватает убежденности. Я жажду его собственнических прикосновений, даже когда мой разум кричит об опасности. Сталь, скрывающаяся за его изысканной внешностью, должна пугать меня. Вместо этого у меня болит в тех местах, где не должно. Я наблюдаю за жестикуляцией его рук, когда он отдает приказы, представляя, как эти же пальцы позже исследуют мое тело. Даже наличие довольно хорошего представления о том, что сделали эти руки — на что они способны, — не уменьшает моего желания. Что это говорит обо мне? Возможно, я не так хороша, как притворяюсь. Возможно, во мне тоже есть тьма, которая тянется к Николаю. Эта мысль должна беспокоить меня больше, чем есть на самом деле. Его серые глаза ловят мой взгляд, и эта хищная улыбка говорит мне, что он точно знает, где блуждали мои мысли. Я охотно попадаю в его сети и не хочу останавливаться.

Глава 13

НИКОЛАЙ

Дверь со щелчком закрывается за моими братьями, оставляя нас с Софией наедине в ее галерее. Напряжение, которое нарастало весь вечер, потрескивает между нами. Ее дыхание учащается, когда я подкрадываюсь к ней, мой контроль, наконец, ослабевает. — Я ждал достаточно долго. — Мой голос звучит грубо, когда я прижимаю ее спиной к стене. — Разве я не был терпелив, малышка? Она облизывает губы. — Николай...Прежде чем она успевает закончить, мои губы опускаются на ее губы, заглушая ее вздох. На вкус она как вино, к которому мы едва притронулись, сладкое и опьяняющее. Мои руки скользят вниз по ее бокам, чтобы обхватить бедра, прижимая ее к себе. Она стонет в поцелуе, вцепившись в мою рубашку. Когда я отстраняюсь, ее глаза прикрыты тяжелыми веками, зрачки расширены от желания. — Скажи нет. — Я провожу губами по ее шее. — Скажи мне, что это не то, чего ты хочешь. Вместо ответа ее спина выгибается дугой, и она наклоняет голову, чтобы дать мне лучший доступ. — Я так и думал. — Я прикусываю чувствительное место, где ее шея соединяется с плечом, отмечая ее. — Такая хорошая девочка для папочки. Ее всхлип отдается прямо у меня в паху. Я запускаю руку в ее волосы, сжимая достаточно сильно, чтобы заставить ее ахнуть. — У меня были планы, — бормочу я в ее кожу. — Хотел все сделать правильно. Сначала пригласить тебя на ужин, поухаживать за тобой должным образом. — Другая моя рука скользит под ее юбку, нащупывая обнаженную кожу. — Но я устал ждать. — Пожалуйста, — выдыхает она, прижимаясь к моей руке. — Пожалуйста, что? — Я отстраняюсь достаточно, чтобы видеть ее лицо. — Используй свои слова, малышка. Скажи мне, что тебе нужно. Ее глаза встречаются с моими с той сталью, которую я люблю. — Ты. Ты нужен мне. Это все, что требуется, чтобы мой оставшийся контроль пошатнулся. Мои руки срывают с нее одежду с едва сдерживаемой яростью, мне нужно почувствовать прикосновение ее кожи к моей. Шелк ее платья разлетается с приятным треском. Ее вздох удивления превращается в стон, когда я провожу поцелуями по ее обнаженной груди. — Посмотри, какая ты отзывчивая. — Я обхватываю ее груди через нежное кружево лифчика. — Такая совершенная. Ее пальцы возятся с пуговицами моей рубашки. Я ловлю ее запястья одной рукой, прижимая их над ее головой. — Нет, малышка. Позволь мне сначала поклониться тебе. Я расстегиваю молнию на ее платье свободной рукой, позволяя ему упасть к ее ногам. От подходящего комплекта из черных кружев у меня текут слюнки. Она стоит передо мной в одном нижнем белье, ее кожа покраснелась и сияет в тусклом освещении галереи. — Красивая. — Я отпускаю ее руки, чтобы расстегнуть лифчик, обнажая идеальную грудь. — Я знал, что ты будешь изысканной. Ее голова откидывается к стене, когда я беру в рот один острый сосок. Мои зубы задевают чувствительный бутон, вырывая резкий крик из ее горла. Моя рука скользит вниз по ее животу, обхватывая ее через влажное кружево. — Уже такая влажная для меня. — Я зацепляю пальцами пояс ее трусиков. — Скажи мне, кому ты принадлежишь. — Тебе, — выдыхает она, когда я медленно опускаю кружево вниз по ее бедрам. — Только тебе, папочка. Я опускаюсь перед ней на колени, закидывая одну ногу себе на плечо. От запаха ее возбуждения у меня текут слюнки. Я оставляю поцелуй на внутренней стороне ее бедра, заставляя ее дрожать. — Совершенно верно, малышка. Моя. Мой язык находит ее центр, и она вскрикивает, пальцы запутываются в моих волосах. Ее вкус сводит меня с ума, он слаще, чем я себе представлял. Я поглощаю ее, как умирающий с голоду мужчина, упиваясь каждым стоном и всхлипыванием. Ее бедра начинают дрожать, когда я подтягиваю ее ближе к краю. Я просовываю два пальца в ее тугий жар, как следует вдавливая их, в то время как мой

язык кружит по ее клитору.— Кончи для меня, — рычу я. — Позволь мне попробовать тебя всю. Ее бедра крепко сжимаются вокруг моей головы, и ее крики наполняют галерею, когда она кончает. Сладкая пульсация ее оргазма под моим языком вызывает во мне первобытный трепет. Я медленно ласкаю ее, доя все до последней капли удовольствия из ее чувствительного тела. Удовлетворенный, я встаю и завладеваю ее ртом в очередном поцелуе. Она безвольно прижимается ко мне, ее дыхание прерывается. Мои руки скользят вниз по ее спине, чтобы обхватить ее задницу, приподнимая ее к моей напряженной эрекции.— Я хочу тебя, — шепчет она мне в губы.— Я знаю, малышка. — Необходимость заявить на нее права заставляет меня сдержанно дрожать. — Скоро. Я просовываю одну руку между нами, поглаживая себя, когда утыкаюсь носом в ее шею. — Но я еще не закончил пробовать тебя на вкус. Мои пальцы снова находят ее чувствительную сердцевину, с легкостью проскальзывая внутрь. Она такая влажная, такая готовая для меня. Ее глаза закрываются, когда я подталкиваю ее к следующему пику, ее тихие стоны удовольствия наполняют комнату. Но чего-то не хватает. Я хочу большего. Я хочу слышать, как она выкрикивает мое имя. Я хочу оставить свое клеймо на ее коже так глубоко, чтобы она никогда не смогла забыть меня. Мой большой палец находит ее вход, соединяясь с моими пальцами. Ее глаза распахиваются, зрачки расширяются от желания, когда я растягиваю ее, готовя к тому, что должно произойти.— Вот и все, детка. Возьми все. Она вцепляется в мои руки, тяжело дыша. — Еще, папочка. Пожалуйста. Мой большой палец касается того места внутри нее, которое заставляет ее кричать. — Это то, чего ты хочешь, малышка? Тебе нужно, чтобы папочка заботился о тебе?— Да! Я как следует сжимаю пальцы, и она разбивается вдребезги, выкрикивая мое имя. Этот звук проникает прямо в мой член, заставляя меня пульсировать от желания.— Вот и все, — рычу я, крепче прижимая ее к себе. — Кончай прямо на папочкину руку. Ее пронзительный вопль разрушает остатки моей сдержанности. С рычанием я разворачиваю ее, прижимая к стене. Я стаскиваю ее кружевные трусики с бедер, наклоняя ее вперед. Ее дыхание становится прерывистым, когда я располагаюсь у ее входа. Одним плавным толчком я оказываюсь глубоко внутри нее. Она такая тугая, горячее, чем я себе представлял.— Николай! — Она прислоняется к стене, запрокинув голову. — О Боже, это было так давно. Я хватаю ее за волосы, запрокидывая голову назад.— Никто не прикасается к тому, что принадлежит мне. — Я медленно выхожу, затем толкаюсь сильно, заявляя на нее свои права полностью. — Только я, малышка. Только папочка.— Да, папочка! — Она прижимается ко мне, самозабвенно встречая мои толчки. — Сильнее. Возьми меня сильнее. Ее слова подстегивают меня, первобытная потребность заявить права на свою женщину берет верх. Я хватаю ее за бедра, врезаюсь в нее со всей силой своего желания. Соприкосновение наших тел разносится по галерее, смешиваясь с ее криками удовольствия. Мой контроль пропал, я уступил потребности пометить ее как свою.— Вот и все, детка, возьми это. — Я выхожу почти до конца, затем вонзаюсь глубоко, попадая в то место, из-за которого она выкрикивает мое имя. — Это то, что тебе было нужно, малышка? Хотела, чтобы мой член был глубоко внутри тебя?— Да, папочка, пожалуйста! — Она отстраняется, подчиняясь моему дикому ритму. — Сильнее. Я выдержу. Она хочет поиграть с огнем, и я рад услужить. Я склоняюсь над ней, одной рукой опираясь на стену рядом с ее головой, другой обхватывая ее бедро. Мое дыхание овеивает ее шею, мои губы касаются ее уха.— Такая хорошая девочка. — Я кусаю ее за мочку уха, затем шепчу: — Возьми папочкин член, как сладкая шлюха, какой ты и являешься. Она хнычет, стенки ее влагища сжимаются вокруг меня. — Я твоя шлюха, папочка. Только твоя. Мое тело реагирует мгновенно, мой член набухает внутри нее. Я толкаюсь сильнее, мое собственное освобождение нарастает. Ее тело создано для меня, ее жар притягивает меня, как песня сирены. Я мог бы вечно поклоняться у этого алтаря, утопая в ней. Но не сейчас. Я хочу, чтобы она развалилась на части, бескостная и дрожащая, прежде чем я позволю себе обрести освобождение.— Тебе нравится грубость, не так ли, малышка? — Я тяну ее за волосы, заставляя запрокинуть голову, чтобы обнажить нежную линию шеи. — Хочешь, чтобы папочка пометил тебя?— Пожалуйста.

— Она выгибает спину, подставляя шею. — Пометь меня, папочка. Заяви на меня права. Сжимая ее бедро достаточно сильно, чтобы оставить синяки, я врезаюсь в нее, находя это место снова и снова. Она такая тугая, что доит мой член, и я знаю, что долго не протяну. Осознание того, что она воздействует на меня таким образом, что я теряю контроль, только разжигает мое желание. — Моя, — рычу я, покусывая ее горло. — Вся моя, детка. Ее пальцы впииваются в ладони, спина выгибается, когда она выдыхает мое имя. Ее стенки трепещут вокруг меня, ее оргазм вырывает первобытный стон из моего горла. Я погружаюсь в нее, отмечая ее так, как могу только я. — Вот и все, малышка. Кончи прямо на папочкин член. Ее крики эхом отражаются от стен. Я чувствую, как ее скользкий жар пульсирует вокруг меня, доя мое освобождение. С низким рычанием я отдаюсь наслаждению, изливаясь в нее. Удовлетворенный, я прислоняюсь к ней, утыкаясь носом в ее шею. Она поворачивает голову, захватывая мой рот мягким, томным поцелуем. Ее вкус все еще на моих губах, сладкий привкус ее желания. — Я могла бы привыкнуть к этому, — шепчет она мне в губы, улыбаясь. Я хихикаю. — Привыкай к этому, малышка. Теперь ты моя. Я отстраняюсь и поворачиваю ее лицом к себе, мои руки обхватывают ее лицо. Ее щеки покраснелись, глаза сияют от затяжного удовольствия. Вид ее растрепанной, отмеченной моими руками, с припухшими от наших поцелуев губами будоражит что-то глубоко в моей груди. Я касаюсь ее нижней губы, прежде чем мой рот опускается на нее, забирая то, что принадлежит мне. Этот поцелуй отличается от других — более медленный, глубокий и наполненный обещаниями большего. Ощущение ее рук, поднимающихся по моей груди и, наконец, зарывшихся в мои волосы, вызывает у меня рычание. Я вкладываю в поцелуй все, что не могу сказать, но ее тихий вздох говорит мне, что она понимает. Когда она прерывает контакт, ее губы изгибаются в довольной улыбке. Я прижимаюсь лбом к ее лбу, вдыхая ее запах. — Открой глаза, малышка, — шепчу я. — Посмотри на меня. Эти золотисто-зеленые глаза распахиваются, встречаясь с моими. Доверие, которое я вижу в них, почти ставит меня на колени. Особенно учитывая, что я последний мужчина, которому она должна доверять. Я проник в ее жизнь и частную жизнь без ее ведома, потому что она так глубоко засела у меня под кожей, что я не могу ее оттуда вытащить.

Глава 14

СОФИЯ

Я ерзаю на плюшевом кожаном сиденье, чувствуя твердую хватку Николая на моем бедре. От его прикосновения по моему телу пробегают искры, напоминая о нашей страстной встрече в галерее. Мою кожу все еще покалывает в том месте, где он пометил меня.— Ты что-то притихла, малышка. — Его низкий голос прорывается сквозь мои мысли. Я смотрю на его профиль, восхищаясь тем, как проходящие уличные фонари отбрасывают тени на его резкие черты. — Просто перевариваю информацию. Его пальцы собственнически сжимаются. — Передумала?— Нет, — отвечаю я. — Просто это на меня не похоже.— Разве нет? — Его глаза ищут мои в тусклом свете. — Я думаю, что это именно то, кто ты есть. Ты просто пряталась. Мое сердце бешено колотится от его слов. Он видит сквозь мой тщательно выстроенный фасад с пугающей точностью. Встреча в галерее прокручивается в моей голове — как быстро мой контроль разрушился под его прикосновением, как отчаянно я нуждалась в нем. Машина скользит по улицам Бостона, с каждой милей приближая нас к его пентхаусу. Я изучаю наше отражение в тонированном окне — его властное присутствие рядом с моим маленьким телом, его рука, заявляющая права на меня. Контраст не должен так сильно волновать меня.— Твой пульс учащается. — Его большой палец поглаживает внутреннюю сторону моего бедра. — Ты нервничаешь?— Да, — признаю я, не видя смысла лгать. — Но не боюсь. Появляется едва заметный изгиб его губ. — Хорошая девочка. От этих двух слов по мне пробегает еще одна дрожь. Я прижимаюсь к его крепкому телу, вдыхая запах его дорогого одеколona, смешанный с чем-то чисто мужским. Его рука скользит по моим плечам, притягивая меня ближе. Городские огни размываются по мере того, как мы въезжаем все глубже в сердце Бостона. Каждая секунда затягивает меня все дальше в мир Николая — опасный, захватывающий, и почему-то именно туда, где мое место. Машина останавливается перед изящным высотным зданием, уходящим в ночное небо. Прежде чем я успеваю взяться за ручку, Николай открывает мою дверцу и протягивает руку. Несмотря на то, как грубо он прижал меня к стене галереи менее часа назад, он ведет себя как джентльмен. Воспоминание заставляет меня сжимать бедра вместе. Частный лифт возносит нас на верхний этаж, рука Николая властно лежит на моей пояснице. Когда двери открываются, у меня перехватывает дыхание. Из окон от пола до потолка открывается вид на сверкающий горизонт Бостона, город раскинулся под нами, как россыпь бриллиантов на черном бархате.— Красиво, не правда ли? Голос Николая грохочет у самого моего уха. Я киваю, в оцепенении направляясь к окнам. Река Чарльз змеится по городу, лунный свет танцует на ее поверхности.— Выпьешь? — Он уже у хрустального графина, в янтарной жидкости отражаются городские огни.— Пожалуйста. — Мой голос звучит хрипло. Мне нужно что-нибудь, чтобы успокоить нервы. Он протягивает мне бокал, его пальцы касаются моих. Даже от этого небольшого прикосновения по моей руке пробегают электричество. Я делаю глоток, позволяя мягкому виски согреть мое горло. Николай наблюдает за мной поверх края своего бокала, его манящие серые глаза многообещающе темнеют. Воздух становится густым и заряженным ожиданием. Я переминаюсь с ноги на ногу, остро ощущая его присутствие, чувствуя, как натягивается пиджак на его широких плечах.— Пойдем. — Он указывает на кожаный диван. — Сядь со мной. Я сажусь на край, мою кожу покалывает, когда он устраивается рядом со мной. Пространство между нами потрескивает от напряжения. Я делаю еще глоток виски, но ничто не может притупить ощущения его тела рядом с моим, воспоминания о его руках на моей коже, о том, как он заставил меня выкрикивать его имя. Я таю от прикосновений Николая, когда

его сильные руки снимают напряжение с моих плеч. Его пальцы находят каждый узел, каждую напряженную точку, разрушая их с отработанной точностью.— Ты переносишь слишком много напряжения, малышка. — Его большие пальцы нажимают на особенно тугое местечко, срывая стон с моих губ. — Позволь мне позаботиться обо всем.— Люди, которые...— Мы с братьями разберемся с ублюдками, создающими проблемы. — Его голос становится жестче. — Тебе больше не нужно о них беспокоиться. Я прикусываю нижнюю губу, переваривая его слова. Мое исследование Николая Иванова выявило достаточно — распространяемые шепотом слухи, таинственные исчезновения его врагов и железную хватку, которой его семья управляет преступным миром Бостона. Я точно знаю, что означает разобраться.— Что с ними будет? — Спрашиваю я. Его руки останавливаются на моих плечах. — Ты действительно хочешь знать? Я поворачиваюсь к нему лицом, встречаясь с этими серо-стальными глазами. — Да.— Они угрожали тому, что принадлежит мне. — Его хватка собственнически усиливается. — У таких действий есть последствия. Дрожь пробегает по мне — не от страха, а от мрачного трепета его слов. Я должна быть в ужасе. Я должна бежать. Вместо этого я прислоняюсь к его груди, позволяя его рукам обвиться вокруг меня.— Ты... — я с трудом сглатываю. — Ты убьешь их? Его грудь сотрясается от мрачного смеха. — Такие прямые вопросы, малышка. — Его губы касаются моего уха. — Тебя это беспокоит? Честный ответ удивляет даже меня. «Нет». Они лишили бы меня моего бизнеса — галереи, над открытием и продолжением которой я усердно работала. Его руки скользят по моим рукам, оставляя после себя мурашки. — Тогда да. Они будут примером для всех, кто подумает прикоснуться к тому, что принадлежит мне. Мое сердце переполняется эмоциями — благодарностью, желанием и чем-то более глубоким, чему я не готова дать название. Прежде чем я успеваю обдумать это, я поворачиваюсь в объятиях Николая и прижимаюсь своими губами к его губам. Это первый раз, когда я иницирую поцелуй между нами, и значение этого не ускользнуло от меня. Николай на долю секунды замирает, явно удивленный моим смелым поступком. Затем его руки запутываются в моих волосах, и он берет поцелуй под свой контроль, углубляя его, пока я не начинаю задыхаться у его рта.— Такой огонь, — шепчет он мне в губы. Его руки скользят вниз, к моим бедрам. — Иди сюда, малышка. Он сажает меня к себе на колени, и я сажусь на него верхом, мое платье задирается вверх по бедрам. В этой позе наши тела соприкасаются, и я чувствую, какой он твердый под сшитыми на заказ брюками. Я двигаю бедрами, заставляя его резко вдохнуть. Его пальцы впиваются в мою талию, поощряя движение. От трения по мне пробегают искры удовольствия, и я делаю это снова, на этот раз жестче.— Вот и все, — рычит он, направляя мой ритм руками. — Покажи мне, как сильно ты этого хочешь. Я прижимаюсь к нему более настойчиво, мое дыхание прерывается. Шелк моего нижнего белья промокший насквозь, восхитительно скользит по моей чувствительной плоти при каждом движении. Серо-стальные глаза Николая темнеют от желания, когда он наблюдает, как я гоняюсь за своим удовольствием у него на коленях. Его руки скользят вверх по моим бокам, большие пальцы касаются нижней части моих грудей через платье. Это прикосновение заставляет меня выгнуться навстречу ему, сильнее прижимаясь к его эрекции. Грубая ткань его штанов создает идеальное трение, и я всхлипываю, утыкаясь лицом в его шею.— Посмотри на меня, — приказывает он, и я выпрямляюсь, встречая его пристальный взгляд, продолжая двигаться против него.— Ты была хорошей девочкой для меня, малышка? — спрашивает он, понижая голос на октаву. У меня перехватывает дыхание от подтекста. Я никогда не делала этого раньше, даже не задумывалась об этом. Тем не менее, с Николаем я ловлю себя на желании исследовать эти темные фантазии. Я хочу быть хорошей для него. Я хочу доставить ему удовольствие.— Да, — отвечаю я хриплым от желания голосом.— А ты знаешь, что достается хорошей девочке? — Его большие пальцы поглаживают чувствительную кожу на стыке моих бедер, заставляя меня извиваться.— Скажи мне, — шепчу я, не сводя с него глаз.— Она будет вознаграждена. — Одна рука поднимается, чтобы сжать мои волосы в кулак, и он откидывает мою голову назад, обнажая мое горло. — Но сначала...Его губы захватывают мои в глубоком

поцелуе, от которого у меня перехватывает дыхание. Другой рукой он проводит выше, пока не начинает дразнить влажную ткань моих трусиков. Мое тело откликается на его прикосновения, когда он поглаживает меня с нарочитой медлительностью. — Во-первых, она вежливо просит меня, — бормочет он между поцелуями. — Она говорит папочке именно то, чего хочет. Мое сердце сжимается при слове «Папочка», запретный трепет проносится сквозь меня. Я никогда так не осознавала нашу разницу в возрасте, его статус могущественного человека и мою покорность. — Пожалуйста, — шепчу я ему в губы. — Я хочу тебя, Николай. — Недостаточно. — Он покусывает мое ухо, его дыхание обжигает мою кожу. — Будь конкретна, малышка. Проси о том, чего желаешь. Жар заливает мои щеки, но я заставляю себя произнести слова. — Я хочу твой член, папочка. Пожалуйста. Его рука все еще лежит на моем бедре, и он отстраняется, чтобы посмотреть на меня. В тусклом свете его глаза светятся удовлетворением. — Вот и моя хорошая девочка. Мое тело гудит от возбуждения и легкой нервозности. Я никогда не была настолько сексуально уверенной и никогда открыто не заявляла о своих желаниях. Но с Николаем я нарушаю все свои правила, теряя тщательно выработанное самообладание. Он тянется к пуговицам рубашки, медленно обнажая крепкую грудь, и у меня перехватывает дыхание от этого зрелища. Николай делает паузу, уголок его рта приподнимается. — Встань передо мной на колени, малышка. — Эта команда вызывает во мне трепет, и я без колебаний делаю, как он говорит. — А теперь будь хорошей девочкой и освободи папочкин член. Я тяжело сглатываю, мой пристальный взгляд поднимается, чтобы встретиться с его. В его глазах я вижу тот же сильный голод, что и в моих собственных. С нарочитой медлительностью моя рука тянется к пряжке его ремня. Кожа соскальзывает, и я расстегиваю пуговицу и молнию на его брюках, спуская ткань с его бедер, чтобы освободить его напряженную эрекцию. Его вид разжигает глубокую боль. Его член подергивается, когда я беру его в руку, нежно поглаживая. Он толстый и увесистый, кончик уже блестит. — Правильно, малышка, — подбадривает он грубым голосом. — Вот так. Я наклоняюсь вперед, мой язык высовывается, чтобы попробовать капельку предварительной спермы на кончике. Бедра Николая приподнимаются, и он резко выдыхает, его пальцы сильнее запутались в моих волосах. — Соси, — требует он напряженным голосом. — Возьми меня поглубже, малышка. Я беру его в рот, наслаждаясь его вкусом. Мой язык кружит вокруг гладкой головки, и я тихо постанываю от вибраций, которые он посылает через него. Его пальцы сжимаются в моих волосах, направляя меня, пока я задаю устойчивый ритм, принимая его глубже с каждым ударом. Чем глубже я беру, тем больше хочу. Я расслабляю горло, позволяя ему скользить дальше, пока мой нос не утыкается в его лобковую кость. Его бедра мягко толкаются, отвечая моим движениям, а пальцы ласкают кожу головы, восхваляя прикосновением. — Черт возьми, малышка. — Его голос грубый, напряженный. — Твое горло, как чертов грех. Я напеваю рядом с ним в знак согласия, мои руки опираются на его бедра для равновесия, когда я качаю головой. Мои губы скользят по всей его длине, целуя и посасывая, пробуя на вкус каждый дюйм его тела. Николай рычит и дергает меня назад, заставляя хныкать от внезапной потери. Но затем он смотрит мне в глаза, и неприкрытое желание на его лице вызывает у меня дрожь. — Ты заставишь папочку кончить слишком быстро, используя свое непослушное маленькое горлышко вот так. — Его голос звучит повелительно, но легкая дрожь выдает его. У этого человека больше контроля, чем у кого-либо из тех, кого я когда-либо встречала, и я просто отбросила этот контроль, хотя бы на мгновение. Осознание этого посылает через меня волну силы. Мой взгляд опускается на его член, все еще твердый и пульсирующий в моей руке. Я медленно, неторопливо глажу его, наблюдая за выражением его лица. — Я хочу попробовать тебя на вкус, — шепчу я, удивляясь своей уверенности. — Позволь мне позаботиться о тебе, папочка. У него перехватывает дыхание, и на этот единственный удар сердца я чувствую, что он отвергнет нас. Затем он закрывает глаза, стискивая челюсти. — Из-за тебя я умру, малышка. Эти слова — единственное разрешение, которое мне нужно. Я наклоняюсь вперед, снова глубоко вбирая его в свой рот. Посасывая и вращая языком, я нахожу ритм, который застав-

ляет его выругаться себе под нос. Его пальцы крепче запутались в моих волосах, направляя мои движения, подстегивая меня. Его бедра начинают двигаться, входя в мой рот и выходя из него в постоянном ритме. Я сосу и лижу, мое собственное желание нарастает, когда я полностью сосредотачиваюсь на его удовольствии. Знакомое напряжение пронзает меня изнутри, но я игнорирую его, преданная своей задаче. Дыхание Николая учащается, пальцы сжимаются почти до боли. — Посмотри на меня. Я поднимаю на него глаза, все еще посасывая его, вбирая глубоко. Его лицо отражает настоящий экстаз — веки прикрыты, губы приоткрыты, щеки пылают. Я втягиваю щеки, посасывая сильнее, и он дергает бедрами, продвигаясь все дальше в мое горло. С хриплым криком он изливается мне в рот. Я сглатываю, наслаждаясь его вкусом, ощущением удовольствия, разливающегося по его телу. Он вздрагивает, его хватка ослабевает, и я наслаждаюсь моментом, зная, что отправила его туда, где больше никто не бывал. Отстраняясь, я одариваю его порочной улыбкой, мои губы блестят и припухли от наших занятий. Николай стонет, притягивая меня в свои объятия. — Боже, малышка. Я этого не ожидал. — Он целует мои волосы, его дыхание все еще прерывистое. — Ты не перестаешь меня удивлять. Николай целует меня, его язык переплетается с моим. Поцелуй дикий и неукротимый, посылающий искру сквозь мое нутро. Я придвигаюсь ближе, мои руки скользят под его пиджак, чтобы исследовать твердые линии его груди. Знакомое возбуждение вспыхивает у меня между ног, и я опускаю взгляд, мои глаза расширяются при виде его эрекции, все еще впечатляюще твердой. Николай смеется над выражением моего лица, этим хищным блеском в его глазах. — Ты лишь наскребла поверхность того, что я могу предложить, малышка. Мое дыхание учащается от обещания в его словах. Я уже испытала такое сильное удовольствие, о существовании которого и не подозревала, и мое тело жаждет большего. — Что? — шепчет он мне на ухо, посылая дрожь по моей спине. — Я хочу связать тебя, распластать и исследовать каждый дюйм этого великолепного тела. — Его рука скользит по моей спине, собственнически обхватывая ягодицы. — Заставлю тебя кончать для меня, снова и снова, пока ты не начнешь умолять. Образ, который он рисует, заставляет мой пульс учащенно биться. Хотя я никогда не исследовала бондаж, идея полностью отдаться ему волнует. Я откидываю голову назад, обнажая длинную линию шеи, как открытое приглашение. — Да. — Но только когда ты будешь отчаянно нуждаться в этом, — продолжает он, его горячее дыхание на моей коже заставляет меня дрожать, — я наполню тебя своим членом. Его слова подобны громоотводу прямо в мое сердце, и мне до боли хочется снова почувствовать его внутри себя. — Пожалуйста. — В этом одном слове заключено все мое отчаяние, которое невозможно скрыть. Николай со стоном поднимает меня на руки и несет в соседнюю спальню. Мой взгляд сразу же приковывает массивная кровать. Это сцена для нашей эротической пьесы, чистый холст для страсти, которую мы создадим. Николай ставит меня на ноги, но прежде чем он успевает отойти, я прижимаюсь к его груди и твердой стене его тела. Я обнимаю его, прижимаюсь щекой к его плечу и вдыхаю его запах — смесь дорогого одеколona и грубого мужского начала. Руки Николая поднимаются и запутываются в моих волосах, нежно удерживая меня. — Моя малышка, ты сводишь меня с ума. — Его дыхание шевелит волосы у меня на лбу. Уткнувшись носом в его грудь, я удовлетворенно вздохнула. В этот момент, когда его руки обнимают меня, я чувствую себя в безопасности и защищенной от опасностей внешнего мира. Я поднимаю голову, ища его губы для нежного поцелуя. — Все, что мы делали... это было так интенсивно. — Я колеблюсь. — Ты заставляешь меня забыть обо всем. Он улыбается редкой, искренней улыбкой, которая преображает все его лицо. — Позволь мне увести тебя, хотя бы ненадолго. — Его большой палец касается моей нижней губы. — Но сначала нам нужно придумать стоп-слово. Если ситуация станет слишком напряженной, просто скажи «солнышко», и я немедленно остановлюсь. Серьезность в его глазах успокаивает меня. Несмотря на его властный характер, он остается внимательным к моим потребностям и границам. — Солнышко, — я повторяю это слово, зная, что маловероятно, что я использую. — Поняла. Его руки перемещаются к пуговицам моего платья, медленно обнажая мою

кожу под его голодным взглядом. — Я хочу отметить каждый дюйм этого безупречного тела. Сделаю тебя моей во всех отношениях. Воздух дрожит от предвкушения, когда он обнажает мои груди, обхватывая их своими большими руками. У меня перехватывает дыхание от этого ощущения, и мое тело наклоняется навстречу его прикосновениям. Николай хихикает, звук теплый и интимный. — Нетерпеливая, не правда, малышка? Он наклоняет голову, его язык кружит вокруг соска, посылая по мне искры удовольствия. — Давай посмотрим, сколько раз я смогу заставить тебя кончить, прежде чем ты начнешь умолять о моем члене. Его слова посылают вспышку желания прямо между моих ног, и я задыхаюсь, когда он продолжает свою чувственную пытку, его руки и рот доводят меня до грани безумия.

Глава 15

НИКОЛАЙ

София стоит передо мной обнаженная, ее тело — холст, на котором я только начал рисовать. — Повернись, — я позволяю своим словам ласкать ее ухо, нежным, но не терпящим возражений голосом. Она повинуется, ее роскошное тело поворачивается лицом к стене, давая мне возможность увидеть ее стройную фигуру и линии спины. Я придвигаюсь ближе, мое дыхание шевелит ее волосы, когда я связываю ее запястья вместе, шелковая веревка резко контрастирует с ее кремовой кожей. Это восхитительное зрелище — моя малышка сдержанная, ранимая, моя. Я хочу заклеить ее, и я сделаю это, но в мои планы на сегодняшний вечер входит другое нанесение метки. Встав у нее за спиной, я вставляю распорную планку между ее лодыжек, регулируя манжеты на каждом конце, чтобы ее ноги оставались широко расставленными. Теперь она полностью беззащитна, полностью в моей власти. — Не двигайся, — шепчу я, касаясь губами изгиба ее уха. — Я хочу посмотреть на тебя вот так на мгновение. У нее перехватывает дыхание, когда я смотрю на нее, связанную и уязвимую. Я провожу руками по ее бедрам и наклоняюсь, мой рот нависает над ее плечом. — Ты такая красивая в таком виде. Такая совершенная. Ее голова опускается мне на плечо, обнажая длинную, изящную шею. Я оставляю там нежный поцелуй, обещающий нечто большее. Медленно я начинаю исследовать ее тело руками, рисуя карту каждого изгиба в своем сознании, запоминая каждый дюйм ее тела. — Николай, — выдыхает она, в ее голосе смешаны удовольствие и потребность. Я улыбаюсь, прижимаясь губами к ее коже, мои руки продолжают свое медленное путешествие. — Тебе нравится быть связанной для меня? Быть в моей власти? — Да, — шепчет она, слегка выгибаясь, ища большего контакта. — Хорошо, — бормочу я, мои губы опускаются ниже, чтобы пососать пульсирующую точку на ее шее. — Потому что это только начало. Я делаю паузу, позволяя моим словам осесть, позволяя ее предвкушению нарастать. Затем, медленным, обдуманном движением, я просовываю одну руку ей между ног, мои пальцы ищут ее клитор. — О... — Она ахает, когда мои пальцы находят свою цель, кружат, дразнят. — Тебе не нужно сдерживаться. Дай мне услышать, насколько тебе это нравится. Я позволяю ей повернуться ко мне лицом, ее пальцы обводят рисунки, украшающие мое тело, темный пейзаж с замысловатыми узорами и скрытыми смыслами. Я подхожу ближе, давая ей еще лучший обзор, и слегка напрягаю мышцы, наслаждаясь тем, как она пожирает меня взглядом. — Тебе нравится то, что ты видишь? — Я поддразниваю, в моем тоне слышится удовлетворение. — Да, — выдыхает она, ее глаза свободно блуждают, оценивая очертания моего пресса, мускулистые линии груди и бегущие по ним чернила. Медленным, обдуманном движением я наблюдаю, как ее пальцы находят остатки моих чернил, темные узоры, которые извиваются на моих бедрах. Мой член стоит крепко и свободно, толстый и готовый. Глаза Софии поднимаются, чтобы встретиться с моими, в их зелено-золотых глубинах читается смесь потребности и удовольствия. Я придвигаюсь ближе, моя твердая длина прижимается к ее связанному телу. — Ну, малышка, — рычу я. — Папочке пора поиграть. Я смотрю в ее глаза, ловя проблеск страха и жар желания. Она обнажена передо мной, уязвима так, что обычно срабатывает ее защита — и все же я вижу желание, горящее в ее глазах, чувствую это в каждом дрожащем вздохе. Осторожно я укладываю ее на спину, ее ноги подняты и раздвинуты, ее блестящая пизда выставлена напоказ. Теперь она открыта для меня, и я должен заявить о своих правах. Я беру с прикроватной тумбочки стек — игрушку, которую я изготовил специально для этого момента. Он сделан из гладкой, эластичной кожи, с тиснением Папочка на одной стороне. — Тебе нравится это? — Спрашиваю я, проводя пальцами по

мягкой коже. — Ты хочешь, чтобы папочка использовал это на тебе? Она сглатывает, не сводя глаз с стека. — Да, — шепчет она. Я встаю перед ней с стеком в руке. Уверенными движениями я опускаю его на заднюю поверхность ее бедер, кожа ласкает ее кожу при соприкосновении. Всхлип срывается с прелестных губ Софии. Я повторяю движение, в нежном ритме, стек оставляет красный отпечаток на ее плоти. — У тебя все так хорошо получается, — бормочу я, мое дыхание обжигает ее ухо. — Папочка здесь, чтобы удовлетворить твои потребности. Я слегка меняю прицел, целясь в чувствительную кожу внутренней поверхности ее бедер. — О Боже, — хнычет она. Я приостанавливаю свои действия, позволяя стеку прижаться к ее разгоряченной плоти. — Бог не может помочь тебе, малышка. — Мой голос становится ниже, мрачнее. — Только папочка может удовлетворить тебя. Я провожу стеком по внутренней стороне ее бедра, наблюдая, как она извивается. — Скажи это. Кто единственный, кто может тебе помочь? У нее перехватывает дыхание. — Ты... только ты, папочка. — И не забывай об этом. Любая крупица удовольствия, которую ты испытываешь с этого момента, исходит исключительно от меня, ты понимаешь? Мои пальцы скользят вверх по ее бедру, дразня. — А теперь я хочу, чтобы на этой красивой попке было нанесено мое клеймо. Ее дыхание учащается, когда я поднимаю ее лодыжки выше, чтобы ее задница была более доступной. Я вижу, как в ней нарастает удовольствие, страх тает, оставляя только грубую, первобытную потребность. Я сосредотачиваюсь на внешнем изгибе ее задницы, буквы вдавливаются в ее плоть с каждым ударом стека. Медленно, намеренно, я произношу это слово по буквам, кожа соприкасается с ее кожей в ритмичном танце. — П А П О Ч К А, — бормочу я, подчеркивая каждую букву взмахом стека. Ее тело содрогается от удара, кожа впивается в кожу. Теперь ее плоть отмечена моим титулом, собственностью за пределами физического. Я позволяю стеку упасть в сторону, мои руки двигаются, чтобы погладить следы, которые я оставил. — Идеально, — выдыхаю я, мой голос хриплый от желания. — Ты так подходишь папочке. Ее кожа покраснелась, на ней виден отпечаток стека, мое владение открыто для всех. Но я жадный; я хочу большего. Я хочу, чтобы мой след на ней стал глубже, отпечатавшись не только на ее коже, но и в ее душе. Я хочу, чтобы она из кожи вон лезла от желания, точно так же, как она довела меня до грани безумия своим существованием. Вибратор, который я беру с прикроватной тумбочки, будет моим инструментом, чтобы подтолкнуть ее к краю. Я включаю его, мягкое жужжание наполняет комнату, и наблюдаю, как ее глаза расширяются, когда первая вибрация достигает ее клитора. — О! — выдыхает она, ее грудь тяжело вздымается. — Николай... Я не отвечаю. Просто сильнее прижимаю вибратор к ее киске, наблюдая за ее лицом, когда ею овладевает удовольствие. Ее рот приоткрывается в беззвучном крике, глаза закрываются. Я позволяю ему нарастать, оценивая расстояние до края, затем, когда она вот-вот перевалится через край, я отступаю, уменьшая давление. Она всхлипывает, ее бедра дергаются в поисках дополнительной стимуляции. — Пожалуйста, Николай. Мне нужно... — Пока нет, — бормочу я низким мурлыкающим голосом. — Папочка еще не закончил играть. Медленными, обдуманно движениями я провожу вибратором по покрасневшей коже ее внутренней поверхности бедра, дразня ее и заставляя ждать. Я внимательно наблюдаю за ее реакцией, оцениваю ее реакции, зная, когда нужно надавить, а когда отступить. Это нежный танец, который подводит ее прямо к краю, а затем устраняет, удерживая ее на грани наслаждения. Я наклоняюсь вниз, мои пальцы обводят скользкие складки ее лона. — Ты такая чертовски мокрая, малышка. Так готова для меня. — Пожалуйста, — умоляет она хриплым голосом. — Мне нужно кончить. Я ухмыляюсь, мой член пульсирует от потребности заявить на нее права. Но не сейчас. Мне нужно сыграть еще в одну игру. Я тянусь к веревке, стягивающей ее запястья, и ослабляю ее, чтобы она могла высвободить руки. — Возьми это, — приказываю я, вкладывая вибратор ей в руку. — Делай в точности, как я говорю. Она нетерпеливо кивает, ее грудь вздымается от предвкушения. — Сейчас, — жестко приказываю я своему голосу. — Используй его, чтобы заставить себя кончить. Ритм ее дыхания сбивается, и она просто смотрит на меня какое-то мгновение. — Ты слышала меня, малышка. Я

хочу посмотреть, как ты доставляешь себе удовольствие. Но помни, ты все еще под моим контролем. Она снова кивает, ее пальцы сжимаются вокруг вибратора. Я замороженно наблюдаю, как она исполняет мой приказ, ее глаза закрываются, пока она ищет идеальное место. — Открой глаза, — приказываю я стальным голосом. — Смотри на меня, пока делаешь это. Она повиновется, ее пристальный взгляд встречается с моим, когда она медленно засовывает игрушку между своих складок, ее дыхание учащается, когда она находит свой ритм. Вид ее со связанными бедрами, доставляющей себе удовольствие для меня, питает самые темные стороны моей природы. Я тверд, как скала, пульсирую, но все же заставляю себя ждать, желая растянуть это, навсегда запечатлеть этот момент в своей памяти. Теперь она закусывает губу, ее глаза трепещут, когда она балансирует на краю. — Не кончай, — предупреждаю я резким голосом. — Пока нет. Я не давал тебе разрешения. Она всхлипывает, ее пальцы дрожат, но она подчиняется, борясь с волной удовольствия, которая угрожает захлестнуть ее. — Вот и все, — хвалю я, мой голос смягчается. — Держись. Хорошая девочка. Похоть расширяет ее зрачки, пока она, дрожа, ждет моей команды. Я выдерживаю ее взгляд. — А теперь Кончи для папочки. Когда ее глаза встречаются с моими, это происходит — вспышка в ее глазах, когда кольцо наслаждения, наконец, распадается, все ее тело выгибается дугой на кровати, крик вырывается из ее горла. Я замираю, когда она кончает для меня, и это самое потрясающее зрелище, которое я когда-либо видел. Моя малышка, доставляющая себе удовольствие для меня, ее тело принесено в жертву потребности, которую я разжег в ней. Я не даю ей шанса прийти в себя, отдышаться. В тот момент, когда я вижу, как ее глаза стекленеют от удовольствия, я врываюсь в нее, мой толстый член глубоко погружается в ее влажный жар. — О, черт... — Она прерывается с криком, ее ногти впиваются в мои руки, когда ее тело сжимается вокруг меня. Ощущать ее, тесную и горячую вокруг себя, почти невыносимо. Я выхожу почти полностью, затем вонзаюсь еще раз глубоко, погружаясь по самую рукоять. — Николай... — Мое имя слетает с ее губ, как молитва, ее бедра выгибаются мне навстречу. Я делаю это снова, задавая неумолимый темп, желая заклеить ее своей собственностью. Мои бедра рвутся вперед, входя в нее снова и снова, каждый толчок сильный и глубокий. — Папочка... — Она называет меня так безраздумно, без колебаний, и это посылает вспышку желания прямо по моим яйцам. Звук соприкосновения наших тел наполняет комнату, прерываемый ее криками и моим хриплым дыханием. Я одержимый мужчина, движимый первобытной потребностью заявить о своих правах, заклеить ее как свою. — Вот и все, малышка, — рычу я, хватаясь руками за ее связанные бедра для опоры. — Возьми это. Все. Ее ответ — бессловесный крик, ее тело изгибается навстречу каждому толчку. Ее внутренние стенки сжимаются вокруг меня, доя мой член, и это все, что я могу выдержать, чтобы сдержать собственное освобождение. — Кончи для меня, — требую я, стиснув зубы, борясь за контроль. — Кончай на мой член. Она такая тугая, такая влажная, и ее киска спазмирует вокруг меня, ее оргазм накатывает на нее волнами. Она дрожит, вскрикивает, ее лицо искажено от силы испытываемого удовольствия. — Вот и все, — подбадриваю я грубым голосом. — Отпусти. Кончай прямо на папочкин член. И она это делает, ее внутренние мышцы сжимаются и разжимаются, пульсируя вокруг меня, доя мой член, пока она разгоняет волны своего оргазма. Я чувствую, как сжимается у меня в паху, как натянутая пружина моего самоконтроля вот-вот лопнет. — Посмотри на меня, — рычу я, врезаясь в нее, мой член заявляет о своих правах на нее. — Смотри в глаза папочке, пока я буду доводить тебя до беспометства. И когда она это делает, когда ее зелено-золотистые глаза встречаются с моими, я понимаю, что мы даже не обсуждали контроль над рождаемостью. Это небрежная оплошность, и все же в данный момент меня это не волнует. Я должен кончить внутри нее. Я знаю, чем рискую, но какой-то части меня даже нравится мысль о том, что она забеременеет и будет вынашивать моего ребенка. Я закрываю глаза, прогоняя мысли из головы. Сейчас не время. Ее глаза расширяются от моих слов, но она не отводит взгляда, удерживая мой взгляд, пока я вхожу в нее снова и снова. Я чувствую скручивающееся напряжение в паху, нарастающее

удовольствие, угрожающее поглотить меня. Я теряю контроль, моя власть над эмоциями ослабевает, когда одержимость берет верх.— Сдавайся, — подбадриваю я хриплым голосом, мои руки сжимают распорку, когда я вхожу в нее. — Отдай папочке то, что принадлежит ему. Она все еще чувствительна после своих предыдущих оргазмов, ее тело готово к разрядке. Это не занимает много времени, всего несколько мягких кругов моим большим пальцем по ее клитору и сильный толчок, и она вскрикивает, ее тело сотрясается, когда она достигает кульминации вокруг меня. Я позволяю себе упасть, движимый глубокой потребностью, которая пугает меня. Я никогда не чувствовал себя так, настолько поглощенный жадой к одному человеку, навязчивой идеей, которая разрослась, как сорняк, вытесняя все остальные мысли.— Идеально, — хвалю я, мой голос темнеет от одержимости. — Покажи мне, насколько хорошо ты подчиняешься. В ответ она издает пронзительный крик, ее тело прогибается под моим, вдавливаясь в матрас, когда я вхожу в нее.— Тебе это нравится, не так ли, шлюха? — Я дразню, мой голос хриплый от желания. — Тебе нравится быть идеальной папиной куколкой для траха.— Да! — кричит она, мотая головой из стороны в сторону и прижимаясь ко мне. — Пожалуйста, Николай...— Скажи это, — требую я, мои бедра двигаются вперед, мой член входит в ее влажный жар. — Скажи папочке, чего ты хочешь.— Я хочу, чтобы ты кончил, — выдыхает она, впиваясь пальцами в простыни. — Я хочу почувствовать, как ты изливаешься во мне. Знакомое давление нарастает, готовясь сломаться, и с помощью преднамеренных, карающих ударов я, наконец, позволяю себе упасть.— Возьми это, малышка, — приказываю я, мои бедра покачиваются, когда я погружаюсь по самую рукоятку. — Прими каждую каплю в свою пизду. С резким стоном я выпускаю в нее свое семя. Я чувствую, как ее внутренние мышцы сжимаются вокруг меня, выпивая из меня каждую каплю, пока я наполняю ее, и это снова доводит меня до крайности.— О, черт... — я прерываюсь резким криком, моя голова откидывается назад, когда я изливаюсь в нее. На мгновение воцаряется тишина, если не считать нашего хриплого дыхания и глухого стука моего сердца в ушах. Я похоронен глубоко внутри нее, полностью опустошен, удовлетворен так, как никогда раньше не испытывал. Медленно я отстраняюсь, мой полутвердый член выскальзывается из ее тела, и я тянусь к распорке, отстегивая ее, чтобы она могла опустить ноги. Она вздыхает, ее тело расслабляется, когда она вытягивается на кровати, и я придвигаюсь к ней, притягивая ее в свои объятия, наша потная кожа слипается. Я зарываюсь лицом в ее волосы, вдыхая ее, мое сердцебиение медленно возвращается к норме.— Вау, — выдыхает она мягким голосом, ее пальцы лениво выводят узоры на моей груди. — Это было...— Напряженно, — заканчиваю я за нее, мой голос хриплый. Она мычит в знак согласия, кладя голову мне на грудь. Мы оба на мгновение замолкаем, наслаждаясь закатом, и я крепче обнимаю ее, не желая отпускать прямо сейчас. Мой разум лихорадочно строит планы, когда я обнимаю ее. Это далеко не конец; это только начало. Возможно, она отдала свое тело, но я хочу ее сердце, ее душу. Я хочу, чтобы она была моей во всех смыслах этого слова, и я не остановлюсь, пока она не станет моей безвозвратно.— Знаешь, — тихо говорит она, нарушая тишину, — это все меняет. Я приподнимаю бровь, любопытствуя услышать ее мысли. Она поворачивается ко мне лицом, ее зелено-золотистые глаза изучают мои. — Дело не только в физическом влечении. Теперь есть нечто большее. Я киваю, прекрасно понимая, что она имеет в виду. — Я тоже это чувствую, малышка, — признаюсь я мягким голосом. — Это больше, чем просто желание.— И что теперь? — спрашивает она со смесью надежды и неуверенности на лице. Я наклоняюсь, мои губы мягко касаются ее губ. — Теперь, — бормочу я, — мы делаем это шаг за шагом. Мы исследуем это — что бы это ни было — вместе. Она кивает, ее глаза сияют, и наши губы встречаются в мягком, сладком поцелуе, который говорит об обещаниях и возможностях. Я растворяюсь в поцелуе, но уже обдумываю наш следующий шаг, потому что без сомнения знаю, что не отпущу ее. Никогда.

Глава 16

СОФИЯ

Я пытаюсь сосредоточиться на документах, лежащих передо мной, но мой телефон снова жужжит. Жар заливает мои щеки, когда я читаю последнее сообщение Николая, описывающее, что он планирует сделать со мной позже.— Мисс Хенли? — мистер Паттерсон прочищает горло. — По поводу документов о происхождении?— Да, конечно. — Я перебираю бумаги, пытаюсь вспомнить, на чем мы остановились. — Произведение выставилось в Галерее Дюран-Рюэль в 1876 году, и у нас есть оригинал товарного чека от... — Мой телефон снова вибрирует. Я скрещиваю ноги, борясь с желанием проверить. Тяжесть взгляда мистера Паттерсона заставляет меня выпрямить спину. — Мои извинения. Как я уже сказала, документация показывает четкую цепочку владения. Еще одно гудение. Мои пальцы подергиваются.— Ты хорошо себя чувствуешь? Ты выглядишь рассеянной. — Мистер Паттерсон хмурится.— Просто напряженное утро. — Я заставляю себя профессионально улыбнуться, но мои мысли уносятся к сильным рукам Николая, к тому, как он Нет. Сосредоточься. Я построила репутацию этой галереи на скрупулезном внимании к деталям. Я едва могу связать две мысли воедино, не представляя себе серо-стальные глаза и эту понимающую ухмылку.— Возможно, нам следует перенести встречу? — предлагает мистер Паттерсон.— Нет, в этом нет необходимости. — Я встаю, разглаживая юбку. — Позвольте мне ознакомить вас с отчетами технического анализа. Мой телефон звонит дважды подряд. Брови мистера Паттерсона поднимаются.— Вообще-то, возможно, ты прав. Продолжим завтра? В это же время? — Я уже собираю бумаги, мои щеки горят. После того, как он уходит, я облакачиваюсь на свой стол и проверяю сообщения. Я открываю свои сообщения, от каждого из которых у меня перехватывает дыхание. Я все еще чувствую твой вкус на языке с сегодняшнего утра, малышка. Эти шелковые трусики на тебе? Я собираюсь сорвать их зубами. Держу пари, ты сейчас вся мокрая, думая о том, как я собираюсь склонить тебя над этим антикварным столом ...Пришли мне фотографию того, что принадлежит мне. Мои бедра сжимаются, когда я читаю его подробное описание того, что он планирует сделать со мной сегодня вечером. Последнее сообщение показывает, что он отправил его именно в то время, когда мистер Паттерсон спрашивал о документации. Дрожащими пальцами я печатаю в ответ: Из-за тебя я только что не смогла заключить сделку с Паттерсоном на 2 миллиона долларов. Он перенес ее, потому что я не могла сосредоточиться. Теперь ты счастлив? Его реакция последовала незамедлительно. Очень. Больше никто не заслуживает твоего внимания. Это мой бизнес, Николай. Мои средства к существованию. Ты не можешь просто... Я куплю эту вещь сам. Удвою его предложение. Не в этом дело! Ты невозможен. А ты моя. Увидимся в 8. Надень что-нибудь доступное. Я швыряю телефон на стол, ярость и возбуждение борются во мне. Как он смеет быть таким самонадеянным? И все же, несмотря на то, что я киплю, я уже раздумываю, что надеть сегодня вечером. Я смотрю на часы и чертыхаюсь себе под нос. Я уже опаздываю на встречу с Таш. После сообщений от Николая я растерялась, у меня едва хватило времени подкрасить губы, прежде чем выбежать, чтобы поймать Uber. Таш машет мне из нашего обычного углового столика в «Сореллине», когда я прихожу, уже потягивая свой martini. — Ты выглядишь совершенно очарованной.— Неужели это так очевидно? — Я сажусь на свое место, заказывая столь необходимый бокал вина.— Пожалуйста. Ты практически сияешь. — Она наклоняется вперед, барабаня идеально наманикюренными ногтями по столу. — Выкладывай все. И не пропускай самые пикантные моменты. Я прикусываю губу, жар поднимается по моей шее. — Он... сильный. Контролирует. Сводит меня с ума.— В постели или вообще?

— И то, и другое! — Я делаю щедрый глоток вина, которое только что принес официант. — В одну минуту он отправляет мне откровенные сообщения, пока я общаюсь с клиентами; в следующую он покупает картины стоимостью в миллион долларов только потому, что заставил меня отвлечься во время встречи. Глаза Таш искрятся весельем. — Сильный собственник? — Ты понятия не имеешь. На самом деле он сказал: Никто другой не заслуживает твоего внимания. — И это заставляет тебя так волноваться из-за него, верно? — Она ухмыляется, когда я давлюсь вином. — О, милая, ты зашла так далеко. — Я ненавижу то, как хорошо он меня понимает. Как он точно знает, что мне нужно, прежде чем я это озвучу. — Я опускаю голову на руки. — Что я делаю, Таш? — Наконец-то занимаешься умопомрачительным сексом с опасным, великолепным мужчиной, который одержим тобой? — Она элегантно пожимает плечами. — По-моему, самое время. Ты была слишком взвинчена после колледжа. — Ты ужасна. — Но я не могу удержаться от смеха. Вот почему я люблю Таш, потому что она всегда пресекает мое чрезмерное мышление с жестокой честностью. — Вот почему ты держишь меня рядом. — Она поднимает свой бокал. — За то, чтобы наконец-то расслабиться с сексуальным русским мафиози. — Потихонечку! — Я шиплю, но не могу удержаться от смеха над прямой Таш. Пара за соседним столиком смотрит в нашу сторону. — Клянусь, из-за тебя нас выгонят из всех ресторанов Бостона. — Пожалуйста, меня здесь любят. — Таш машет метрдотелю, который тепло улыбается ей. Я протягиваю руку и сжимаю ее руку. — Как у тебя дела, правда? Ты безумно много работала в музее. — Фу, эта новая выставка убивает меня. — Она допивает свой martini. — Куратор из Лувра — просто кошмар. Вчера она фактически довела стажера до слез из-за размещения освещения. — Бедняжка. Помнишь, мы думали, что работать в мире искусства — это гламурно? — Говори за себя. Я все еще очаровательна. — Она театрально откидывает волосы, заставляя меня фыркнуть в бокал с вином. — Хотя и не так гламурно, как твоя новая деятельность. — Таш! — Что? Я живу опосредованно за счет твоей сексуальной жизни, поскольку моя в настоящее время мертвее, чем мумия в подвале. Она всегда знает, как рассмешить меня, даже когда мой мир выходит из-под контроля. Мы были рядом друг с другом во всем, начиная с колледжа: тяжелые расставания, карьерные катастрофы, семейные драмы. Она сестра, которой у меня никогда не было. — Я скучала по этому, — признаюсь я. — Нам нужно почаще ходить на ланч. — Согласна. В следующий раз давай обойдемся без модного заведения и закажем пиццу. Я устала притворяться, что знаю, что входит в половину этих пунктов меню. — Звучит идеально. Я бы не отказалась от чего-нибудь вкусенького прямо сейчас. — Я сигнализирую официанту, чтобы он принес наши настоящие заказы на обед. Пока Таш рассказывает о своей последней музейной драме, мой телефон подозрительно молчит. Я знаю, что Николай играет со мной после того шквала сообщений ранее. Тишина кажется нарочитой. Он, наверное, на каком-то совещании, обдумывает свой следующий шаг, пока я ерзаю. — Земля вызывает Софию? — Таш машет на меня вилкой. — Ты только что пропустила всю мою тираду о некомпетентной осветительной бригаде. — Извини. — Я гоняю салат по тарелке. — Я веду себя как ужасная компания. — Ты ведешь себя как похотливый человек. Есть разница. — Она крадет оливку с моей тарелки. — Хотя, должна признать, забавно наблюдать, как ты проверяешь свой телефон каждые тридцать секунд. — Я не... — Мой телефон жужжит, и я чуть не опрокидываю бокал с вином, потянувшись за ним. Понимающий смех Таш заставляет меня покраснеть. — Ты что-то говорила? Я игнорирую ее, открывая сообщение. Это всего лишь деловое электронное письмо. Меня захлестывает разочарование, что нелепо. Я видела его этим утром, и я увижу его вечером. Эта нужда на меня не похожа. — Великая София Хенли, прикованная мужчиной. — В голосе Таш больше привязанности, чем насмешки. — Никогда не думала, что доживу до этого дня. — Я тоже. — Я делаю большой глоток вина. — Он просто действует мне на нервы. Сводит меня с ума. — Разумеется, наилучшим образом. Мои мысли возвращаются к сегодняшнему утру — руки Николая, сжимающие мои запястья, его рот на моей шее, то, как он прорычал «моя» мне в кожу. Тепло разливается внизу моего живота. — И вот ты снова

начинаешь смотреть на меня мечтательно. — Голос Таш возвращает меня к действительности. — Может, мне оставить тебя наедине с твоими мыслями?— Прекрати. — Я бросаю в нее салфетку, невольно смеясь. Но даже когда мы возвращаемся к более легким темам, мои мысли возвращаются к серо-стальным глазам и властным рукам.

Глава 17

НИКОЛАЙ

Я приезжаю ровно в восемь, зная, что София будет готова. Мой Maybach, урча, останавливается у ее дома, тонированные стекла скрывают меня от посторонних глаз. Через канал наблюдения на моем телефоне я наблюдаю, как она в последний раз проверяет свою внешность — видение в темно-бордовом платье, подчеркивающим ее изгибы. Направляясь к ее двери, я поправляю запонки. В тот момент, когда она открывает ее, у меня перехватывает дыхание. Вживую платье выглядит еще более сногшибательно, вырез достаточно глубокий, чтобы у меня зачесались пальцы провести по нему. — Малышка. — Я притягиваю ее ближе, вдыхая аромат жасмина. — Ты выглядишь восхитительно. Румянец заливаает ее щеки. — Ты и сам неплох. Я веду ее к машине, положив руку ей на спину. — На сегодняшний вечер у меня запланировано кое-что особенное. — Не скажешь мне, что именно? — Терпение. — Я помогаю ей сесть в машину, наслаждаясь тем, как платье слегка задирается. — Это сюрприз. Мы петляем по улицам Бостона, пока не добираемся до гавани. Я организовал отдельную столовую в La Perla, скромном ресторане в отреставрированном викторианском особняке. Владелец в долгу передо мной, так что сегодня все западное крыло в нашем полном распоряжении. Глаза Софии расширяются, когда мы входим в отдельный вход и поднимаемся по винтовой лестнице в освещенную свечами комнату с панорамным видом на озеро. Единственный стол, накрытый белой скатертью, ждет нас, шампанское уже остывает. — Это невероятно. — Она подходит к окну, городской пейзаж отражается в ее глазах. Я подхожу к ней сзади, кладу руки ей на бедра. — Для тебя только самое лучшее. — Мои губы находят то местечко за ее ухом, которое заставляет ее дрожать. — И полное уединение, чтобы насладиться нашим совместным вечером. Она прислоняется спиной к моей груди, напряжение тает, когда я провожу поцелуями по ее шее. — Ты обо всем подумал. — Я всегда так делаю. — Я поворачиваю ее лицом к себе, наслаждаясь тем, как свет свечи играет на ее чертах. — Ну, теперь, может быть, начнем? Я нажимаю незаметную кнопку под столом, вызывая обслуживающий персонал. Они бесшумно входят, неся тарелки с серебряными крышками и хрустальные бокалы для шампанского. — Я взял на себя смелость сделать заказ для нас. — Я наблюдаю за лицом Софии, когда официанты раскладывают каждое блюдо. Ее глаза расширяются при виде свежей бурраты с семейными помидорами — одно и то же блюдо, которое она заказывает каждый раз, когда посещает это маленькое итальянское заведение в Норт-Энде. — Как ты... — Она замолкает, когда перед ней ставят следующее блюдо: омара-пашот, запеченного в масле, с ризотто с черными трюфелями. Именно такую подготовку она предпочитала на своих последних трех благотворительных обедах. Винный стюард наливает ее любимое бордо, редкий винтаж, который я привез на сегодняшний вечер. Пальцы Софии водят по ножке бокала, другая рука слегка дрожит. — Это все мои любимые блюда. Каждое блюдо. — Ее взгляд встречается с моим, смесь удивления и настороженности мелькает в ее зелено-золотистых глазах. — Откуда ты вообще можешь знать? Я наклоняюсь вперед, позволяя своим пальцам коснуться ее пальцев через стол. — Я считаю своим долгом знать о тебе все. Твои предпочтения, твои привычки, твои желания. — Я подношу ее руку к своим губам и целую ладонь. — В тебе нет ничего незначительного для меня. Она дрожит, но не отстраняется. — Это либо невероятно романтично, либо ужасно. — Возможно, и то, и другое. — Я отпускаю ее руку и жестом указываю на еду. — Приступим? Я смотрю, как София смакует каждый кусочек бурраты, ее губы обхватывают вилку так, что мой член подергивается. Она ловит мой пристальный взгляд, и розовый румянец разливаается по ее груди.

— Еда потрясающая, — говорит она, потянувшись за вином. — Только самое лучшее. — Я пробую блюдо, хотя мне хочется чего-нибудь другого. Из-за планов на будущее мне трудно сосредоточиться на еде. — Попробуй омара. Она откусывает, и тихий стон вырывается из ее горла. Звук отдается прямо в мой член. Я ерзаю на стуле, поправляя свои внезапно ставшие слишком тесными брюки. — Ты мало ешь, — замечает она, вытирая губы салфеткой. — Я смакую другие вещи. — Я откидываюсь назад, упиваясь игрой света свечей на ее лице. — То, как ты закрываешь глаза с каждым кусочком. Как двигается твое горло, когда ты глотаешь. У нее перехватывает дыхание. Она откладывает вилку, руки слегка дрожат. Появляется официант с десертом — суфле из темного шоколада с ванильным джелато. Глаза Софии загораются при виде него. — Поделись этим со мной, — тихо приказываю я, придвигая свой стул ближе к ней. Она опускает ложку в теплую шоколадную серединку, и я ловлю ее за запястье, прежде чем она успевает откусить. Поднося ложку ко рту, я поддерживаю зрительный контакт, пробуя сочный десерт. — Твоя очередь. — Я скармливаю ей следующий кусочек, наблюдая, как ее губы смыкаются вокруг ложки. Капля шоколада задерживается в уголке ее рта. Я наклоняюсь, смахивая его большим пальцем, прежде чем последовать за ним языком. Она дрожит, прижимаясь ко мне. — Николай... — Терпение. — Я скармливаю ей еще кусочек, моя свободная рука скользит по ее бедру под столом. — У нас впереди вся ночь, и я намерен наслаждаться каждым мгновением. Я отставляю пустую десертную тарелку в сторону, позволяя своему большому пальцу провести по нижней губе Софии. Ее зрачки расширены, а дыхание прерывистое после нашего интимного сеанса кормления. Уединение нашей скрытой столовой придает мне смелости. — Есть кое-что, чего я хочу от тебя, малышка. — Я наклоняюсь ближе, мои губы касаются ее уха. — Кое-что, чего, я не думаю, что ты когда-либо давала кому-либо еще. Она слегка напрягается. — Ты хочешь сказать... — Да. — Моя рука скользит выше по ее бедру. — Я хочу заявить права на каждую частичку тебя. Сделать тебя моей всеми возможными способами. Дрожь пробегает по ее телу. — Я никогда... — Я знаю. — Я покусываю мочку ее уха, наслаждаясь ее вздохом. — Я подготовлю тебя должным образом. Не торопись, я буду растягивать тебя, пока ты не начнешь умолять о моем члене. Ее бедра сжимаются вместе. — Николай... — Сначала пальцами. — Я рисую узоры на внутренней стороне ее бедра. — Затем специальные игрушки, которые я выбрал как раз для этой цели. К тому времени, когда я возьму тебя, ты будешь отчаянно нуждаться в этом. Она всхлипывает, сводя ноги вместе. Я чувствую запах ее возбуждения и вижу, как затвердели ее соски под тканью платья. — Тебе бы это понравилось? Почувствовать, как я предъявляю права на твою девственную задницу, пока ты выкрикиваешь мое имя? Ее дыхание становится прерывистым. — Да, папочка, — шепчет она. — Хорошая девочка. — Я целую ее в шею. — Потому что я раздражен тем, что не смог претендовать на твою девственность, но придется обойтись твоей анальной вишенкой. Я помогаю Софии подняться на ноги, крепко целую ее. Ее дыхание становится прерывистым, губы в синяках от моих поцелуев. Я осторожно снимаю платье с ее плеч, позволяя ему растечься у ее ног. Она стоит передо мной, воплощение женственности — пышные изгибы, медовая кожа, глаза, потемневшие от возбуждения. Она прикусывает губу, когда я провожу пальцем по кружевному краю ее лифчика, затем вниз, чтобы подразнить шелк ее трусиков. Медленно я снимаю бретельку с ее плеча, обнажая выпуклость ее груди. Протягивая руку, я расстегиваю ее лифчик, позволяя ему упасть. Ее соски твердеют на прохладном воздухе, умоляя о моем прикосновении. Но с этим придется подождать. Без церемоний я снимаю с себя одежду, не прерывая зрительного контакта, обнажаясь перед ней. Ее взгляд опускается на мой твердый член, румянец заливаает ее щеки. Она дрожит, когда я беру ее в свои объятия, наши губы сливаются воедино. Ее язык переплетается с моим, безмолвное приглашение. Мои руки скользят вниз по ее спине, обхватывают попку, прижимая ее к себе, чтобы она могла почувствовать мое возбуждение. Она идеальна. И сегодня вечером она вся моя. Я ставлю ее на четвереньки на плюшевые подушки, ее попка преподносится мне как подарок. Поглаживая свой член, я восхищаюсь видом — ее кремовой кожей, тем, как ее

тело сливается с бархатом, этими длинными ногами, которые преследовали меня в мечтах.— Красивая, малышка, — шепчу я, проводя пальцем вдоль ее позвоночника, вниз по ложбинке между ягодиц. — Все мое. Она хнычет, склонив голову, волосы рассыпались вперед, прикрывая ее лицо. Ее подчинение посылает во мне волну возбуждения, и мой член подпрыгивает в моей руке.— Подними голову. Я хочу видеть твое лицо. Она так и делает, шелк ее волос отражает свет свечей, когда она понимает, что стоит прямо перед зеркалом. Ее глаза затуманены желанием, губы приоткрыты, когда она тяжело дышит.— Хорошая девочка. — Я провожу пальцем по ее влажности, вырывая стон из ее горла. — Тебе это нравится, не так ли? Выставляться на всеобщее обозрение для меня. Ее грудь вздымается, когда я кружу по ее клитору, надавливая ровно настолько, чтобы свести ее с ума.— Пожалуйста. — Она выгибает спину, предлагая мне себя. — Мне нужно больше.— Как пожелаешь, — я усиливаю давление, скользя пальцами по ее гладким складочкам. — Но ты должна заслужить это. Она всхлипывает, двигая бедрами в поисках трения. — Как, папочка? Я наклоняюсь, мои губы касаются ее уха. — Скажи мне, чего ты хочешь. Умоляй об этом.— Я хочу твои пальцы. — Ее голос хриплый и нуждающийся. — Пожалуйста, прикоснись ко мне. Заставь меня кончить.— Какой грязный рот, малышка. — Я просовываю палец в ее жар, наслаждаясь тем, как она сжимается вокруг меня. Обводя большим пальцем ее клитор, я ввожу в нее второй палец, растягивая ее.— Глубже, папочка, — умоляет она, откидываясь назад к моей руке. — Пожалуйста.— Такая голодная малышка, — замечаю я, добавляя третий палец. — Тебе приятно, детка?— Да! — Теперь она тяжело дышит, груди колышутся при каждом толчке моей руки. — Еще... Пожалуйста.— Для тебя все, что угодно. — Я погружаю пальцы в нее, ища это волшебное местечко. — Кончи для меня. Мой большой палец находит ее набухший клитор, потирая круговыми движениями, которые доводят ее до крайности. Она выкрикивает мое имя, ее тело содрогается, когда она распадается на части. Я продолжаю доводить ее до оргазма, вытягивая из нее все до последней капли удовольствия. Постепенно она возвращается на землю, грудь тяжело вздымается, когда она опускается вперед на подушки. Я нежно целую ее в позвоночник, наслаждаясь вкусом ее влажной от пота кожи.— Это было прекрасно. — Я растираю ей руки, чтобы согнать озноб. — Но мы только начали. Ее глаза расширяются, когда я тянусь за смазкой.— Она может показаться холодной. — Я щедро смазываю пальцы, затем провожу дорожку вниз по ложбинке между гладкими холмиками ее задницы. — Но это поможет подготовить тебя к тому, что будет дальше. Она дрожит, когда я обвожу ее тугую попку скользкими пальцами, затем медленно начинаю продвигать один палец внутрь.— Дыши. — Я слегка надавливаю, уговаривая ее. — Расслабься для меня.— Вот и все, — одобрительно бормочу я, когда мой палец проскальзывает внутрь, наблюдая за ее лицом в поисках любых признаков дискомфорта. Но она естественна, ее тело с легкостью принимает мое вторжение. Я безжалостен в погоне за удовольствием, но никогда не беспечен. Я не тороплюсь, растягивая ее понемногу. Она откидывается на мою руку, музыка ее стонов сводит меня с ума.— Вот и все, моя хорошая девочка. — Моя свободная рука опускается, чтобы помассировать ее клитор, заставляя ее снова вскрикнуть. — Такая красивая.— Еще, — выдыхает она, отталкиваясь от моей руки. — Пожалуйста, папочка. Улыбаясь, я провожу пальцем внутри нее, ища то местечко, которое сведет ее с ума. — Жадная девчонка, да? Она стонет, выгибая спину, когда я нахожу особенно чувствительное место. — Да! Вот здесь.— Такая отзывчивая. — Я добавляю второй палец. — Не могу дождаться, когда почувствую, как ты сжимаешься вокруг моего члена. Ее голова наклоняется вперед, волосы падают на лицо, когда она растворяется в ощущениях. — О Боже, Николай— Подними голову. Открой глаза и посмотри на меня. — Я хочу, чтобы она увидела себя такой, полностью обнаженной и распутной. — Посмотри на себя. Такая красивая и разбитая из-за меня. Медленно она поднимает голову, глаза затуманиваются от возбуждения, когда она разглядывает свое отражение — раскрасневшуюся кожу, напрягшиеся до пиков соски, рот приоткрыт в беззвучном крике.— Черт возьми, ты великолепна. — Я глубоко вонзаю пальцы, заставляя ее вскрикнуть. — Покажи мне, кому ты принадлежишь,

малышка. Ее бедра изгибаются, стремясь к большему. Я убираю пальцы, только чтобы добавить третий, медленно вводя их внутрь. Она напряжена, но нетерпелива, и ее тело принимает вторжение. — Хорошая девочка, — хвалю я, загибая пальцы, чтобы снова найти это место. — Отпусти, малышка. Я держу тебя. Теперь она тяжело дышит, ее тело обмякло, когда она отдается наслаждению. Я продолжаю безжалостную атаку на ее простату, поглаживая это волшебное местечко и растягивая ее. — Ты была создана для этого. — Я высвобождаю пальцы, и ее тело рефлекторно сжимается. — Ты готова к большему? Она кивает в ответ. Я тянусь за силиконовой игрушкой, зная, что это подготовит ее к тому, что должно произойти. Она не такая толстая, как мой член, но все равно бросает вызов. Ей нужно будет растянуться, если она хочет взять меня полностью. Щедро смазывая фаллоимитатор, я подношу его поближе к ее входу. — Дыши. Медленно и глубоко. Она кивает, ее грудь быстро поднимается и опускается. Взявшись за основание игрушки, я прижимаю кончик к ее дырочке, наблюдая за выражением ее лица в поисках любых признаков сопротивления. Медленно я толкаюсь внутрь, чувствуя, как ее тело податливо вокруг меня. — Вот и все. — Я направляю игрушку глубже, равномерно надавливая. — Просто позволь своему телу принять. Она всхлипывает, но не отстраняется. Ее тело сжимается вокруг фаллоимитатора, испытывая смесь возбуждения и дискомфорта. — Он большой, папочка. — Я знаю, но ты можешь взять его. — Я загоняю игрушку поглубже, наслаждаясь тем, как она растягивается, приспособливаясь ко мне. — Аккуратно и медленно. Наконец, игрушка наполовину погружена в нее. Она ерзает, пытаясь привыкнуть к ощущениям. — Подожди минутку, — мягко приказываю я, делая паузу, чтобы дать ей расслабиться. — Это будет невероятно, как только ты привыкнешь. Она делает несколько глубоких вдохов, закрывая глаза, как будто хочет сосредоточиться. — Хорошо, продолжай. Я улыбаюсь, мое собственное возбуждение растет. — Для тебя все, что угодно, малышка. Продвигаясь вперед, я загоняю игрушку глубже в нее, наблюдая за выражением ее лица в поисках любого признака страдания. Но она принимает это как чемпион, ее тело приветствует вторжение. Вскоре игрушка погружается по самую рукоятку. Я держу ее неподвижно, позволяя ей привыкнуть к ощущениям. Ее внутренние мышцы сжимаются вокруг фаллоимитатора, дразнящее предвосхищение того, что должно произойти. — Как ты себя чувствуешь? — Спрашиваю я, убирая волосы с ее лица. — Наполненной, — шепчет она, закусывая губу. — Но в хорошем смысле. — Рад это слышать. — Я начинаю двигать игрушку, сначала медленно, наблюдая за ее реакцией. — Просто расслабься и наслаждайся поездкой. Когда я начинаю толкаться, ее тело инстинктивно реагирует. Ее бедра отклоняются назад навстречу моим ударам, дыхание становится прерывистым. — Вот и все, малышка. Возьми все, что тебе нужно. — Я ускоряю темп, наслаждаясь видом ее капитуляции. — Моей грязной девчонке нравится, когда ее трахают в задницу? — Да, папочка, — хнычет она, сжимая руки в кулаки. — Это так приятно. Ее тело податливо под моими руками, подчиняясь моей воле. Это пьянящее ощущение, когда она так полностью подчиняется. Я осторожно вытаскиваю игрушку, вызывая у нее протестующий стон. — Шшш. — Я успокаиваю ее, целуя в плечо. — Пришло время для папочкиного члена. Я наблюдаю за ее лицом, когда занимаю позицию перед ее входом. Ее глаза затуманены смесью возбуждения и трепета. Погрузиться в нее будет нелегко; это растянет ее до предела. Мое дыхание учащается от этой мысли. — Посмотри на меня, малышка. — Я сжимаю ее бедра, чувствуя, как по ней пробегает дрожь. — Не закрывай глаза. Она кивает, закусив губу. Я делаю вдох, успокаиваясь. Этот момент решающий. Одно неверное движение, и я могу причинить ей боль. — Я буду действовать медленно, — бормочу я. — Но все равно может немного жечь. Она снова кивает, ее глаза прикованы к моим. Сжимая свой ствол, я направляю кончик к ее входу. С нежным, но неустанным нажимом я начинаю проталкиваться внутрь. София ахает, ее глаза расширяются от этого ощущения. — О Боже... — Шшш, малышка. — Я целую ее в плечо, желая, чтобы она расслабилась. — Просто дыши. Я делаю шаг вперед, чувствуя, как ее мышцы сопротивляются, затем неохотно уступаю. — Хорошо, — мягко подбадриваю я. — Позволь своему телу открыться для меня. Она

выгибается назад, сдавленный стон вырывается из ее горла. Я замираю, давая ей время привыкнуть. — У тебя отлично получается. — Я прижимаюсь носом к ее шее, вдыхая ее неповторимый аромат. — Такая чертовски тугая. Нежным, но решительным толчком я погружаюсь глубже. — О, Николай... — Она прикусывает губу, глаза ее сверкают. — Я знаю, это напряженно, — шепчу я, целуя мочку ее уха. — Но ты примешь все. Еще один толчок, и я наполовину погружен в нее. — Черт. Такая идеальная и тесная вокруг меня. — Папочка... Звук этого слова на ее губах вызывает во мне волну возбуждения, и мой контроль ослабевает. Мощным толчком ярываюсь внутрь до конца. — О Боже мой... — София закатывает глаза, из ее горла вырывается крик. Я замираю, мой член глубоко погружен в нее. — Ты в порядке, малышка? Она всхлипывает, голова опускается вперед, пока она приспосабливается к моему размеру. — Просто... дай мне секунду. Я запускаю пальцы в ее волосы, нежно целую позвоночник. Постепенно она расслабляется вокруг меня, ее тело принимает мое вторжение. Я даю ей время прийти в себя, прежде чем начать двигаться. Медленно я выхожу, затем толкаюсь обратно, вызывая у нее стон. — Хорошо, малышка? — Да, — выдыхает она, запрокидывая голову и отдаваясь наслаждению. — Еще. Я подчиняюсь, увеличивая темп. Ее внутренние мышцы крепко сжимают меня, когда я толкаюсь в нее. — Тебе это нравится? — Я стою, теряя контроль. — Мой член в твоей заднице? — Да! — Она встречает мои толчки нетерпеливыми движениями бедер. — Сильнее, пожалуйста. Повинуясь ее команде, я вонзаюсь в нее, упиваясь видом ее самоотдачи. Ее груди покачиваются при каждом ударе, соски напрягаются до пиков. Ее голова падает вперед. — О Боже, Николай, вот здесь! Зная, что она близко, я протягиваю руку, чтобы погладить ее клитор. Это выводит ее из себя. — Папочка, я... — кричит она, сотрясаясь в конвульсиях, когда находит разрядку. Я погружаюсь в нее, чувствуя, как ее внутренние стенки сжимаются вокруг меня. Ее оргазм доит мое собственное освобождение, и я изливаюсь в ее тугую попку, мое тело сотрясается от его силы. Постепенно я возвращаюсь на землю, мое дыхание замедляется по мере того, как исчезает эйфория. Я осторожно выхожу из нее, ненавидя потерю связи. Она опускается на подушки, грудь вздымается, когда она наслаждается закатом. Я утыкаюсь носом в ее волосы, целую плечо. — Это было... — Она замолкает, словно не в силах подобрать слова. — Интенсивно. Я хихикаю, испытывая чувство триумфа. — Ты справилась с этим как профессионал, малышка. Она поворачивает голову, сонная улыбка изгибает ее губы. — У меня талантливый учитель. Я заключаю ее в объятия, нежно целую. — А теперь отдохни немного. У нас впереди еще много веселья. С удовлетворенным вздохом она прижимается ко мне, уже на полпути в страну грез. Я прижимаю ее к себе, мои пальцы скользят по ее волосам. Сегодняшний вечер стал откровением. Наша связь глубже, чем я себе представлял, и я понимаю, что моя одержимость превращается в нечто более опасное. Когда я глажу ее по волосам, в моей голове крутятся планы на наше будущее. Я хочу показать ей еще так много всего, так много удовольствий, которые нужно исследовать.

Глава 18

СОФИЯ

Я напеваю, паря по своей квартире, все еще находясь на взводе после прошлой ночи с Николаем. То, как он прикасался ко мне, напряженность в его глазах — я не могу перестать проигрывать каждое мгновение.— Соберись, — бормочу я, качая головой, пока расставляю бокалы с вином и закуски на кофейном столике. Таш придет на наш вечер кино через час, и мне нужно сосредоточиться. Я направляюсь на кухню, чтобы взять открывалку для бутылок из ящика, но останавливаюсь, когда что-то привлекает мое внимание. Блеск металла за моей любимой кофейной кружкой. Нахмурившись, я протягиваю руку, и мои пальцы натываются на что-то маленькое и твердое. Кровь леденеет у меня в жилах, когда я достаю крошечную камеру, не больше ногтя на большом пальце. Она умело спрятана и расположена так, чтобы снимать всю кухню.— Нет, нет, нет ... — Мои руки дрожат, когда я рассматриваю ее. Это не какая-нибудь дешевая шпионская камера — она профессионального класса, дорогая. Такая, которой пользуются люди, которые знают, что делают. Мои мысли путаются. Как долго она здесь? Кто ее туда положил? Я осматриваю кухню новыми глазами и замечаю еще одну, спрятанную за угловой молдинг. Бокалы для вина звякают, когда я слишком резко ставлю их на стол. Мое святилище, мое личное пространство нарушено. Я обхватываю себя руками. Мои руки дрожат, когда я хожу по своей квартире, осматривая каждый уголок с новым подозрением. Я нахожу еще шесть камер, прикрепленных к рамам для фотографий и спрятанных на книжных полках, даже одну в светильнике в моей спальне.— Этого не может быть. — Я бросаю их все в ящик своего стола и с грохотом его закрываю. Металлический звон заставляет мой желудок перевернуться. Опускаясь на свой итальянский кожаный диван, я массирую виски. Всплывает воспоминание — когда на прошлой неделе я повсюду искала свои любимые черные кружевные стринги. За неделю до этого с тумбочки в ванной исчезла моя шелковая повязка для волос. В то время я винила во всем свой рассеянный ум, слишком занятый галереей, чтобы следить за происходящим. Но теперь...— Нет. — Я качаю головой, отказываясь доводить эту мысль до конца. Напряженный взгляд Николая вспыхивает в моем сознании. Как он, кажется, знает обо мне то, чего не должен знать. Как он появляется в нужный момент. Мои пальцы касаются отметины, которую он оставил на моей шее прошлой ночью, и я дрожу. Камеры кажутся обвиняющими взглядами, даже запертые в ящике стола. Время их появления, профессиональное качество и пропавшие вещи — все указывает на одного человека. Я хватаю свой телефон, большой палец замирает над контактом Николая. Но что я вообще могу сказать? — Эй, ты шпионишь за мной через скрытые камеры? — Эта мысль заставляет меня рассмеяться, хотя звучит как сдавленный смех. Вместо этого я убираю телефон и сворачиваюсь калачиком на диване, пытаюсь игнорировать растущую уверенность в том, что мужчина, в которого я влюбляюсь, следит за каждым моим движением. Мой телефон жужжит от сообщения Таш, что она почти здесь. Сказать ей? Позвонить в полицию? Звонок в дверь заставляет меня подпрыгнуть. Я поспешно вытираю глаза и приглаживаю волосы, пытаюсь взять себя в руки.— Иду! — Мой голос срывается, и я прочищаю горло, прежде чем открыть дверь. Таш стоит там со своей фирменной красной помадой на губах, держа в руках бутылку вина. — Я принесла хорошее вино. Это Бордо, ты... — Она замолкает на полуслове, ее улыбка исчезает. — Что случилось? — Ничего. — Я растягиваю губы в, как я надеюсь, убедительной улыбке. — Просто устала после напряженной недели в галерее. Она прищуривает глаза, заходя внутрь. — София Хенли, я знаю тебя со времен Колумбийского университета. Это твое выражение лица типа «все определенно не

в порядке». — Правда, я в порядке. — Я беру у нее вино и открываю его. Мои руки слегка дрожат, когда я поворачиваю штопор. — Как прошел твой день? — Э-э-э. — Таш скрещивает руки на груди. — Не пытайся уклоняться. Ты выглядишь так, словно увидела привидение. Я разливаю вино, наблюдая, как темная жидкость переливается в бокалах. Ящик с камерами, кажется, прожигает дыру в моем сознании. — Я в порядке, — настаиваю я, натягивая еще более широкую улыбку. — Просто... обдумываю кое-какие дела на работе. Ты же знаешь, как это бывает. Таш берет стакан, который я ей предлагаю, но выражение ее лица остается скептическим. — Как скажешь. Но помни, что я тебе всегда говорю... — Ты не можешь врать болтушке, — заканчиваю я за нее, выдавив небольшой искренний смешок. — Я знаю, знаю. Она устраивается на диване, похлопывая по месту рядом с собой. — Ну, что бы это ни было, нет ничего такого, чему не могли бы помочь хороший фильм и вино, верно? Я опускаюсь рядом с ней, благодарная за ее присутствие, даже если не могу сказать ей правду. Пока нет. Не тогда, когда я все еще пытаюсь переварить это сама. Я глубже зарываюсь в подушки дивана, притворяясь, что смотрю романтическую комедию, которую выбрала Таш. На экране пара, исполняющая главную роль, делится своим первым поцелуем, но я могу думать только о руках Николая на моем теле прошлой ночью — о тех же руках, которые, должно быть, установили камеры и вторглись в мое святилище. У меня мурашки по коже. Сколько раз он наблюдал за мной? Пока одеваюсь, танцую по кухне во время готовки, плачу из-за неудачного дня на работе? Все те интимные моменты, которые, как я думала, были только моими. Вино становится кислым у меня во рту. Прошлой ночью я отдала ему все — свое тело, свое доверие. И все это время он наблюдал за мной, как какой-то извращенный вуайерист. — Земля вызывает Софию? — Рука Таш танцует перед моими глазами. — Ты не слышала ни слова из того, что я сказала. — Извини, просто... — Мой телефон жужжит у бедра, на экране высвечивается имя Николая. Думаю о тебе, малышка. До сих пор ощущаю твой вкус на языке. Мои пальцы сжимают телефон. От этих слов меня тошнит. Я хочу швырнуть чем-нибудь. Как смеет Николай вести себя со мной так интимно, тайно шпионя за мной? Далее следует другой текст. Когда я смогу увидеть тебя снова? Телефон выскальзывает из моих внезапно онемевших пальцев. Жар заливает мое лицо — на этот раз не от желания, а от чистой ярости. — София? — Обеспокоенный голос Таш едва слышен. — Ты выглядишь так, словно собираешься кого-то убить. Если бы только она знала, насколько была права. Я хочу ворваться в пентхаус Николая и встретиться с ним лицом к лицу. Потребовать ответов. Но холодный расчет за этими камерами останавливает меня. Это не просто желание или контроль — это нечто более темное. Мой телефон снова жужжит. Я не смотрю на него. Не могу на это смотреть. Каждое сообщение ощущается как очередное нарушение, еще одно напоминание о том, что человек, которому, как я думала, я могла доверять, на самом деле хищник. Опасный.

Глава 19

НИКОЛАЙ

Я меряю шагами свой офис, каждый мускул напряжен от ярости. Экран, показывающий квартиру Софии, издевается надо мной внутренней стороной ящика, куда были засунуты мои камеры. Моя малышка догадалась об этом, как я и предполагал. Она слишком умна, чтобы не связать все воедино. Мой телефон молчит. Ни звонков, ни сообщений. Пустота от ее отсутствия сжимает мне грудь. — У тебя будет дырка в ковре, — говорит Дмитрий с порога. Я пронзаю брата убийственным взглядом. — Тебе что-то нужно? — Итальянцы... — Ты более чем способен справиться с этим без меня. — Я снова проверяю свой телефон. Ничего. Воспоминание о ней подо мной, доверчивой и открытой, преследует каждое мгновение. Одна идеальная ночь, прежде чем все рухнуло. Желание пойти в ее галерею, заставить ее посмотреть мне в лицо, пульсирует в моих венах. Но София не какая-то обычная сотрудница, которую я могу запугать, чтобы заставить подчиниться. Она требует... утонченности. СТРАТЕГИИ. — Ты одержим, — говорит Дмитрий. — Убирайся. Он задерживается в дверях. — Николай... — Сейчас. — Лед покрывает каждый слог. Дверь со щелчком закрывается за ним. Я открываю свой телефон, вытаскивая последнее изображение с камер, где она мирно свернулась калачиком на диване, прежде чем она обнаружила мое предательство. Ярость нарастает снова, но на этот раз она направлена на меня за то, что я просчитался и позволил ей заставить меня потерять контроль. Моя рука сжимает телефон так крепко, что корпус скрипит. Мне следовало подождать. Следовало привязать ее к себе покрепче. Теперь она убежит, попытается спрятаться. Но она не понимает — она уже моя. Была с того самого момента, как я увидел ее. Я снова набираю ее номер, пальцы висят над клавишами. Но что я могу сказать? Извинения ничего не значат, когда ты так грубо нарушил чью-то частную жизнь. И я сожалею не о том, что присматривал за ней, защищал ее, а только о том, что потерял ее. Телефон с грохотом падает на мой стол. Мне нужно составить план. София слишком дорога мне, чтобы рисковать необдуманными действиями. Резкий стук прерывает мои мрачные мысли. — Войдите. Входит Вадим, сжимая в руке потертый конверт из манильской бумаги. Его лицо серьезно. — Сэр, мы нашли их. Запечатанные записи об усыновлении. Мой пульс учащается, когда я выхватываю папку из его рук. Когда я раскладываю ее содержимое по столу, бумага кажется тяжелой от секретов. София Кастеллано. У меня перехватывает дыхание. Не Хенли Кастеллано. Название сверкает на странице, как бренд. Свидетельство о рождении. Рим, Италия. Мать: Мария Елена Романо. Отец... — Черт. — Проклятие вырывается прежде, чем я успеваю его остановить. Антонио Кастеллано. Глава одной из самых могущественных криминальных семей Италии. Образы проносятся у меня в голове — то, как она двигается, ее естественная грация, те боевые навыки, которые она продемонстрировала. Детали встают на свои места с тошнотворной четкостью. В документах подробно описывается безумный переезд в Америку, когда ей было шесть. Законная жена Кастеллано обнаружила его любовницу и пригрозила все разоблачить. Софию тайно вывезли из Италии и поместили к Хенли, чтобы защитить мать и ребенка. Мои пальцы прослеживают ее настоящее имя при рождении. Она понятия не имеет, кто она на самом деле. Кто ее отец или что в ее жилах течет сила. — Это еще не все, сэр. — Вадим протягивает мне другой документ. — Ее мать погибла в автомобильной аварии через два месяца после удочерения Софии. Причастность жены подозревалась, но так и не была доказана. Гнев, нарастающий во мне, угрожает взорваться. Моя София, оторванная от всего, что она должна была знать, спрятана в Бостоне, ее истинное наследие погребено под ложью. Фрагменты встают на свои места с жестокой чет-

костью. Смерть Хенли не были случайными. Перерезаны тормозные магистрали. Профессиональный наезд, замаскированный под несчастный случай — точь-в-точь как то, что случилось с биологической матерью Софии. Мои руки сжимаются в кулаки, комкая документы об усыновлении. Кто-то знает. Кто-то выслеживал ее, выжидал. И, покопавшись в ее прошлом, я, возможно, нарисовал мишень у нее на спине. Я хватаю телефон и набираю номер ее галереи. Один звонок. Два. Три. — Вы позвонили Софии Хенли по... — Черт. — Я бросаю трубку. Мое сердце колотится о ребра, когда в голове проносятся сценарии. У итальянцев могли быть люди, которые наблюдали за ней прямо сейчас. Жена, заказавшая смерть ее матери, могла узнать, что София выжила. Я набираю номер Вадима, и он берет трубку после второго гудка. — Достань мне все о Лючии Каstellано, — рывкаю я Вадиму. — Телефонные записи, история поездок, текущее местонахождение. И выясни, кто еще имел доступ к этим записям об усыновлении. Я просматриваю записи с камер, снятых снаружи галереи Софии. Ничего необычного. Никаких подозрительных машин. Но это ничего не значит — профессионалы знают, как оставаться незамеченными. Ирония скручивает меня изнутри. Я установил эти камеры, чтобы защитить ее, обеспечить ее безопасность. Вместо этого моя одержимость раскрытием ее прошлого, возможно, подвергла ее опасностям, от которых я хотел ее оградить. Я бросаю взгляд на свое запястье. До закрытия ее галереи остается три часа — три часа, в течение которых может произойти все, что угодно, пока она сердита и отвлечена, не следя за окружающим. Я хватаю куртку со спинки стула, уже направляясь к частному лифту. Мои шаги эхом отдаются в пустом коридоре, когда я нажимаю кнопку гаражного уровня. — Достань мне все, что есть на этих записях, в течение часа, — рывкаю я Вадиму в телефон, прежде чем закончить разговор. Двери лифта открываются, и я вижу ожидающий меня Bentley. Я сажусь за руль, кожаное сиденье никак не помогает успокоить мои мысли. Двигатель урчит, и я выезжаю из гаража, вписываясь в поворот острее, чем необходимо. Подключается моя система громкой связи, пока я лавирую в вечернем потоке машин. Я набираю номер мобильного Софии, костяшки моих пальцев на руле побелели. — Привет, вы позвонили Софии. Пожалуйста, оставьте... Я с проклятием отключаю ее голосовую почту, объезжая медленно едущий седан. Следующим идет номер галереи, но он звонит бесконечно, прежде чем появится автоматическое сообщение. — Вы позвонили Софии Хенли по... — Черт возьми. — я заканчиваю разговор, сильнее нажимая на акселератор. Движение ползет на красный свет, и я сопротивляюсь, чтобы не проехать на его. В голове прокручиваются сценарии наихудшего развития событий — наемные убийцы Люсии Каstellано, итальянцы делают ход, и София уезжает из города, чтобы сбежать от меня. Каждая возможность заставляет новый прилив адреналина течь по моим венам. Я снова набираю номер ее мобильного, сразу переключаясь на голосовую почту. Линия галереи продолжает звонить без ответа. Раздается звуковой сигнал, когда я прорываюсь сквозь поток машин, игнорируя сердитые жесты других водителей. Ничто не имеет значения, кроме как добраться до ее галереи и увидеть ее в безопасности собственными глазами. Даже если она возненавидит меня, даже если сбежит — мне нужно знать, что она защищена. Десятиминутная поездка растягивается в вечность. Мой телефон молчит, ни слова ни от нее, ни от моих людей. Неопределенность сжимает мне грудь, чужая и нежеланная. Я не привык к такой потере контроля, к этому страху. Я врываюсь в двери галереи, заставляя их ударяться о стены. Резкий звук эхом разносится по пространству, пока я осматриваюсь в поисках угроз, мое сердце бешено колотится. София стоит за прилавком, составляя каталог новых изделий. При моем появлении она вскидывает голову, золотисто-зеленые глаза расширяются, прежде чем сузиться до щелочек. Никаких признаков опасности, никаких признаков незваных гостей. Только она, целая, невредимая и разъяренная. — Убирайся. — Ее голос мог заморозить сам ад. — София... — На случай, если ты пропустил тишину в телефоне и пустые экраны твоих маленьких шпионских камер, я с тобой не разговариваю. — Она возвращается к своей работе, отсылая меня, как прислугу. Облегчение от того, что я нашел ее невредимой, борется с новой яростью из-за ее неповиновения.

Я направляюсь к стойке, но она не вздрагивает и не поднимает глаз.— Нам нужно обсудить...— Нет, на самом деле не нужно. — Она захлопывает каталог. — Мне нечего сказать тому, кто нарушает мою частную жизнь и обращается со мной как с собственностью, за которой нужно следить.— Все не так просто. — Мои пальцы сжимаются на краю стойки, костяшки побелели от напряжения.— Вообще-то, так и есть. — Она наконец встречается со мной взглядом, и боль, скрывающаяся за ее гневом, режет глубже любого лезвия. — Уходи. Сейчас же. Или я вызову полицию.— Ты позвонишь в полицию? — Мой голос падает до убийственного шепота. В два шага я обхожу стойку и хватаю ее за горло, прижимая к стене. Мои пальцы сжимаются на ее пульсирующей точке. — Попробуй. У Софии перехватывает дыхание, но она не сопротивляется. Умная девочка. Ее глаза горят вызовом, даже когда ее тело отвечает на мои прикосновения.— Ты думаешь, я не отключу твой телефон прежде, чем ты успеешь набрать номер? Что мне не принадлежит половина полиции в этом городе? — Я наклоняюсь ближе, вдыхая ее аромат. — Сейчас ты меня выслушаешь, малышка. От этого зависит твоя жизнь. Ее горло сжимается под моей хваткой, когда она сглатывает. — Отпусти. Я отпускаю ее горло, но прижимаю к стене своим телом. Боль и предательство в ее глазах ранят глубже, чем я ожидал.— Камеры. Проникновение в мою квартиру. Мои пропавшие вещи. — Голос Софии дрожит от ярости. — Что за болезненная одержимость...— Я расскажу тебе все. — Моя рука скользит к ее лицу, большой палец касается ее щеки. Она отстраняется от моего прикосновения. — Но сначала тебе нужно выслушать. Твоя жизнь в опасности. Она усмехается. — Опять манипуляции?— Твое настоящее имя София Кастеллано. Родилась в Риме в семье Марии Елены Романо и Антонио Кастеллано. Краска отливает от ее лица. — Что?— Я нашел запечатанные записки о твоём усыновлении. Твоя мать была убита через два месяца после того, как отправила тебя в Америку. Те же люди, которые убили ее, возможно, убили твоих приемных родителей. — Мои пальцы сжимаются на ее подбородке. — И, возможно, следующим они придут за тобой. — Ты лжешь. — Но в ее голос закрадывается сомнение.— Я покажу тебе документы. Все, что я нашел. — Я наклоняюсь ближе, желая, чтобы она поняла. — Да, я установил камеры в твоей квартире. Да, я вломился. Я наблюдал за тобой, защищал тебя...— Крадешь мое нижнее белье? Мои резинки для волос? — Ее глаза сужаются. — Это не защита, это извращенное преследование. Стыд прожигает меня насквозь, чужой и нежеланный. — Я не буду отрицать свою одержимость тобой. Я провожу большим пальцем по ее щеке, мой пульс учащается от ее вызывающего взгляда. — С первого момента, как я увидел тебя, ты поглотила меня. Каждая мысль, каждый вздох — только ты. Я бы не вынес, если бы не знал, что ты делаешь. София пытается вырваться, но я крепко держу ее. — Это ненормально, Николай. Врываешься в мой дом, забираешь мои вещи...— Ненормально? — Я издаю резкий смешок. — Ничто из того, что я чувствую к тебе, не является нормальным. Ты у меня под кожей, в моей крови. Когда я не с тобой, я не могу сосредоточиться. Не могу думать. Я был так чертовски опьянен тобой, что мне пришлось дрончить на твое спящее тело. — Ее челюсти сжимаются. — Что за черт? — Я сказал, что расскажу тебе все. Однажды ночью я даже кончил в твою бутылку с водой. Ты бы выпила мою сперму на следующее утро...— Это отвратительно, — выплевывает она, но ее зрачки расширяются. Я хватаю ее за подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза. — Вот как сильно я тебя люблю, малышка. Как всецело ты завладела мной. Я никогда... — Мой голос грубеет. — Я никогда так не терял контроль. Никогда не нуждался в ком-то так, как в тебе. У нее перехватывает дыхание. — Николай...— Сопротивляйся сколько хочешь. Но ты тоже это чувствуешь. Это за гранью разума, за гранью здравомыслия. — Наши лбы соприкасаются. — Я не буду извиняться за то, что хочу каждую частичку тебя. За необходимость отмечать тебя как свою всеми возможными способами. Ее губы врезаются в мои с сокрушительной силой. Вкус ее гнева и желания наполняет мой рот, когда она целует меня с неприкрытым отчаянием. Мои руки скользят в ее волосы, крепко сжимая, пока я пожираю ее. Она стонет, прижимаясь ближе, ее тело выдает ее потребность, несмотря ни на что. Поцелуй становится яростным, зубы

лязгают, языки дерутся. Стена обеспечивает идеальный рычаг давления, когда я прижимаю ее к себе, позволяя ей почувствовать всю степень моего возбуждения. Она соответствует моему напору, проводя ногтями по моей спине через пиджак. Затем внезапно она отстраняется, грудь тяжело вздымается. — Это наш последний поцелуй. — Ее голос срывается. — Ничего хорошего из этого не выйдет. От преследования. От злоупотребления доверием. — Преследование — высшая форма лести. — Я провожу большим пальцем по ее припухшей нижней губе. — Со временем ты поймешь. Все, что я делаю, направлено на то, чтобы обладать тобой, защищать тебя. — Ты сумасшедший. — Но она не отстраняется от моего прикосновения. — Возможно. — Я наклоняюсь ближе, мои губы касаются ее уха. — Но сейчас тебе нужно пойти со мной. От этого зависит твоя безопасность. Люди, которые убили твою мать, твоих приемных родителей, все еще на свободе. — Я могу сама о себе позаботиться. — Не против такого уровня опасности. — Мои пальцы сжимаются на ее подбородке. — Пойдем со мной добровольно, или я заставлю тебя. Твой выбор, но ты в любом случае уйдешь со мной. Вызов, искрящийся в ее глазах, говорит мне все, что мне нужно знать. София переминается с ноги на ногу, готовая убежать или драться. Я уже видел такую позу раньше, зная, что она не пойдет тихо. — Не усложняй ситуацию больше, чем нужно, — бормочу я, засовывая руку в карман. — Иди к черту. — Она пытается нырнуть мне под руку, но я легко ловлю ее. Одним плавным движением я прижимаю предварительно заряженный шприц к ее шее и нажимаю на поршень. Ее глаза недоверчиво расширяются, когда она понимает, что я сделал. — Ты накачал меня наркотиками? Ты чертов ублюдок — Слова звучат невнятно, когда действует успокоительное. Ее колени подгибаются, и я прижимаю ее к своей груди, баюкая за голову, пока она обмякает. — Шшш, я держу тебя. — Я убираю волосы с ее лица, когда ее глаза закрываются. Она борется с этим до последнего момента, пытаюсь смотреть на меня, даже когда сознание ускользает. Затем она лежит без сознания в моих объятиях, умиротворенная, несмотря на свою ярость несколько мгновений назад. Я осторожно поднимаю ее, одной рукой поддерживая под колени, другой поддерживая за плечи. Ее голова опускается мне на грудь, пока я несу ее к запасному выходу, где ждет моя машина. Успокоительное продержит ее в отключке до поездки на конспиративную квартиру — достаточно долго, чтобы доставить в безопасное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.